

Родная ДАДОГА

№ 1' 2007

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

**издается ежеквартально
при участии:**

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора Православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурно-
го наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Николай КОНЯЕВ
«Ангел над островом»

Филипп КАЗИН
Василий РУБАНИК
*Будет ли хуже?
Уроки Кондопоги и нацио-
нальная политика в России*

Валентина ЕФИМОВСКАЯ
*«Без нас погибнет этот мир»
(духовные основы и художест-
венные направления санкт-
петербургской литературы)*

Стихи священника
Анатолия ТРОХИНА

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Протоиерей Николай АГАФОНОВ (Самара) — член Союза писателей России, награжден орденом святителя Иннокентия 3-й степени.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — Председатель Самарской писательской организации, член Правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Русское эхо».

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, генеральный директор и руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь Правления Союза писателей России, гл. редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отделом поэзии журнала «Новый мир».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член Правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель Правления Союза писателей России, руководитель Орловской писательской организации.

СЕМЕНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации, член Правления Союза писателей России.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора Православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Дорога жизни. Слово от редакции литературно-художественного журнала «Родная Ладога»	5
Сергей Перевезенцев. «В начале было Слово»	145

ПОЭЗИЯ

Священник Анатолий Трохин	15
Борис Орлов	108
Геннадий Попов	111
Сергей Хомутов	129
Владимир Марухин	164

Северная СТОЛИЦА

Николай Коняев. Ангел над островом	18
---	----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Александр Корольков. Яблоко от Достоевского	53
--	----

ПРОЗА

Игорь Изборцев. «Золотое» время. Рассказы	58
Александр Казаков. Словеса. Рассказ	132
Протоиерей Николай Агафонов. Простые истории. Рассказы	157

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Филипп Казин. Василий Рубаник. Будет ли хуже? Уроки Кондопоги и национальная политика в России	86
Валентин Семенов. Пропаганда порока и проблемы духовно-нравственного воспитания российской молодежи	168

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Алексей Швечиков. О безрелигиозной духовности	101
Александр Казин. Восток, Запад и Россия. Отрывок из новой книги «Великая Россия»	176

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. «Без нас погибнет этот мир».

*Духовные основы и художественные направления
современной Санкт-Петербургской литературы* 114

Высокие ТЕХНОЛОГИИ

Александр Алексеев. Боевой атом углерода..... 150

ВЕХИ

Крепить единство православной общественности (О Форуме,
проведенном Собором Православной интеллигенции Санкт-Петербурга)..... 189

Наша

ИДЕОЛОГИЯ

ДОРОГА ЖИЗНИ

*слово от редакции
литературно-художественного
журнала «Родная Ладога»*

*Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.*

П. Богданов

«...все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается», — этот художественный образ целостности мироздания, духовной сверхпроводимости, найденный великим писателем Ф.М. Достоевским, понятен русскому человеку, особенно через сравнение с водной стихией. Кажется, что каждый русский — моряк. Да так оно и есть. Генетическая любовь к морю, к водам бескрайним, коренится не только в особом Божественном жизнеобеспечивающем свойстве воды, но и в ее родительской, воспитательной функции. Где, как не на водах, то ласковых, то гневно бурливых, человек учится преодолевать трудности, бороться и побеждать. Не от того ли и проистекает закономерность побед русских, что первославяне, перворусы для мест обитания всегда выбирали побережья.

Может быть неосознанно, храня в памяти сердца образ реки Жизни, истекающей от Престола Господня, и сделав круг, возвращающейся к Нему обратно, наши северные предки доверили свои жизни великому Ладожскому озеру. Говорят, что именно на берегах Ладоги впервые прозвучало слово «русский». Нам привычно известное значение этого слова от корня «рус», что значит светловолосый, русоволосый. Но родственный общеславянский корень «ruds» имеет еще значение рыжий, а точнее бурый. Пес-

чано-илистое дно Ладожского озера является причиной того, что его воды не прозрачны, а имеют желто-бурый оттенок. Так не от цвета ли вод этого великого озера, что финны еще называли «Морем русских», произошло имя великого народа, древнейшие предки которого поселились на каменистых берегах пять-шесть тысяч лет назад, когда еще и в помине не было ни реки Невы, ни Свири.

*Старая Ладога. Никольский монастырь.
Президент России В.В. Путин
и отец Варфоломей*

фото Е. Лозновской

О бурых водах Ладоги и мутных водах Волхова сложено немало легенд, связанных с военной историей. О реках людской крови, стекавших в Ладожское озеро, о жестоких временах борьбы славян за свои земли по сей день напоминают названия местных урочищ: «Победище», «Кровавый ручей». «Кровавый ручей» — это овраг, свое название он получил во время борьбы со шведами. Как рассказывает предание старожилов: «На возвышенном том месте, на самой верхушке, наши победили шведов. Это место теперь называется «Победище». Посредине его глубокий овраг наполнен был кровью. Это было при Александре Невском».

Невская история — особая история жизни Ладожского озера,

которое само когда-то носило имя Нево, что в переводе с древних языков означает море. И само это озеро-море по своему исконному предопределению, словно наделенное материнской функцией, несло в себе бремя будущей жизни, которая по рождению получила имя Нева. Пока Нева выросла, отеческое озеро-море, полнящееся ретивыми северными реками и ледяными подземными ключами и дающее жизнь рекам, оберегало свободу их течения по исконным землям Руси. О природе этих мест путешественник XIX в. говорил:

«природа здесь творческая, мудра и нежна». Да и само название Ладога происходит от древнерусского корня, означающего — мирный, спокойный, ладный, красивый, доброжелательный. Кажется, существует синонимическая связь этого корня с греческим — спокойствие, мир, тишина, звучащем на русском как — и с х а з м. В исконном понимании исихазм имеет отношение к человеку и означает путь духовного делания, направленный на очищение сердца от страстей, на созидание внутренней духовной «тишины», на соделывание себя «чистым сосудом» для принятия Божией благодати. Исихазм — монашеский подвиг, направленный на обретение целостного видения бытия в совокупности сферы знания и сферы должного, неотделим от исконных церковных таинств — покаяния, молитвы, поста. На берегах Ладожского озера, где словно Богом созданы природные условия для монашеской жизни, где по преданию в древние времена Апостол Андрей Первозванный разрушил языческие капища и воздвиг христианский каменный крест, где монашеский подвиг может проявиться во всей полноте, образовалась Северная Фиваида. Несколько древних великих монастырей — Валаамский Свято-Преображенский, Александро-Свирский, Коневецкий по сей день оберегают славу Божьего мира. Воистину, есть на земле места особо предназначенные для прославления величия Творца. Своим трудом, воплощением деятельной любви, монахи всегда создавали подобие рая на земле. Нынешний Валаам, даже после полувекового разорения, является тому ярким примером. Но главное предназначение инока — молитва за ближних и дальних, за «ненавидящих и любящих», за весь мир, лежащий во грехах и, может быть, стоящий еще лишь благодаря молитве праведников. Особенно сильна эта молитва за Отчизну, за нашу Россию-Русь.

Ладога испокон веков своей природной мощью, своей победной историей, как могучий единый организм, давала пример величия, постоянства, целостности, державности. Кажется, только вблизи такого источника жизни и могло зародиться и выжить государство с первой своей столицей, основанной 1250 лет назад — Старой Ладогой. Старая Ладога — один из десяти древнейших русских городов, долгое время — самый северный портовый город России, «окно в Европу» за 900 лет до Петра I. Этот город, созданный усилиями многих славянских племен, открытый всему миру, корнями своей истории уходит вглубь Древней Руси. Славна судьба Старой Ладogi. Долгое время она была центром евразийской торговли и судоходства, столицей сначала северных славянских племен, а затем и государства, управляемого династией Рюриковичей. Древнерусский город был хорошо укрепленной крепостью на северных русских рубежах. В военных действиях ладожане участвовали и самостоятельно, и в составе новгородской рати. Наряду с новгородцами и псковичами они составляли костяк общерусского войска и сражались против шведов

и немцев во многих крупных сражениях, таких как Раковорская и Невская битвы.

И пограничное, «порубежное» местоположение, и суровые климатические условия определяли трудную действительность жизни народа, который единственное, безотказное утешение находил в храме, перед образом Спаса, пред ликом Пресвятой Богородицы, скорой заступницы, олицетворяющей Родину-Мать. Потому на ладожских берегах так много было храмов и монастырей. Именно в храме можно услышать истинный голос русского народа, увидеть его единство в национальном многообразии. Разрушились крепостные стены, осыпались бастионы, но церковь во имя Святого Георгия Победоносца, защитница от врагов, сияет и сегодня во всей своей красе, словно маяк в створе петербургских храмов, отражающихся в невских водах.

Кровная молодая дочь Ладоги — Нева — преумножила славу отчужу и честь в новой истории России, которая и в материальном, и в духовном смысле проистекала из истории Ладоги, находившейся в древние времена на важнейшем мировом пути «из варяг в греки». Этим ее положением объясняются особенности славянской культуры северо-западного края, вобравшей в себя строгий аскетизм норманнов и многообразную благородную византийскую традицию. Для русской жизни, для русской культуры понятие «традиция» имеет особое, жизнеопределяющее значение. Слово «традиция», — «преданье, все, что устно перешло от одного поколения на другое» (В.Даль), хотя и имеет древние нерусские корни, давно наполнено исконным русским смыслом. Нет, наверное, в мире более многострадального государства, чем Россия, которая пережила не одно нашествие, не одно иго. Не единожды она подвергалась такому разорению и разграблению, когда превращались в пепел не только памятники культуры, храмы и монастыри, библиотеки и архивы, но стирались с лица земли поселения и города, уничтожались целые сословия, происходил, казалось, разрыв непрерывности, отображенный осью времени. Традиция оставалась жива благодаря тому, нематериальному носителю, о котором В. Даль говорит «устно перешло» — именуемом душой. Именно народный духовный ток является тем незримым, кровотворным бессмертным током традиции, определяющим и сам процесс наследования, и его способы. Очевидно, что традиция не сводится к наиболее стереотипным своим разновидностям, таким, как обычай и обряд, но распространяется на гораздо более широкую область социальных явлений, достигая своего максимума в религии. Религиозно-нравственные ценности в явном или скрытом виде были определяющими практически во всех социальных формациях русского общества, являясь тем базисом, тем фундаментом, на котором развивались культура и литература.

Со времен древней Руси культура, литература, да и вся жизнь были проникнуты идеями христианства, православные авторы разрабатывали свои темы с верой о жизни вечной. Основой бытия русского человека было исповедание Никео-Цареградского Символа Веры, составленного по Священному Писанию и Священному Преданию. Это исповедание русские люди хранили в сердце, передавали по наследству, защищали ценой собственной жизни непреложные истины бытия Святой Троицы, Промысла Божия, спасения человека, дома Божия — Церкви, Святых Таинств. Этими истинами, содержащими категории правды, прощения, благодарности, через церковную жизнь и светскую культуру строилось собственное нравственное начало человека, основанное на вере, любви, надежде, кротости, смирении, терпении и духовном нравственном отношении к другим людям. Издревле русской культуре свойственно обличение человеческих пороков и особое почитание священного сана и монашества. Исконный русский патриотизм заключался в любви к Родине, в самопожертвовании и готовности к ратному подвигу, в почитании верховной власти, в любви к семье, в постижении тайны жизни, о чем так сказал Ф.М. Достоевский: « тайна бытия человека не в том, чтобы только жить, но и в том, для чего жить».

Этот вопрос «для чего жить?» является основополагающим для всей русской литературы на протяжении тысячелетия ее существования. Из глубины веков, которые ушли во тьму небытия, светит, как их след, живое литературное слово — неподвластный тлению уникальный нематериальный носитель, который сквозь время пронесит от одного поколения к другому духовное завещание Божьего мира и жизни вечной. Но какова природа этого процесса, в котором не каждому литературному слову дано отобразить свою эпоху. По законам физики в нашем мире след может быть виден во тьме и не исчезнуть, если тот, кто оставляет этот след сияет светом невечерним, или, если этот след высвечен дополнительным немеркнущим источником, название которому в данном случае — творчество.

К исследованию природы творчества люди подступили давно. Известно, что процесс творчества требует от человека зачастую высочайшего напряжения духовных и физических сил, в результате чего он обретает способность преодоления стесняющих его физических, биологических и других присущих законов и прорывается в инобытие. Истинное творчество есть создание нового качества, не существовавшего до того в природе, а значит оно имеет божественную природу. Призванный Богом к творчеству человек не в состоянии самостоятельно, без помощи Божией, совершить творческий подвиг, имеющий космическое значение. Синергия — взаимодействие божественной благодати и свободной воли человека, является составляющей такого творчества, над которым не властно время.

Санкт-Петербург. Вид на Неву и Биржевой мост

Творчество не предполагает лишь ряд профессиональных количественных манипуляций, которые сами по себе бесплодны. Творение создается вследствие напряженного духовного процесса, который есть кеносис, самоистощение, жертва во имя жизни, — это «дорога жизни». Не все, даже талантливые, современные литераторы находят в себе силы встать на эту труднейшую дорогу. Им легче отказаться от своего истонченного богоподобия, искать вдохновения в безплотных мечтаниях, иллюзиях. Те, кто не способен творить, кто заботится лишь о своем материальном благополучии, тратит силы в индустрии массовых развлечений, массовой литературы, создавая миражи, ведя человека к гибели, к звереподобию, торит «дорогу смерти». Как копья Пересвета и Челубея сегодня скрестились эти две дороги — «дорога жизни» и «дорога смерти» в смертельной схватке за путь через души русские. Это роковой поединок не только за жизнь России, за ее будущее, а за жизнь Божьего мира вообще. Сегодня, когда под угрозой оказалась жизнь мира, подвергаясь нападению адовых сил, каждому человеку приходится выбирать одну из двух дорог. В этом выборе следует помнить, что темные силы не обладают творческой силой, они способны лишь подражать или разрушать.

«Недаром Ладога родная «Дорогой жизни» названа». Обладая могучей творческой, воспроизводящей силой, давшая жизнь Неве, а значит, и Санкт-Петербургу — столице на беспокойных западных рубежах, Ладога может считаться и прародительницей русского флота, и культуры, и литературы в новой истории России. Не потому ли Ладога спасала свое детище в дни смертельных испытаний Ленинградской блокады вместе со всем героическим народом, проложив-

шим по ее льду, действительно, Дорогу жизни. Кем бы мы стали, не будь литературных памятников, отразивших эти исторические события в жизни Отечества, великие победы Российского государства?

Многообразны, неисчислимы проявления жизни, которая будет неполноценной без творческого их осмысления и отображения литературным словом. Благодаря своему нравственному началу, своему духовному содержанию русское литературное слово на протяжении веков воздействует на жизнь человека, преобразует его, разъясняет смысл великого звания «человек». Такое литературное слово не устаревает, не обесценивается, как «златая цепь на дубе том», выросшая из древнерусской «Златой цепи», дававшей не одному поколению нравственный закон, который «не велит творить лиха» («Златая цепь» 3.73). А кто не творит лиха — творит добро и красоту. Великий А.С. Пушкин не сам придумал эту «златую цепь», но спас ее от тьмы забвения, вынес на свет Божий и дополнил свои золотым звеном, о вселенском значении которого, как и всей русской литературы, так убедительно говорит игумен Иоанн Экономцев. «Абсурдны упреки к Пушкину в том, что он изменил направление русской поэзии, внося в нее и русскую культуру чуждые им западные традиции. Не будем забывать, что истоки русской культуры носят вселенский характер. Византизм, на базе которого возникла она, впитал в себя традиции Запада и Востока, Рима и Греции, Египта и Палестины, он органически усвоил достижения языческой античной цивилизации. Само местоположение Руси на границе между Западом и Востоком делало ее в высшей степени подверженной перекрестному влиянию различных культур. Игнорировать этот факт — значит вставать на позиции русского раскола. Вселенскость Пушкина — это не вызов традиционной русской культуре, а ее характернейшая черта. Взаимодействие культур всегда плодотворно, если оно не сводится к рабскому подражательству, механическому заимствованию чуждых элементов, отторгаемых организмом, в который вносятся они, одним словом, оно плодотворно, если усвоение влияния извне является творческим процессом. Но Пушкин-то был творцом!» (игумен Иоанн Экономцев «Православие. Византия. Россия», М., 1992)

В сложной, подобной физической, системе с распределенными параметрами, имеющей бесконечное число степеней свободы, называемой — бытие, — литературное творчество является своеобразной огибающей или, точнее, несущей образ этого бытия во времени. С категорией времени человек на протяжении всей своей жизни находится в сложных противоречивых отношениях: то он хочет его ускорить, заглянуть в будущее, то повернуть вспять, то остановить мгновение. И во всех этих желаниях ему помогает литература. Каждого из нас волнует, какой образ нашего, во всех его противоречиях, времени, нашей революционной эпохи останется в вечности? И ос-

танется ли вообще, когда, кажется, сегодня нет таких литературных титанов, какими были Пушкин, Гоголь, Достоевский, когда зримо произошел категорический разрыв с литературной традицией предшествующих поколений, и истинный образ бытия приобретает глубоко субъективное выражение, тонет в многообразии точек зрения. Однако, по законам философии не неразличимость, а именно многообразие является условием целостности, которую многообразно отражают современные русские писатели.

Но это лишь внутреннее содержание литературной жизни, которая невозможна без внешних проявлений, то есть без видимой формы, одним из образов которой сегодня является литературный журнал, объединяющий многих писателей-единомышленников. Такая форма объединения, существовавшая и в прежние времена, прошла проверку временем и необходима сегодня, когда требуется творческое объединение писателей, поддерживающих традиционные исконно-русские исторически-общероссийские ценности, сущность которых испокон веков определялась такими вечностными категориями, как вера, душа, честь, совесть, свобода, любовь. Это не отвлеченные, не сами по себе существующие понятия. Они всегда имели и имеют по сей день своих носителей и защитников. Этими понятиями определяется жизнедеятельность всех социальных систем, всех областей общественной жизни — политики и экономики, армии, внутренних и внешних систем государственной безопасности, права и педагогики, философии и науки. Наш журнал предполагает исследовать и отражать в художественном творчестве процесс сохранения и развития традиций во всех сферах российской жизни с учетом того, что художественная традиция не есть застывшая форма, что она может обладать множественностью и противоречивостью. Жизнеспособность традиции коренится в ее дальнейшем развитии последующими поколениями в новых исторических условиях. В нашем понимании современное художественное новаторство, являющееся обязательным элементом любого творческого процесса, состоит не в разрыве с традицией, как сегодня модно, а в усвоении, осмыслении и укоренении духовного, творческого и художественного богатства предшествующих эпох. Не вседозволенность и унижение человеческого достоинства и ненормативная лексика, а многообразие точек зрения, многослойность, антиномичность должны лежать в основе диалектики современной литературы, стремящейся к всепроникающей полноте смысла и всеединству от природы ей присущим. Этими задачами определяется одно из главных направлений литературной традиции — **п р е е м с т в е н н о с т ь м а с т е р с т в а**. Только мастерство, высокий художественный уровень литературных — поэзии и прозы, публицистических и научно-популярных материалов, всегда отличавший русскую литературу, позволит в полной мере решить поставленные журналом задачи.

Новый литературно-художественный журнал «Родная Ладога» предполагает стать изданием, свидетельствующим о том, что, вступая в третье тысячелетие, традиционная русская культура и литература не только не иссякли, но продолжают развиваться. На страницах журнала предполагается исследовать в различных литературных жанрах темы, связаннее со сложностью и противоречивостью происходящих в нашей стране и во всем мире социокультурных процессов, затрагивающих проблемы современных культуры и науки, педагогики и экономики, истории и философии, с точки зрения влияния этих сложных процессов на духовный мир отдельной личности и всего многонационального народа.

В современный политический период в многонациональной России вопрос о культуре межнациональных отношений, т.е. национальный вопрос, стоит особенно остро, так как на сегодняшний день официально не сформулирована общероссийская Национальная идея, в которой критерии национальных отношений должны быть прописаны особо. Поэтому мы будем исходить из многовековой исторической традиции межнационального и межконфессионального общения жителей России, о сути которой справедливо писал философ Н. Бердяев: «Россия самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности к насильственной русификации». Эта традиция получила проверку и дополнение в годы Великой Отечественной войны, когда понятие «дружба народов» было искуплено кровью лучших сынов всех национальностей СССР и превратилось в величайшую ценность. Патриотизм всего народа единой страны стал главным фактором Победы. Об этом примере стоит помнить и сегодня, когда существует Содружество независимых государств, когда в самой России проживает более ста наций и народностей. Поэтому, задумываясь о будущем, мы будем вглядываться в прошлое, где еще до образования единого русского государства отдельные племена, жившие на берегах Ладожского озера, вставали вместе на борьбу с захватчиками, а в XX веке проложили и оберегали ценою собственных жизней «Дорогу жизни» советские люди более тридцати национальностей. Мы считаем, что не от нагнетания национальных распрей, а от проявления единства, сплоченности народов зависит сегодня эта дружба, питающаяся вечными идеалами добра и справедливости, что, конечно же, не расходится с общегосударственным направлением в этом вопросе.

Наше литературно-художественное издание по мере своих возможностей, будет отображать, разъяснять и способствовать внедрению государственных программ и правительственных приоритетов. Журнал «Родная Ладога», издающийся в Санкт-Петербурге, будет рад творческому сотрудничеству с Ленинградской областью, с дру-

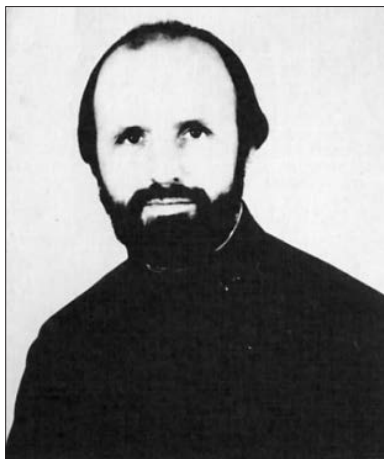
гими регионами России, так как поставленные задачи имеют общегосударственное значение и могут решаться только сообща, всей Россией. Исповедание исконных человеческих духовных ценностей, надеемся, привлечет к сотрудничеству литераторов из ближнего зарубежья — Белоруссии, Украины, Казахстана. Может быть, возникнут проекты, связывающие наш журнал с русской эмиграцией в дальнем зарубежье.

Журнал «Родная Ладога» предполагает занять свое скромное место в великом деле объединения людей вне зависимости от места их проживания, от их национальности в духовно-нравственном поле, о котором говорил митрополит Иоанн, представляя осмысление жизни, «как религиозного долга, как всеобщего совместного служения евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания.

Согласно такому мировоззрению, целью стремлений отдельного человека в его личной жизни, главной задачей супружеского, семейного бытия, смыслом общественного служения и государственного существования России является посильное воплощение в жизнь тех высоких духовных начал, бессмертным хранителем которых выступает из века в век Русская Православная Церковь» («Битва за Россию», СПб., 1993).

Журнал «Родная Ладога» хотел бы стать в этом деле ее помощником. Об этом стремлении свидетельствует и название журнала, имеющее в своей этимологии метафизический смысл, две ипостаси: устремленный в Космос бесконечный вектор русского рода, олицетворяющий жизнь вечную, и корень «лад», — символизирующий согласие, дружбу, искренность, красоту, Божию ладонь, раскрытую навстречу человеку. Имя для журнала имеет такое же значение, как имя для человека. По мнению выдающегося русского философа А. Лосева — имя есть «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность». Безусловно, имя нашего журнала может только объявить, но не объять духовную сущность, истинные размеры которой, конечно же, гораздо больше территории Северо-Западного края и глубины Ладожского озера. По нашему мнению, эти размеры верно определил повидавший мир выдающийся русский писатель Иван Гончаров, однажды воскликнувший: «Свет мал, а Россия велика!». Воистину, — велика Россия, но отступать некуда!

ПОЭЗИЯ

**Священник
Анатолий ТРОХИН**

КОГДА В ГРУДИ ЖИВОЕ СЛОВО БЬЕТСЯ

Священник Анатолий Трохин — родился на Южном Урале в 1956 г., работал помощником машиниста тепловоза, служил в армии, получил режиссерское образование и преподавал, был директором студенческого клуба, экскурсоводом. В 1932 г. рукоположен в сан диакона, а, затем, и священника. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

МНЕ ЛУЧШЕ БЫ МОЛЧАНИЕ ЛЮБИТЬ

Мне лучше бы молчание любить,
Мир благодатный в тайне сохраняя,
За милости Творца благодарить,
Жить, душу никому не открывая.

Но как мне быть, коль песенная власть
В час тишины мне не дает покоя?
Она в мое дыхание вплелась,
Она, наверно, и умрет со мною.

Мой Бог! Я не умею различать
Ту грань, что сердцу чистому дается.
Сам научи — сказать иль промолчать,
Когда в груди живое слово бьется.

* * *

Неистребим огонь в душе моей,
Зажженный в невесомой колыбели,
Где надо мною няньки тихо пели
И теплый мир плескался у дверей.

Где мне сияли ясные огни
Моих далеких пращуров, и снова
Во мне искало выхода то слово,
Что не смогли тогда сказать они.

* * *

На песчаном угоре, над мелкой рекой,
Как безумная ходит старуха с клюкой.
Ходит, целые ночи бормочет,
В темноте отыскать что-то хочет.

Еле держит залатанный узел в руке,
Копошатся слова на ее языке:
«Спите, спите, беспутные дети,
Кем-то станете завтра на свете?»

Мимо липы засохшей со вздохом бредет,
Черный хлеб и картошку в узле бережет
И с тоской зазывает на ужин
В дальних землях убитого мужа.

Утомилась, в траву отдохнуть прилегла,
Здесь стоял ее дом, где невестой жила,
«Не суди меня, тятенька, строго,
Дай побыть в твоём доме немного».

* * *

Ступаю тихо по земле пологой, —
Привычен облик нищего жилья,
А высоко, небесною дорогой,
Скользит душа...

Да только не моя.

* * *

От бесконечной злобы плоти
Уйти, и ночью без огней,
В лесу, на волчьем повороте,
Увидеть лик души своей.

Окаменеть и отшатнуться,
Что будет сил бежать назад,
Остановиться и вернуться,
Соединить со взглядом взгляд.

И шарф сорвать с небритой шеи,
И, снег расплавив в кулаке,
Почти беззвучно, вместе с нею,
Завыть на древнем языке.

Понять, что никуда не деться
От тьмы, что всюду разлита.
И вдруг почувствовать у сердца
Спокойный холодок креста.

КОНЕЦ ОТПУСКА

Ветерок смолистый и медвяный.
Бор сосновый. Середина лета.
До краев наполнена поляна
Золотым непостижимым светом.

На пахучем травянистом ложе
С белою ватрушкою и чаем,
Мирозданье ощущая кожей,
Мы последний вечер провожаем.

Вот, нелепо поднимая ноги,
Радостно, пространством озаренным,
Наши дети мчатся по дороге
В коридоре розово-зеленом.

По траве ты проведешь рукою,
И увижу, чуда удостоен,
Как сидит, доверчиво-спокоен,
Маленький кузнечик на ладони.

Ни скупым расчетом, ни законом —
Ты близка душе по благодати.
Потому так грустно и влюблено
На меня ты смотришь, моя Катя.

Потому светло и так беспечно
К нам ручей течет, как благостыня,
Кажется, что это будет вечно,
Даже чай в стакане не остынет.

Сын-младенец пред травой колючей
Встал и долго не отводит взора.
Перед ним необычайный случай:
Не цветы, а купола собора.

И серьезно Богу величанье
Он выводит тоненько и звонко...
Господи, спаси Свои создания
По молитве этого ребенка.

Преображение Господне. 2001

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

Богоматерь скорбным ликом
В глубине горы святой
Плачет о Руси великой,
О гибели людской,

Плачет о царе исконном...
Как печаль Ее унять?
И струится по иконе
Неземная благодать.

Льются из очей смиренных
По Святой Руси в церквях
Реки слез о убиенных
Православных сыновьях.

Что сказать Всевышний хочет
Тем, что рядом вновь и вновь
Лики плачут, мироточат,
Лики источают кровь?

Это речью хульной, бранной
Зверь вступил в свои права.
Откровенье Иоанна —
Безотрадная глава.

Льются слезы тихо, грозно —
Прожигают твердь земли,
Чтоб сейчас, пока не поздно,
Мы покаяться могли.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Снова северное лето
Нянчит завязи в садах,
И глубинным ровным светом
Озаряется вода.

Это рядом — золотая
Даль сжигает синеву,
Это Ангел, пролетая,
Обронил перо в Неву.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Дом, где размещался подвал
«Бродячая собака» (ныне — пл.
Искусств, 5)*

Северная СТОЛИЦА

Николай КОНЯЕВ

АНГЕЛ НАД ОСТРОВОМ

Коняев Николай Михайлович — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

На проходной, ведущей во дворик церкви святой великомученицы Екатерины на Васильевском острове, объявление — «Проход к ангелу до 22 часов».

Это не шутка.

Сквозь проходную, сохранившуюся еще с тех лет, когда здесь размещались лаборатории Всероссийского научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ), действительно, можно пройти к ангелу...

Темен его лик...

Окутанный гнилыми туманами нашего безверия, овеваемый порывистыми вихрями и бурями революционных беззаконий, обливаемый кислотными дождями нашего равнодушия, этот ангел два столетия летел над нашим городом, и вот он встал в тесном дворике церкви, и сразу увидели все, как изодралась в лохмотья его свинцовая одежда...

1.

Они (Ангелы) так выразили и запечатали в себе благо, что сделались вторичными светами и, посредством излияний и передачи первого Света, могут просвещать других.

**Святитель Григорий
Богослов (13, 50).**

Не многие петербуржцы, не говоря уже о гостях города, бывали в церкви на Съездовской¹ линии. Однако еще меньше найдем мы людей, которые не любовались бы этим храмом, прогуливаясь по невиским набережным или разглядывая открытки с видами Петербурга...

¹Бывшая Кадетская линия

Купол Екатерининской церкви виден издалека, и без него сложно сейчас представить силуэт восточной части Васильевского острова.

Изнутри купол изображает собою небо.

«Отличительная черта храма — простор и свет, — свидетельствовал современник. — Широкий купол, легко посаженный на аркообразных сводах, посредством парусов незаметно соединяется со стенами и через двенадцать окон льет массу света в церковь. Окна в стенах освещают здание с боков. В ясный солнечный день храм горит светом и радостью».

Наверху купола-неба, на медном позолоченном шаре и установили фигуру ангела, сжимавшего в руках горящий золотом крест.

Нынешний настоятель храма святой великомученицы Екатерины протоиерей Иоанн Пашкевич говорит, что три петербургских ангела — один на соборе в Петропавловской крепости, другой на Александрийской колонне, третий на Екатерининской церкви — образуют треугольник, соединяющий Васильевский остров, Петроградскую сторону и центральную часть города в единое духовное целое².

В каком-то смысле эти ангелы являются городской иконой Святой Троицы, и не так уж и безосновательна легенда, утверждающая, что пока эти три ангела охраняют город, он будет спасен от любой беды и напасти...

Петр I, Екатерина II, Александр I...

В правление этих русских императоров в основе своей и сформировался облик Петербурга. И все-таки Петр, Екатерина и Александр для нашего города — это не только императоры, прежде всего, это имена небесных покровителей города.

2.

Эти Умы (Ангелы) приняли каждый какую-либо одну часть вселенной, или приставлены к чему-нибудь одному в мире, как это было ведомо все Устроившему и Распределившему. И все они имеют одно назначение — по мановению Зиждителя всечестских воспевают Божие величие, созерцают вечную славу, и притом вечно...

Святитель Григорий Богослов (13, 50).

Известно, что храм святой великомученицы Екатерины³ в Петербурге построен на месте деревянной «оспенной» церкви, сгоревшей в 1809 году.

Однако, более ранняя история церкви теряется в сырых, гниловатых туманах, затягивающих Васильевский остров, в серой пелене здешних наводнений.

² Интересно отметить тут, что часть кирпичей на церковь Святой Великомученицы Екатерины было взято как раз из Петропавловской крепости.

³ Отметим здесь, что почитание святой великомученицы Екатерины начинается в России, когда 25 ноября 1714 года Петр I основал в честь освобождения его на Пруте орден Екатерины.

Ангел на Екатерининской церкви

«Не оказалось никакого материала для древней истории нашего храма, — горестно вздыхал в 1911 году протоиерей Леонид Тихомиров, — и в архиве Благовещенской церкви, по 8 линии, к которой некогда Екатерининская церковь была приписана, потому что многие документы Благовещенской церкви во время наводнения 1824 года были подмочены и потом истлели»...

Надо сказать, что весь этот треугольник Васильевского Острова, образуемый Кадетской линией, Средним проспектом и Малой Невою, изначала представлял собою заболоченное место, и только в 1737 году здесь появляются построенные на сваях пеньковые амбары, которые вскоре были снесены льдом.

Из обрывочных данных можно установить, что близ того места, где стоит сейчас Екатерининская церковь, в середине XVIII века находилась церковь Кабардинского полка. Правда, называлась она, как свидетельствует метрическая полковая книга за 1766 год, Троицкою.

Церковь, как мы уже сказали, была оспенною⁴.

Требы и богослужения совершались священниками Введенской церкви Копорского и Ямбургского полков с Петроградской стороны.

Скорее всего, это была походная церковь, устроенная в палатке. Известно, что «полотняные» церкви с уходом полка разбирались, а место нахождения святого престола обозначалось крестом, обкладывалось дерном или обносилось решеткою.

Как бы то ни было, но уже в начале семидесятых годов XVIII века на месте Троицкой церкви появляется церковь святой великомученицы Екатерины, которую перенесли на Кадетскую линию из Гавани.

Разумеется, упоминание дьячка Фомина из Екатерининской церкви в ревизских сказках 1781 года достаточно случайно, но если мы вспомним о событиях начала восьмидесятых лет XVIII века, то обнаружится вполне определенная закономерность появления в городском пейзаже самой церкви святой великомученицы Екатерины.

Действительно...

⁴ Оспенные церкви, согласно указу Святейшего Синода от 15 сентября 1755 года, были назначены для заболевших оспой или корью. Священники оспенных церквей не смели входить в те дома, в которых не было больных корью или оспой, а с другой стороны жители домов, где были зараженные этими болезнями, могли обращаться только к священникам оспенной церкви.

27 февраля 1780 года. «Вооруженный морской нейтралитет северных держав». Декларация, предъявленная Екатериной II, как временная мера для защиты русских купцов и мореплавателей в ходе войны между Англией, Францией и Испанией, превратилась постепенно в норму международного права.

7 мая 1780 года. Екатерина II пожаловала герб Санкт-Петербургу.

27 мая 1780 года. Визит Австрийского императора Иосифа II в Россию. Екатерина II встретила его в Могилеве и уговорила посетить Москву и Петербург. Начало сближения Австрии и России. «Такой посетитель, как ваше императорское величество, — писала Екатерина II Иосифу II, — заставил нас быть разборчивыми в отношениях с другими посетителями».

28 июня 1780 года. Заключена конвенция с Данией о торговом мореплавании.

27 февраля 1781 года. Указ Екатерины II о создании шести «народных училищ» — первых школ Петербурга.

15 марта 1781 года. Заключена конвенция с Голландией о мореплавании и торговле.

Сентябрь 1781 года. Учреждены губернаторские управления на Украине.

Основан город Пермь.

Началась четвертая ревизия, насчитавшая 12,8 миллионов душ.

Издание «Истории российской коммерции» М.Д. Чулкова.

9 ноября 1781 года. Открылись банки в Новгороде, Пскове, Твери, Нежине, Киеве, Курске, Харькове, Тамбове, Орле, Туле.

Греческий проект между Священной Римской Империей и Россией. Предполагалось вытеснить Турцию из Европы. По плану из Молдавии, Валахии и Бессарабии должно было быть образовано Дакийское государство. Должна быть также восстановлена Византийская империя. Босния и Сербия отходили по этому плану к Австрии.

*Александровская колонна.
Ангел с крестом*

*Флюгер колокольни
Петропавловского собора*

Дания, Голландия, Швеция, Пруссия и Австрия присоединяются к «вооруженному нейтралитету» России. Потемкин строит в Херсоне крепость, казармы и верфь.

8 апреля 1782 года. Учреждение «Управ благочиния». Начало полицейской реформы.

7 августа 1782 года. На следующий день после Преображения Господня. Дождливый днем в Петербурге состоялось открытие памятника Петру I работы Фальконе — «Медного всадника». Вечером состоялась иллюминация, была объявлена амнистия.

23 сентября 1782 года. Учрежден орден святого равноапостольного князя Владимира по случаю 20-летия царствования Екатерины II. Первым кавалером ордена стал А.В. Суворов.

24 сентября 1782 года. Премьера «Недоросля» Фонвизина Д.И. в Вольном Российском театре. Написана «Фелица» Г. Державина.

Эта краткая хронология событий начала восьмидесятых лет XVIII века свидетельствует о необыкновенной мощи, достигнутой Российской империей в правление императрицы Екатерины II.

Как признание этого факта Церковью и становится усиление почитания небесной покровительницы императрицы — «невесты Христовой» великомученицы Екатерины. Повсюду тогда открываются церкви, освященные во имя святой великомученицы.

3.

Ангелам, которые не имеют никакого покрова, подобного нашей плоти, ничто не препятствует непрестанно взирать на лице славы Божией.

Святитель Василий Великий (4, 264).

Сама великомученица Екатерина жила в начале четвертого века нашей эры в Александрии во времена жестоких гонений на христиан, воздвигнутых царем Максимином. Происходила она из царского рода, отличалась дивной красотой и необыкновенным умом.

Восемнадцать лет от роду, Екатерина в совершенстве знала многие языки и наречия, изучила творения Аристотеля и Платона, сочинения Асклепия, Гиппократы и Галина⁵, постигла тайны ораторского искусства.

Не было у Екатерины недостатка в женихах, но девушка твердо решила в своем сердце сохранить чистоту девства и отвергала самые заманчивые предложения.

Видя непреклонность своей дочери, мать ее, тайная христианка, привела Екатерину к своему духовному отцу.

Но этот премудрый старец не стал отговаривать девушку от принятого ею решения.

— Я знаю одного чудного юношу, Который несравненно превосходить тебя во всех твоих дарованиях, — сказал он.

— Отче! — спросила Екатерина. — Как я могу увидеть этого юношу?

— Вот изображение Матери Того, о котором я говорил тебе! — сказал старец протягивая девушке икону Пресвятой Богородицы, держащей на руках Божественного Младенца. — Возьми эту икону домой и вознеси молитву, умоли Деву, имя которой — Мария, чтобы Она показала тебе Своего Сына.

Не сразу, но совершилось чудо.

Екатерина увидела Царицу Небесную и Иисуса Христа.

— Угодна ли Тебе, Сын Мой, сия девица? — спросила Его Богородица.

— Весьма угодна, — ответил Господь. — Теперь она прекрасна и славна, а не безобразна и бесчестна, как прежде; ныне она богата и премудра, а не бедна, какою была сначала. Ныне Я возлюбил ее, и так она угодна Мне, что Я хочу обручить ее Себе в нетленную невесту.

Святая великомученица Екатерина

⁵ Знаменитые врачи древности.

— Дай ей, Чадо Мое, обручальный перстень в знак обручения с нею, — сказала Пресвятая Богородица, — увести ее, дабы сподобить ее Царствия Своего.

Когда Екатерина проснулась, она увидела на правой руке своей чудный перстень и «с того часа сердце ее предалось совершенно Божественной любви»...

4.

...Они (Ангелы) — по мере превосходства одной природы над другой — имеют от Духа известную меру святости. В понятие сгорания входит понятие огня, однако иное есть сжигаемое вещество и иное — огонь; так и в Небесных Силах. Сущность их составляет дух или невещественный огонь...

Святитель Василий Великий (6, 245)

Прерывая здесь изложение жития великомученицы Екатерины, попытаемся представить, что думала о своей будущей небесной покровительнице принцесса Ангальт-Цербстская София-Августа-Фредерика в июле 1744 года, накануне принятия ею православия.

Как известно, мать принцессы, княгиня Цербстская, пытаясь повысить свои ставки, вскоре по приезду в Россию, в беседе с императрицею сослалась на пример супруги царевича Алексея Петровича и предложила, чтобы и ее дочь сделалась супругою наследника все-российского престола, не принимая православия. Предложение это вызвало недовольство императрицы Елизаветы Петровны⁶, и было решительно отвергнуто.

«Я недоумеваю лишь относительно следующего обстоятельства, — доносил по этому поводу Мардефельд прусскому королю Фридриху II, — мать думает или показывает вид, что думает, будто молодая принцесса не решится принять православия».

«Мне остается только просить вас победить в вашей дочери отвращение к православию», — раздраженно ответил Иоганне-Елизавете король Фридрих II.

Из донесений Мардефельда следует, что София-Августа-Фредерика «после тщательного изучения дела убедилась в ничтожности различий между исповеданиями в отношении догматов и в том, что различие относится более к внешнему богослужению».

Тем ни менее, Мардефельд отмечал при этом, что молодая принцесса часто находится в страшном волнении, плачет и тогда нужно тайком приглашать к ней лютеранского пастора, дабы хотя несколько успокоить ее.

⁶ Некоторые исследователи считают, что с этого момента и начинается охлаждение императрицы Елизаветы Петровны к не блещущей умом Иоганне-Елизавете, закончившееся насильственным удалением княгини Цербстской из России сразу после свадьбы Екатерины.

Надо сказать, что эти донесения Мардельфельда не вполне сходятся с русскими источниками, утверждающими, что скромная «Fiekchen»⁷, (сокращение имени Sophie), чтобы угодить императрице Елизавете Петровне и сделаться невестой наследника русского престола была готова не только превратиться в Екатерину, но и самой сделаться более русской, чем ее жених — великий князь Петр Федорович, будущий император Петр III.

Наблюдательная принцесса София, утверждают эти источники, еще в дороге, свыкнувшись с мыслью, что «она едет в страну, которая должна стать ее вторым отечеством», сообразила, что ей, прежде всего, необходимо изучить язык этой страны, необходимо ознакомиться с религией народа, над которым ей со временем предстоит царствовать.

К ней приставили тех же учителей, которые занимались и с великим князем Петром Федоровичем. Адауров преподавал принцессе русский язык, Симон Тодорский — православный Закон Божий.

Соискательница руки великого князя принимается за изучение русского языка и православия с такой энергией, к которой бывают способны только люди, одаренные сильной волей. Через два месяца она «уже понимала обращенную к ней русскую речь».

В результате, неумеренное усердие в занятиях привело ее к жесточайшей простуде, однако и это обстоятельство Ангальт-Цербстская принцесса сумела использовать, чтобы угодить императрице Елизавете Петровне.

Когда в день кризиса принцессе предложили побеседовать с немецким пастором, она отказалась и потребовала, чтобы к ней пригласили о. Тодорского. Этот поступок окончательно упрочил положение принцессы Ангальт-Цербстской Софии-Августы-Фредерики при дворе.

«Молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение оного ежедневно по несколько часов употреблять изволит», — сообщила тогда газета «Санкт-Петербургские Ведомости».

28 июня 1744 года, в последний день Петрова поста, София-Августа приняла православие в присутствии всего Синода и первых чинов двора...

К этому времени княжна уже настолько успела освоиться с русским языком, что, получая благословение от Новгородского архиепископа Амвросия, ясным и твердым голосом произнесла по-русски Символ веры, не запнувшись ни на едином слове. С такой же твердостью и правильностью отвечала она и на вопросы архиепископа. Одним словом, как доносил королю Фридриху все тот же Мардефельд, она «держала себя как настоящая героиня».

29 июня в Успенском соборе Кремля было совершено обручение великого князя Петра Федоровича «со светлейшей принцессой

⁷ Послушная (нем.)

Портрет Екатерины II

Ангальт-Цербстской, принявшей православие и нареченной Екатериной Алексеевной». Принцессу велено было почитать «великой княжной с титулом ее императорского высочества».

И все же, рассказывая о перемене вероисповедования Ангальт-Цербстской принцессы, нельзя не согласиться с ее биографом Александром Брикнером, который констатировал, что «трудно сказать, как сама Екатерина внутренне относилась к вопросу о перемене религии»...

Отметим однако, что в обилии подробностей превращения принцессы Софии-Августы в великую княжну Екатерину, ни в немецких, ни в русских источниках не

находим мы объяснения, почему при переходе ее в православие было выбрано именно это имя.

И церковный календарь, на первый взгляд, тоже никак не помогает нам ответить на этот вопрос. Ведь торжество миропомазания Ангальт-Цербстской принцессы проходило 28 июня, а память святой Великомученицы Екатерины православная церковь отмечает 24 ноября⁸.

Можно предположить, что новое имя немецкой принцессе выбиралось по подобию. У императора Петра I супруга была императрица Екатерина I, у императора Петра II невестой была княжна Екатерина Долгорукая, значит и у будущего императора Петра III супругой должна быть Екатерина II.

Возможно, и так. Но есть и другая, более глубокая в мистическом отношении связь. И обнаруживаем ее мы именно в церковном календаре...

День памяти святой Великомученицы Екатерины — 24 ноября (7 декабря).

А накануне 23 ноября (6 декабря) мы празднуем память святого благоверного князя Александра Невского — святого покровителя нашего города.

⁸ По новому стилю 7 декабря.

С веками эта мистическая связь обозначилась еще сильнее, когда Русская православная церковь 23 ноября (6 декабря) начала праздновать еще и память святителя Митрофана, епископа Воронежского, по благословию которого и началось строительство Санкт-Петербурга, когда приобрела реальные очертания вся созидательная государственная деятельность самой Екатерины II.

Нелепо было бы утверждать, что пятнадцатилетняя Ангальт-Цербстская принцесса прозревала это мистическое значение своего будущего имени, но еще нелепее было думать, что она никак не примиряла на себя житие своей новой небесной покровительницы. Тем более что очень многое в положении и достоинствах великомученицы Екатерины казалось принцессе Софии-Августе сходным с ее положением и ее достоинствами.

Обе они принадлежали к царскому роду. Обе — Екатерина наверняка так считала! — обладали необыкновенным умом и красотой.

Существеннее, однако, другое.

Явно подражая своей небесной покровительнице, великая княжна Екатерина Алексеевна, которая до этого читала исключительно беллетристические произведения французской словесности, вроде «Писем г-жи Савинье», постепенно перешла к более серьезным авторам и даже прочитала такие обширные исторические труды, как «История Генриха Великого» Перификса, «История Германии» о. Барра и записки Брантома.

Более того, перечитывая «Собственноручные записки императрицы Екатерины II», мы обнаруживаем в нарисованном Екатериной портрете ее супруга императора Петра III некое сходство с жестоким императором Максимином из жития великомученицы Екатерины.

Отчасти это подтверждается и воспоминаниями современников, утверждавших, что Екатерина своим внешним благочестием производила обыкновенно глубокое впечатление на публику, представляя совершенную противоположность Петру III, небрежно относившемуся к религиозным обязанностям.

Другое дело, что это внешнее благочестие к подлинному благочестию «невесты Христовой» великомученицы Екатерины не имело никакого отношения.

5.

Поэтому они (ангелы) ограничены местом и бывают видимы, являясь святым людям в образе своих собственных тел. Но Святыня, будучи вне их сущности, дает им совершенство через общение Духа...

Святитель Василий Великий (6, 245)

Спокойная и счастливая жизнь святой Екатерины продолжалась до того дня, пока не прибыл в Александрию император Максимин, и

по его указу не было организовано грандиозное жертвоприношение языческим богам.

Весь город наполнился в тот день мычанием убиваемых волов, блеянием овец, криками птиц и смрадным дымом сжигаемых жертв.

На языческих алтарях сжигали тогда не только животных, но и христиан.

Горя Божественною ревностью, прекрасная Екатерина отправилась в храм, где сам Максимин приносил в жертву сто тридцать тельцов.

— Царь, познай соблазн, в который ты вовлечен бесами, — сказала Екатерина, встав перед царем. — Ты почитаешь богами идолов тленных и бесчувственных и служишь им. Стыдно, царь, быть настолько слепым и безумным, чтобы поклоняться таким мерзостям. Поверь хотя бы своему мудрецу Диодору, который говорит, что боги ваши были некогда людьми, и окончили свою жизнь нечестиво, но ради некоторых деяний, совершенных ими при жизни, люди устроили им памятники и статуи. И знаменитый Плутарх гнушался этими богами и презирал их. Поверь же, царь, хотя этим учителям своим. Познай Единого Истинного Бога, присносущного, пребезначального и бессмертного. Того, Кто вочеловечился ради нашего спасения. Им цари царствуют, страны управляются, и весь мир держится.

Как сообщает житие великомученицы Екатерины, царь Максимин, пораженный ее необыкновенным умом и замечательною красотою, подумал, что девушка рождена не смертными родителями, а теми богами, которых он почитает.

— Бесы, которых ты почитаешь за богов, прельщают тебя и увлекают в бессмысленные похоти! — отвечала ему Екатерина. — Если ты желаешь рассеять мглу и помрачение прелестью, то познай истинного Бога, одно произнесение имени которого, один только крест, изображенный в воздухе, прогоняет твоих богов и сокрушает их.

Чтобы «заградить уста премудрой девицы», царь Максимин приказал собрать по всей стране философов и витий, отличавшихся остроумием ума и красноречием.

— Приготовьтесь к состязанию с этой девицей! — предупредил их царь. — Она, как я осторожно выпытал, превосходит мудростью самого Платона. Умоляю вас, покажите в споре с ней такое же старание, какое бы вы имели, состязуясь с ним. Если вы победите, то я вознагражу вас великими дарами, если же вы будете побеждены, то вместо даров примете мучительную смерть.

— Не опасайся, царь! — успокоили Максимины мудрецы. — Быть может, противница наша и необыкновенно умна, но она — женщина и не может обладать мудростью в полном совершенстве...

Услышав это, Максимин успокоился и повелел привести Екатерину. Однако прежде посланцев царя к Екатерине, явился Архангел Михаил.

— Не бойся, дева Господня! — сказал он. — Господь твой к премудрости твоей придаст еще премудрость, и ты победишь в прении. И не только побежденные витии, но и многие другие уверуют чрез тебя! Так и случилось.

— Это ты с такою дерзостью и безумием порицаешь наших богов? — задал Екатерине вопрос мудрейший философ.

— Я, — кратко отвечала святая, — но не с дерзостью и не с безумием, как ты сказал, а с кротостью и по любви к истине говорю, что ваши боги — ничто.

— Великие мудрецы называют их высшими богами, — сказал философ. — Как же ты произносишь хулу на тех, от которых сама приняла премудрость, и сладости даров которых ты вкусила?

— Я не от ваших богов, — отвечала Екатерина, — но от моего Единого Истинного Бога получила премудрость. Он и есть премудрость и жизнь, и тот, кто хранит Его Божественные повеления, и есть истинный философ. Дела же ваших богов и сказания о них достойны смеха и порицания, и преисполнены соблазна. Да и кто из твоих великих стихотворцев, скажи мне, называет их богами?

— Мудрейший Гомер... — ответил философ. — Разве ты не помнишь, как, обращаясь к Зевсу, он говорит: «Славнейший Зевс, превеликий бог, и вы прочие бессмертные боги»? Другие славнейшие стихотворцы тоже почитали богов и называли их бессмертными. Поэтому и тебе не следует заблуждаться, и поклоняться Распятому, как Богу. Никто из древних мудрецов не только не признавал Его Богом, но даже и не знал о Нем.

— Но ведь тот же Гомер в другом месте о великом твоём боге Зевсе говорит, что он был лукавый и лживый обманщик, и Гера, Посейдон и Афина хотели связать его, но он успел скрыться от них бегством, — отвечала Екатерина. — Подобных сему деяний, внушающих презрение к вашим богам, много описано в ваших книгах. Но поскольку ты сказал, что ни один из древних учителей не при-

знавал Распятого Богом, то я приведу свидетельства из ваших же книг. Открой «Сивиллины книги» и послушай, что говорит о Нем мудрейшая прорицательница, свидетельствуя: «В позднейшие времена придет Некий на сию землю, примет на себя плоть кроме греха. Беспредельным всемогуществом Божества Он разрушит тление не исцеленных страстей, и Ему позавидуют неверующие люди, и Он будет повешен на высоком месте, как бы достойный смерти». Вспомни, что и ваш мудрец Аполлоний Тианский, пусть и не своею волею, а принужденный к тому Его Божественной силой, но тоже исповедовал Христа Богом. «Один, — говорил он, — побуждает меня Небесный исповедать Его. Он есть свет трисветлый, пострадавший же Бог есть, но не само Божество страдало: ибо в Нем и то и другое: и смертен по плоти, и вместе чужд тления. И сей Муж, все терпящий от смертных: креста, уничижение,

погребение — есть Бог». Это сказал Аполлоний Тианский об истинном Боге, Который собезначален и соприисносущен Родившему Его. Он есть начало и основание, и источник всех созданных благ. Он создал мир из небытия для бытия и управляет им. Будучи единосущен Отцу, Он был человеком ради нас, жил на земле, наставляя, уча и благодетельствуя людям, а потом принял смерть за нас неблагодарных, дабы освободить нас от древнего осуждения, и даровать нам прежнее блаженство и наслаждение. Таким образом, Он отверз нам врата райские, которые мы заключили грехопадением. Через три дня Он воскрес и восшел на небеса, и послал Духа Святого ученикам Своим; они же разошлись по всему миру и проповедали Его Божество, в Которое следует веровать и тебе, философ, чтобы ты познал истинного Бога!

Своими речами премудрая Екатерина привела философа в такое удивление, что он оставался безгласным, не имея сил что-либо сказать в ответ. Царь Максимин велел остальным философам вступить в спор, но все они отказывались.

— Мы не можем противостоять истине, — сказали они.

Разгневанный Максимин приказал развести на городской площади костер и сжечь на нем всех философов. Услыхав о своей участи, философы припали к ногам Екатерины, прося ее помолиться о них Единому Истинному Богу, дабы Он простил им все совершенное ими в неведении, и сподобил их святого крещения и даров Пресвятого Духа.

— Истинно блаженны и счастливы вы, ибо, оставив тьму, познали свет истинный, и, презрев смертного земного царя, приступили к Бессмертному Небесному! — сказала им святая Екатерина. — Твердо надейтесь на Его милость, и веруйте, что огонь, которым вас устрашают нечестивцы, послужит вам крещением, и лестницею, возводящую к небу. В этом огне вы очиститесь от всякой скверны плоти и духа, и пред Царем славы предстанете светлыми и чистыми, как звезды, и соделаетесь возлюбленными друзьями Его.

Сказав это, святая Екатерина осенила каждого из них крестным знамением и они с радостью пошли на мучение. Воины ввергли их в огонь, и таким образом они приняли мученическую кончину.

Вечером в тот день, 17 ноября 307 года, пришли благочестивые христиане, чтобы похоронить останки святых мучеников, но нашли тела их совершенно целыми, так что огонь не коснулся даже волос их...

Между тем Максимин, не сумев победить святую Екатерину в открытом споре, решил одолеть ее, прибегнув к соблазну. Он предложил ей разделить царство его, и власть, и жить с ним в непрестанном веселье.

— Оставь, царь, свою хитрость, и не уподобляйся лисице, — ответила ему премудрая Екатерина — Я решительно, раз навсегда, сказала тебе, что я христианка, и уневестилась Христу. Он мой Жених и Наставник и украшение моего девства. Напрасно прельщаешь ты меня царскою багрянцею.

Царь Максимин пригрозил ей мучениями.

— Делай, что хочешь, — отвечала святая. — Чрез временное бесчестие ты приобретешь мне вечную славу, и великое множество людей уверуют через меня во Христа моего; и из твоих палат многие пойдут вместе со мною в священные небесные чертоги.

Как прорекала святая, так и исполнилось.

Когда разгневанный Максимин подверг Екатерину немилосердному бичеванию, так что все тело ее покрылось ранами, а кровь текла ручьями и обагряла землю, сердце Августы, супруги царя, которую Максимин хотел оставить ради Екатерины, воспыало такую любовью к великомученице, что она с помощью воеводы Порфирия пробралась в темницу, где морили святую голодом, и упала к ее ногам.

— Подобно оленю, ищущему утолить жажду свою, я безмерно желала видеть тебя, и жаждала слышать твои речи! — сказала она. — А теперь я уже не скорблю, хотя бы пришлось мне лишиться жизни

и царства — я счастлива, что увидела тебя! Блаженна ты и достойна похвалы, что предалась всемогущему Владыке, Который излил на тебя столь великие дарования.

— Блаженна и ты, царица, — ответила Екатерина, — ибо я вижу венец, который держат над твоею главою ангелы... Чрез три дня ты получишь его за те мучения, которые претерпишь ради Христа, чтобы чрез них отойти к Истинному Царю для вечного царствования.

— Боюсь мучений, которые ты предрекаешь мне, — сказала царица. — Супруг мой жесток и бесчеловечен.

— Не страшись, — сказала святая, — Сам Христос будет тебе помощником; Он укрепит сердце твое, и никакое мучение не коснется души твоей; только тело твое пострадает здесь немного, а потом и оно получить вечный покой.

И уверовала во Христа царица Августа, и уверовал приведший ее в темницу начальник стражи Порфирий, и уверовали вместе с ним еще двести воинов.

«Милостивый же и человеколюбивый Христос, — сообщает житие великомученицы Екатерины, — не оставил святую Свою невесту без попечения, но, как чадолюбивый отец, промышлял о ней. Каждый день к ней влетала в окно голубица и приносила пищу».

И когда Екатерина вновь была приведена к Максиминому, тот был поражен, что в темнице не только не потускнела, но еще ярче засияла ее красота, наполненная духовною благодатью...

И снова Максимин уговаривал Екатерину отречься от Христа и сулил ей великие блага, и снова отвергла святая все соблазны.

И тогда Максимин повелел вельможе Хурсадену подвергнуть Екатерину той пытке, которую тот изобрел специально для Екатерины.

Тут же построили помост, и на нем установили колеса с железным шипами. Два колеса вращались в одну сторону, два — в другую. Вращаясь, колеса сходились, раздирая тело лежащего на помосте человека.

Когда колеса были готовы, святую привели на место мучения и начали с большою силою вращать колеса, дабы устроить ее.

— Видишь, какие мучения приготовлены для тебя! — сказал ей Максимин. — Ты примешь в этих колесах ужаснейшую смерть, если не поклонись богам.

— Много раз уже я говорила, что останусь христианкой, — ответила Екатерина. — Не теряй, царь, напрасно времени, делай, что хочешь.

Тогда Екатерину привязали к помосту, и с силою начали вращать колеса, но лишь только приступили к истязанию, внезапно сошел с неба Ангел и освободил святую от уз, а колеса сокрушил, и обломки их летали в сторону, поражая язычников, собравшихся насладиться пытками.

Услыхав об этом чуде, царица Августа вышла из своих палат и стала обличать царя Максимиана.

— Поистине, — говорила она, — ты дерзок и безумен, ибо осмеливаешься бороться с Живым Богом, и несправедливо мучить Его рабу.

Слова эти привели Максимиана в полное неистовство. Всю свою ярость он обратил на супругу.

Августу схватили и, защемив ее сосцы досками, начали сдавливать их, пока они не оторвались. Кровь текла рекою, но блаженная Августа, терпя ужасную боль, радовалась, что страдает за Истинного Бога.

— Отсеките ей голову! — приказал Максимин.

— О, Екатерина! — воскликнула тогда Августа. — Помолись обо мне!

— Иди с миром, — ответила святая Екатерина, — чтобы царствовать со Христом вечно.

Царица Августа была казнена за городом, и было это 23 ноября.

А воевода Порфирий ночью предал тело царицы погребению, и на утро со своими уверовавшими во Христа воинами предстал пред царем.

— И мы — христиане, воины великого Бога! — объявил он.

Таким образом, исполнилось предсказание святой Екатерины, что многие из воинов царя, его домочадцев и приближенных уверуют чрез нее во Христа Бога.

— Великую скорбь и большое огорчение ты причинила мне, — объявил Екатерине Максимин. — Ты прельстила мою жену, и погубила мужественного моего военачальника, который был всею силою моего войска; много и других зол причинено мне чрез тебя, так что нужно было бы умертвить тебя без милосердия; но я прощаю тебя, потому что не желаю погубить тебя, девицу столь прекрасную и премудрую. Исполни же, наконец, мою волю, моя возлюбленная, принеси жертву богам, — и я сделаю тебя своею царицею, и никогда не оскорблю тебя, и без твоего совета не исполню никакого дела, — и ты будешь жить со мною в таком блаженстве, каким ни одна царица не наслаждалась.

И снова отвергла эти соблазны святая невеста Христова.

И тогда воины, взявши Екатерину, повели ее на место усечения. Множество людей, сопровождая ее к месту казни, плакали.

— Почему ты так жестокосерда к себе, пресветлая девица, что предпочитаешь смерть сладостной жизни? Зачем безвременно губишь цвет юности своей? Не лучше ли тебе послушать царя, и наслаждаться благами этой жизни, чем умереть позорною смертью?

— Оставьте ваш бесполезный плач, — отвечала святая. — Лучше порадуйтесь за меня, что я, ныне увижу возлюбленного жениха, Иисуса Христа. Он призывает меня к неизреченному блаженству райскому, с Ним я буду наслаждаться в бесконечные веки. Не обо мне надобно плакать вам, а о себе, потому что за свое неверие вы пойдете в вечный огонь.

В Александрийской православной обители святого Саввы до настоящего времени хранится мраморная колонна, на которую, когда

воин отсек мечем честную главу Екатерины, истекло из раны вместо крови молоко.

— Господи Иисусе Христе, Боже мой! Прими душу мою, приносимую Тебе в жертву ради любви к Тебе, — стоя у этой колонны, произнесла святая Екатерина. — Призри с высоты Твоей, Господи, и на предстоящих людей сих, и наставь их светом Твоего познания; и прощения тех, которые призовут чрез меня имя Твое святое, исполни на пользу, дабы всеми воспевалось величие Твое во веки.

Честные мощи святой Екатерины, как это видели многие верующие, тотчас же были взяты святыми ангелами, и перенесены на гору Синайскую, и долгое время они пребывали в неизвестности, пока их нетленными и благоуханными не обрела, спустя два столетия, братия Синайской обители⁹.

Святую главу невесты Христовой покрывает ныне золотой венец, а на одном пальце надето драгоценное кольцо, в память таинственного обручения Екатерины с Небесным Женихом — Христом.

6.

Бог посылает Своих Ангелов для охранения и для помощи тем, которым усвоено право на наследие обетованных благ в жизни будущей.

Святитель Амвросий Медиоланский (113, 131)

Первоначальная Екатерининская церковь, что стояла на Васильевском острове, была деревянной и не отличалась большими размерами...

В первый день Рождества Христова, 25 декабря 1809 года, она сгорела.

«Вчерашнего числа, 25 декабря, по окончании службы в 7 часов утра, никаких треб в оной церкви не было отправляемо; не были топлены печи ни накануне, ни в сей день. Около 4-х часов пополудни запирали у оной церкви окошечные ставни и были в церкви с огнем. Около 6 часов явился в церкви дым, а вскоре и пламя, обнявшее весь алтарь и большую часть церкви, таковой скорости ничего из вещей церковных не спасено, все с церковью в короткое время сделалось жертвою пламени».

От всей церкви осталось только несколько пудов горелого железа, которое было продано после за 4 рубля 50 копеек ассигнациями, да еще сохранился от пожара храмовой образ Святой Великомученицы Екатерины¹⁰.

⁹ В 1689 году император Петр Великий пожертвовал в Синайскую обитель для мощей святой Екатерины серебровку раку.

¹⁰ Предание это записал священник Георгиевской в своем очерке, помещенном в Историко-Статистических Сведениях. Вып. VI, стр. 120.

Вскоре после несчастья, митрополит Амвросий благословил сбор средств на восстановление сгоревшего храма.

Сбор начался с 20 марта 1811 года.

Коммерции советник Иван Васильевич Кусов пожертвовал на строительство новой церкви 20 тысяч рублей.

Санкт-Петербургские купцы Александр и Мартын Мартыновичи Глуховы — 10 тысяч рублей.

Вязниковский купец Иван Водовозов — 10 тысяч рублей.

Петр Дмитриевич Ноговиков — 5 тысяч рублей.

Санкт-Петербургский купец Сергей Иванович Савельев — 1 тысяча рублей.

Купец Даниил Никифорович Голубин — 2 тысячи рублей и квартиру для строителя на четыре года, что составило по ценам того времени 800 рублей.

Иван Румянцев — 250 рублей...

Велик этот список.

Но еще более велик был список тех лиц, имена которых ведаёт Бог, и которые вносили свои пожертвования, никак не обозначая себя. Тогда при плане будущей церкви была поставлена кружка для сбора пожертвований, из которой в ходе строительства¹¹ было вынуждено больше 36 тысяч рублей.

К сожалению, пока не удалось найти документов и свидетельств, показывающих, как формировалось решение о возрождении достаточно скромного храма в столь необоснованно-грандиозных размерах на богатом храмами Васильевском острове, но косвенные объяснения этому мы находим опять же в хронологии того времени.

Подобно победной маршевой музыке звучит перечисление этих событий...

17 февраля 1809 года. Учреждена Духовная Академия в Петербурге.

1 марта 1809 года. Возобновление войны со Швецией. Начало «ледяного похода». К Аландским островам по льду Ботнического залива двинулся 17-тысячный русский корпус. Чтобы обеспечить скрытность перемещения, солдаты не разводили костры и спали прямо на снегу. Переход этот сравнивали с переходом А.С. Суворова через Альпы. За два дня дивизия прошла по ледяным торосам около ста верст.

4 марта 1809 года. П.И. Багратион занял Аландские острова. В плен взято более 3 000 шведов.

6 мая 1809 года. К берегам Швеции отправился отряд генерала Я.П. Кульнева.

«Поход до шведских берегов венчает все труды наши! — объявил он солдатам перед походом. — Иметь с собою по две чарки водки на

¹¹ С 20 марта 1811 года по 1 января 1825 года.

человека, кусок мяса и хлеба и по два гарнца овса. Море не страшно, кто уповает на Бога!»

7 марта 1809 года. Отряд генерала Я.П. Кульнева достиг шведского берега и занял город Грисলেখамн в 70 километрах от Стокгольма. Появление русских войск в окрестностях Стокгольма вызвал политический кризис в Швеции.

8 марта 1809 года. Вышел в свет первый сборник басен И.А. Крылова.

12 марта 1809 года. Пройдя по льду Ботнического залива, дивизия М.Б. Барклая-де-Толли без боя взяла шведский город Умео.

13 марта 1809 года. Капитуляция шведских войск в Каликсе (Северная Швеция) перед русским корпусом генерала П.А. Шувалова.

16 марта 1809 года. Александр I присутствовал на торжественном открытии сейма в Финляндии. Утверждена конституция Финляндии.

3 мая 1809 года. П.А. Шувалов окружил под городом Шеллефтео на севере Швеции шведский корпус генерала Фурумарка.

7 июня 1809 года. В Финляндии завершил работу Боргосский сейм, утвердивший образование Финского государства и его вхождение в состав Российской империи на правах автономного княжества.

27 июля 1809 года. Русские войска перешли Дунай.

8 августа 1809 года. В битве при Ратане (город на северо-западе Швеции) отряд генерала Н.М. Каменского наголову разбил шведский отряд генерала Вахтмейстера. Это было последнее сражение последней русско-шведской войны.

5 сентября 1809 года. Со Швецией подписан Фридрихсгамский мир. России переданы Аландские острова. Финляндия перешла «в собственность и державное обладание Империи Российской».

14 сентября 1809 года. Войскам А.П. Зассу сдался Измаил.

2 октября 1809 года. Венский мирный договор между Францией и Австрией. Завершилась австро-французская война. Россия как союзница Наполеона получила от побежденной Австрийской империи территорию Тернопольского округа.

Октябрь 1809 года. М.М. Сперанским составлено «Введение к уложению государственных законов» и подготовлен проект государственных преобразований — реформ для постепенного перехода России к конституционной монархии.

5 ноября 1809 года. Установлены дипломатические отношения с Америкой. Верительные грамоты в Петербурге представил Джон Куинси Адамс.

10 ноября 1809 года. Решившись развестись с императрицей Жозефиной, Наполеон поручил своему послу в Петербурге Луи Коленкуру просить руки Анны Павловны (1795 — 1865). Великой княжне Анне шел тогда пятнадцатый год.

4 декабря 1809 года. Победа армии генерала П.И. Багратиона над турецким войском Хозрев-паши у крепости Рассеват. Потери турок — 5 000 убитыми, ранеными и пленными, русские потеряли 200 человек.

22 мая 1810 года. Светлая Пятница. Русские войска генерала С.М. Каменского разгромил корпус Пеливан-паши (турецкие потери 5 000, русские — 16 000 человек) у крепости Базарджик в Болгарии.

30 мая 1810 года. Потеряв после поражения у крепости Базарджик надежду на помощь извне, турецкий гарнизон сдал крепость Силистрия.

16 июня 1810 года. Русские егеря под командованием П.С. Котляревского нанесли поражение персидским войскам и взяли высокогорное армянское селение Мегри, из которого персидское командование планировало начать наступление на Карабах.

11 июля 1810 года. Арслан-бей сверг своего отца Келеш-бея, который принял российское подданство и захватил власть в Абхазии. Отряд кораблей Черноморского флота под командованием капитан-лейтенанта Додта подавил мятеж и взял Сухум. Восточное побережье Черного моря от Анапы до Поти оказалось под российским контролем. Присоединена к России Абхазия.

26 августа 1810 года. Русская армия Н.М. Каменского нанесла поражение войскам сераскера Кушакчи в битве при Батине в Болгарии. Турецкие потери — 10 000 человек, русские — 1 400.

15 сентября 1810 года. После поражения при Батине турки сдали крепость Рушук (болгарский город Русе), которую русские войска не могли взять в кровопролитном штурме.

Начало собраний в доме Г.Р. Державина у Измайловского моста литературного общества «Беседа любителей русского слова», вдохновляемого адмиралом А.С. Шишковым.

Учрежден Институт инженеров путей сообщения.

8 декабря 1810 года. Русским отрядом под командованием полковника П.С. Котляревского взята турецкая крепость Ахалкалаки. Турки были вытеснены из юго-западной Грузии и не смогли соединиться с персидской армией.

Пуск в эксплуатацию Мариинского канала.

31 января 1811 года. 15-тысячный отряд турок разбит под Ловче.

22 июня 1811 года. 60-тысячная армия Ахмет-паши атаковала возле Рушука войско М.И. Кутузова, но была отбита. Турецкие потери 5 000, русские — 500 человек. Тем ни менее, взорвав рушукские укрепления, М.И. Кутузов отошел на левый берег Дуная.

25 июня 1811 года. Продолжение реформы М.М. Сперанского. Опубликовано «Общее учреждение министерств». Количество их увеличено до одиннадцати. Аннулировано министерство коммерции. Его дела переданы в министерство финансов и внутренних дел. Зато из министерства внутренних дел выделено министерство полиции.

4 июля 1811 года. Победа над турками при Разграде. Присоединение Бессарабии.

28 августа 1811 года. Великий визирь Ахмет-паша переправился через Дунай и сосредоточил на левом берегу 35-тысячную турецкую армию.

15 сентября 1811 года. Освящен в Петербурге Казанский собор.

2 октября 1811 года. 8-тысячный отряд генерала Е.М. Маркова, незаметно переправившийся на правый берег Дуная, нанес поражение 20 тысячной армии турок. Многие были пленены, остальные — разбежались. Русские потери 9 человек убитых, 40 — раненых. Захвачен огромный лагерь с запасами продовольствия и вооружений. Главные силы великого визиря, переправившиеся на левый берег, таким образом, оказались в окружении.

19 октября 1811 года. В присутствии Александра I открыт Александровский (Царскосельский) лицей. А.С. Пушкин, А.М. Горчаков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов — выпускники лицея — навсегда вошли в нашу историю.

23 ноября 1811 года. Капитуляция турецкой армии Ахмет-паши в Слободзее перед русскими войсками генерала М.И. Кутузова.

11 декабря 1811 года. Выборгская губерния присоединена к Финляндии, вошедшей в состав Российской империи.

Это, кажется, и не хронология событий, а грозная, победная музыка, ноты для которой писались еще в правление Екатерины II, и которые должны были отлиться в правление любимого внука императрицы в достойное ее памяти сооружение...

План его составил участник постройки Исаакиевского собора профессор Императорской Академии художеств Андрей Алексеевич Михайлов.

В основании своем церковь имела вид равноконечного греческого креста, увенчанного одноглавым куполом. Барабан окружали двадцать четыре колонны Коринфского ордера...

25 сентября 1811 года отслужили молебен¹², и приступили к выемке земли и забивке свай. Всего было забито около трех тысяч свай.

Непосредственным строительством руководил Иван Водовозов.

Фундамент церкви был сооружен из точеного гранита, а само здание складывали из обожженного кирпича, переложенного через пять рядов кирпича плитой. Все связи делались из железа.

Строительство храма было приостановлено в связи с Отечественной войной 1812 года, но вскоре возобновилось, вбирая в себя славу и этой новой великой победы нашей страны.

Фасад церкви, выходящий на Кадетскую линию, украсил восьмиколонный портик, в «греческом вкусе»¹³.

¹² Копия с доски, заложенной в стену, висела в алтаре церкви до закрытия ее.

¹³ Предполагалось эти колонны сделать из гранита. Четыре колонны для этого уже были приобретены в 1814 году, но, в виду недостаточности средств, они были возвращены и, уплаченные за них четыре тысячи рублей поступили вновь на общее строительство храма.

Купол храма обили белым листовым железом, а остальную кровлю покрыли черным железом и покрасили зеленою масляною краскою.

Как бы символизируя связь побед екатерининского правления с победою в войне 1812 года, на верху купола храма поместили вырезанного из дерева охтянином Гусевым обитого свинцом ангела, переключающегося с изображением ангела на Александрийском столпе.

В руках «екатерининского» ангела находился медный, вызолоченный через огонь, крест. Шар, на котором утверждался крест, тоже был медным, вызолоченным.

24 ноября 1823 года преосвященный Григорий освятил храм Святой великомученицы Екатерины.

«Величаем тя, Святая Великомученице Екатерино, и чтем честная страдания Твоя, яже за Христа претерпела еси».

Вглядываешься в эту затягиваемую то болотными туманами и пеленой нескончаемых дождей и наводнений, то пронзаемую ярким горным светом историю уголка Васильевского острова, и снова вспоминаешь слова святителя Григория Богослова об ангелах, которые приняли каждый какую-либо одну часть вселенной, или приставлены к чему-нибудь одному в мире¹⁴.

Воистину так...

У каждой части вселенной свой ангел.

Васильевский остров, с произволения Божьего, выбрал своего ангела...

7.

Авва Леонтий, настоятель киновии святого отца нашего Феодосия, рассказал нам: «Однажды в воскресенье я пришел в церковь для приобщения Святых Тайн. Войдя в храм, я увидел Ангела, стоящего по правую сторону престола. Пораженный ужасом, я удался в свою келлию. И был глас ко мне: «С тех пор, как освящен этот престол, мне заповедано находиться при нем».

Блаженный Иоанн Мосх (75, 9).

Свой ангел находился и при престоле церкви святой Екатерины, и присутствие его ощущали заходившие в храм матросы с судов, и временные рабочие с биржи, располагавшейся всего в нескольких сотнях метров от Екатерининской церкви. Церковь сразу стала родной для биржевых артельщиков, и каждая артель имела здесь свой собственный образ, и за богослужением молилась перед ним.

¹⁴ Изображение ангела обошлось церкви в 800 рублей. За обивку ангела свинцом и оловом уплачено 1285 рублей 75 копеек; за шар и крест заплатили 5 500 рублей.

Поэтому-то, хотя в приписанном к Екатерининской церкви приходе числилось всего двадцать пять — так тогда был заселен Васильевский остров! — православных домов, храм со временем богато украсился.

Иконы украшались дорогими серебряными и золочеными одеждами.

Особым почитанием пользовался барельеф Святой Троицы, содержащий 52 частицы мощей, написанная на серебре икона Казанской Божией Матери, образ святой великомученицы Татьяны в окладе с венцом из драгоценных камней и образ святите-

ля Николая Угодника, которому, согласно завещаниям, воины отказывали свои ордена и медали, полученные во время войны.

В церкви было три предела: Иоанна Крестителя, святителя Иоанна Богослова и великомученицы Екатерины.

И так удивительно открыта была эта величественная церковь, что не было в ней места, откуда не было бы видно богослужения в главном храме.

А «прекрасно устроенный резонанс, — как утверждал современник, — давал возможность даже небольшому хору исполнять величественные произведения духовных композиторов»¹⁵.

При входе в храм через открытые царские врата взору верующих представлялся Святой Престол.

Над престолом на четырех тумбах, украшенных позолоченной резьбой, была устроена сень из балдахина, стоявшего над гробом Императрицы Елизаветы Алексеевны во время следования ее праха из Белева в Чесму.

За Престолом в главном алтаре первоначально находилась картина с изображением Животворящего Креста, перед которым на коле-

¹⁵ Как отмечал Леонид Тихомиров, с пристройкой трапезы фокус звуков несколько переместился, но частый посетитель церкви легко по опыту приобретает знание, где нужно ему стоять при том или другом стечении народа, чтобы раздельно слышать богослужение и наслаждаться церковным пением. Со своей стороны, сам отец Леонид советовал при слушании поучений не сталпливаться у солеи, а оставаться рассеянными по храму, ибо в противном случае голос пере-носится через головы слушателей, отражается в куполе, а речь раздельно слышится только первыми рядами и теми, кто стоит у свечного ящика.

нях стоят патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Со временем картина обветшала и была заменена в 1865 году иконой Воскресения Христова, работы художника К.П. Брюллова, помещенной в резную золоченую раму.

В 1907 году во всех трех алтарях Святые Престолы и жертвенники были обложены белым каррарским мрамором с инкрустациями.

8.

«Все Ангелы имеют как одно наименование, так, конечно, и общую всем природу: но одни из них поставлены начальствовать над народами, а другие быть спутниками каждому из верных».

Святитель Василий Великий (113, 130)

Интересно, что возле Екатерининской церкви в доме 17 по Тучкову переулку, как раз напротив алтарной стены, разворачивались перипетии одного из самых романтических русских романов.

Здесь, в дешевой комнате, вблизи университета, проживали с 1912 по 1914 год Николай Гумилев и Анна Ахматова...

*Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм святой Екатерины¹⁶.*

Супруги занимали в квартире 29 небольшую комнату окнами на переулок. Переулок выходил к Малой Неве, еще не одетой тогда в гранит.

*Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу,
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,*

¹⁶ Интересно отметить тут, что еще в 90-е годы на пожертвования Евдокии Иовны Фоминой соорудили на алтарной стене большую икону святой великомученицы Екатерины с лампадою при ней. Икона эта была помещена за стекло.

*И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, —
Я подходила к старому мосту.*

Брак великих русских поэтов трудно назвать счастливым, но это в нем и родился 3 октября 1912 года будущий знаменитый историк Лев Николаевич Гумилев, это в нем родились и первые книги Анны Ахматовой.

Конечно, в памяти поколений сохранились и более сильные, и более яркие примеры любви, но едва ли во всей мировой литературе отыщется другой роман, в котором как ее, так и его чувства были бы выражены с такой проникновенной лирической силой ...

*Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой...*

— писала Анна Ахматова.

*Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.*

*Ее душа открыта жадно
Лишь мерной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.*

*Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое...*

— писал Николай Гумилев.

И хотя и Гумилев, и Ахматова принадлежали к кругу поэтов, ведущих достаточно далекий от церкви образ жизни, но присутствие ангела с купола Екатерининской церкви в романе поэтов очевидно.

Не случайно ведь, что и само жилище свое супруги именовали «тучкой», соединяя в этом имени и название своего переуллка, и ангела, парящего над ними в затянутом тучами петербургском небе.

9.

«Всякая душа, оставшаяся (за коснение во зле) без защиты Ангела хранителя, предается на разграбление врагам и на поправление».

Святитель Василий Великий (5, 163)

Отсюда, с «тучки» и уезжал Николай Гумилев в свою африканскую экспедицию.

Одним из последних тогда его видел Георгий Иванов.

«Когда я прощался, — вспоминал он, — он не подал мне руки: «Еще заразишься» — и прибавил: «Ну, прощай, будь здоров, я ведь сегодня непременно уеду».

На другой день я вновь пришел его навестить, так как не сомневался, что фраза об отъезде была тем же, что читающие кролики, т. е. бредом.

Меня встретила заплаканная Ахматова: «Коля уехал».

За два часа до отхода поезда, Гумилев потребовал воды для бритья и платье. Его пытались успокоить, но не удалось. Он сам побрился, сам уложил то, что осталось неуложенным, выпил стакан чаю с коньяком и уехал».

Н. Гумилёв, Л. Гумилёв, А. Ахматова

*Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... и ты...*

*Сказала ты задумчиво и строго:
«Я верила, любила слишком много,
Я ухожу, не веря, не любя
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».*

— писал потом Николай Гумилев, вольно или не вольно, перефразируя в подчеркнутых нами словах рассуждение святителя Димитрия Ростовского о том, что у Ангелов нет ни веры, ни надежды, потому что они всегда видят лице Отца Небесного, и в них уже нет места ни для веры, ни для надежды, ибо вера и надежда имеют своим предметом невидимое. У Ангелов есть одна лишь бессмертная любовь...

Во всяком случае, об этом и завершающие и «Пятистопные ямбы», и сам роман с Анной Ахматовой романтические рыдания Николая Гумилева:

*Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и ранил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.*

Ахматова переживала разрыв более сдержанно, более прозаично и более глубоко...

*Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.*

*И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,*

*Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?*

В этих стихах нет мистических прозрений, как у Гумилева, но есть — Христос помоги! — чистая молитва.

Поэтому-то духи земли и наполняют романтические стихи Николая Гумилева, действие их совершается то «перед лицом Всевидящего Бога», то (стихотворение того же времени) в компании «брата моего Люцифера»...

Ну, а, читая стихи самой Анны Ахматовой тех лет, почему-то вспоминаешь слова святителя Феодора Едесского, который говорил, что «Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспевании в добродетели, стараются наполнять нас

духовными созерцаниями (по мере нашей восприимчивости) и содействуют нам во всяком добре».

Слетевший в стихи Анны Ахматовой ангел так и остался в них, то, наполняя строки серебряным звучанием и отблесками горного света, то, являясь воочию...

*Божий ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.
Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградой чугунной.*

*Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.*

10.

После Троицы — светозарны невидимые Ангелы. Они свободно ходят вокруг великого престола — быстро движимые умы, пламень и Божественные духи — и усердно служат высоким велениям Бога...

Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало и не обретают плоти, но пребывают, какими созданы.

Святитель Григорий Богослов (15, 50)

Ангельским покоем и тишиной обвеваает тебя течение Божьего времени, когда перелистываешь списки священников, служивших в Екатерининской церкви.

Первым священником, определенным 22 декабря 1823 года именно к Екатерининской церкви, был Михаил Никитич Малейн и служил он полгода, пока не перешел в Морской Богоявленский собор.

Его сменил в 1824 году Петр Александрович Остроумов, служивший у алтаря Екатерининской церкви до 1831 года.

Последний год отец Петр болел, и ему помогал прикомандированный с 31 марта 1830 года Павел Евфимович Веселовский.

29 июня 1831 года отец Петр Остроумов по болезни ушел он в заштат¹⁷, а причт Екатерининской церкви возглавил протоиерей магистр богословия Иоанн Афанасьевич Мелиоранский.

Служил он на приходе 38 лет. Был отец Иоанн, как сказано в примечании к списку, живую историю прихода и церкви и скон-

¹⁷ Петр Александрович Остроумов умер в 1838 году.

чался он при общем уважении прихода.

Именно при отце Иоанне Мелиоранском окончательно оформился архитектурный облик храма великомученицы Екатерины.

Вместо деревянной звонницы по проекту Л. Боншtedта была возведена каменная, высотой 27 сажень колокольня. Строили ее три года. После этого с 1862 по 1866 год академик Ф.И. Нестеров выстроил трапезную, ограду со сторожкой и часовню, где находился образ святой Екатерины, спасенный при пожаре первоначальной церкви.

Скончался отец Иоанн в феврале 1869 года.

При отце Иоанне Мелиоранском был открыт в Екатерининской церкви в 1843 году штат для второго священника, и 21 июня в церковь пришел Александр Георгиевич Редкинский, служивший здесь до 15 июля 1845 года.

Сменил отца Александра отец Иоанн Иоаннович Окунев, служивший в храме до 12 января 1854 года. Он пользовался большой любовью прихожан. Отцом Василием было составлено описание Екатерининской церкви¹⁸.

После него с 16 февраля 1854 года вторым священником служил Екатерининской церкви Василий Иоаннович Георгиевский.

После кончины отца Иоанна Мелиоранского в марте 1869 году настоятелем Екатерининской церкви стал протоиерей Павел Леонтьевич Весин; ревностный деятель по воссоединению униатов. Он основал приходское Благотворительное Общество. В списке напротив его имени сделана пометка — «Пастырь добрый».

С июня 1871 года по март 1872 года настоятелем был протоиерей Павел Васильевич Нильский.

С 27 сентября 1876 года по апрель 1890 года в храме служил проповедник и публицист Илья Григорьевич Свиткин. Близкий, как отмечено в примечании, к приходу священник.

Протоиерей Василий Феодорович Глебов, служивший настоятелем с 16 декабря 1889 по апрель 1893 года, запомнился как опыт-

¹⁸ Историко-Статистическое описание церквей С.-Петербургской епархии, т. VI.

ный администратор, поставивший церковное хозяйство на твердую почву.

Сменивший его 18 апреля 1893 года протоиерей Иоанн Георгиевич Полканов был не только замечательным оратором, но и бережливым церковным хозяином. За тринадцать лет его настоятельства удалось уплатить 75 тысяч рублей долгу СПб Городскому Кредитному Обществу; купить на четыре тысячи процентных бумаг и еще сделать большой ремонт храма снаружи и внутри. Как председатель приходского Благотворительного Общества, отец Иоанн увеличил капитал общества и тем помог обществу приобрести впоследствии дом.

С 30 января 1906 года по март 1909 года настоятелем храма был протоиерей Николай Владимирович Покровский.

После отца Николая настоятелем стал протоиерей, доктор богословия и заслуженный профессор Сергей Александрович Соллертинский, служивший в церкви с 16 марта 1902 года.

С 1891 года штат Екатерининской церкви был увеличен до трех священников.

С 16 апреля 1890 года до самой революции служил в Екатерининской церкви протоиерей Леонид Михайлович Тихомиров, автор брошюры «Церковь Святой Великомученицы Екатерины на Васильевском острове», на которую мы постоянно ссылаемся.

11.

Прежде Ангелы были по числу народов, а ныне по числу верующих. Откуда и это известно? Слушай, что говорит Христос: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10). Знай же, что каждый из верных имеет Ангела. Да и каждый из древних праведников имел Ангела, как говорит Иаков: «Ангел, избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих» (Быт. 48, 16).

Святитель Иоанн Златоуст (113, 131)

В своей брошюре протоиерей Леонид Тихомиров писал:

«В 1923 году исполнится сто лет со дня освящения нашего храма. К этому торжеству необходимо будет составить исторический очерк приходской жизни за сто лет, но сделать его будет затруднительно, если старожилы прихода и церкви заблаговременно не позаботятся сохранением и доставлением материалов для этой цели. Число же таких старожилков год от году все уменьшается и уменьшается; недалеко, может быть, то время, когда уже совсем не станет тех, кто в храмоводении принимал личное участие или непосредственно слышал рассказы из уст строителей.

В виду этого, я покорнейше прошу всех, у кого сохраняется в памяти или в записи что-нибудь в дополнение или исправление со-

державшегося в настоящем очерке, сообщать устно или письменно мне. Все заметки я передам в целостности тому, кому, на основании собранного таким образом материала, Бог судит быть подробным изобразителем внутренней и внешней жизни прихода за истекшее со дня освящения храма столетие».

Увы...

В 1923 году, когда исполнилось сто лет со дня освящения храма святой великомученицы Екатерины, пришлось думать не о праздновании столетия, не о подробном изображении «внутренней и внешней жизни прихода за истекшее со дня освящения храма столетие», а совсем о другом...

О метаморфозах, происходящих в православном сознании, лучше других написала тогда Анна Андреевна Ахматова:

*И выходят из обители
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти.
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий тербить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.*

Настоящая поэзия всегда сродни пророчеству.

Вот и сейчас, читая эти стихи, только удивляешься, как точно угадан тридцатитрехлетней Анной Ахматовой путь Русского Православия.

В сокровенную глубину народной души прячутся наши святыни, чтобы в дивном сиянии и славе вернуться к нам, когда мы будем готовы к этому. Вернуться, вместе с собором новомучеников Российских, обретенных нашей Церковью в эти годы...

То золото, которого так жадно искали в наших православных храмах ленины, троцкие и зиновьевы, никуда не ушло от нас. Переплавленное страданиями, оно сохранилось в подвигах новомучеников — истинном сокровище Православной Церкви.

В ходе компании по изъятию церковных ценностей храм был ограблен, а настоятель его, протоиерей Михаил Яворский¹⁹ арестован. Он закончил свой земной путь в лагерях в 1937 году...

¹⁹ Он был зятем священномученика Философа Орнатского

Ну, а в январе 1933 года президиум Василеостровского райсовета удовлетворил ходатайство Гидрологического института и передал здание храма для организации лаборатории.

В декабре 1935 года накануне престольного праздника храм был закрыт.

Глумясь над ангелом, василеостровские атеисты вырвали из его рук крест.

Тогда и была придумана острога о церкви с пионером на куполе. Хохма прижилась, поскольку лишенный креста ангел действительно сделался беспомощно схожим с пионером, поднявшим руку в салюте.

И улыбались остряки своей кощунственной шутке, не понимая, что глумление над ангелом — это, прежде всего, глумление над самим собою, над тем светлым и чистым, что еще осталось в твоей душе...

А ангел что ж?

«Как в ясный полдень небо бывает чистым, не затеняясь никаким облаком, так и природа Ангелов пребывает светлой и блистательной, не омрачаясь никакой похотью», — говорил святитель Иоанн Златоуст.

И свершалось на глазах у всех чудо...

Во время Великой Отечественной войны, в июне 1942 года, немцы били из орудий по церкви святой великомученицы Екатерины. Снаряды разбили тогда часовенку, но ангел остался невредим.

Но и чудеса военного лихолетья не потушили атеистического пыла ненавистников православия.

Сразу после смерти И.В. Сталина здание церкви святой великомученицы Екатерины передали Всероссийскому научно-исследовательскому геологоразведочному институту (ВНИГРИ) под лабораторный корпус. В капитальные стены храма врезали бетонные перекрытия, и сделали церковь четырехэтажной. Центральную же часть, под куполом, огородили стеклянным «аквариумом», который служил коллектором для вентиляционных выбросов химических лабораторий.

12.

У Ангелов нет ни ссор, ни споров, ни недоразумений. Каждый имеет все, что остальные, и все вмещают в себя полноту совершенства, потому что ангельское богатство — не какое-нибудь ограниченное вещество, которое нужно разделять для многих, но невещественное стяжание и богатство разума. И потому совершенства их, во всяком из них пребывающая всецелыми, всех делают равно богатыми.

Святитель Василий Великий

Ангелы не претерпевают изменения. Нет между ангелами ни отрока, ни юноши, ни старца, они остаются в том состоянии,

в каком сотворены вначале, и состав их сохраняется чистым и неизменным.

Святитель Василий Великий (4, 272)

Когда восемь лет назад распоряжением Мэрии Санкт-Петербурга N 421-р от 01.08.96 года здание церкви было передано Санкт-Петербургской епархии, от прежнего богатства в храме остались только голые стены да еще замечательная акустика, которая позволяет различать голос чтеца в самых дальних уголках храма.

Регент церковного хора Лидия Гринкевич говорит, что когда что-то не ладится, она уводит своих певчих в этот храм распеваться...

И там, среди церковных руин сразу налаживается пение, словно ангелы подпевают...

А свечница Светлана рассказывала, что часто теперь приходят в Екатерининскую церковь пожилые бомжи с какими-то сердечными, проникновенными, совсем не бомжовскими разговорами, и вид у них, как у умудренных старцев...

Еще она рассказывает, что шла одна прихожанка через Тучков мост, остановилась, засмотревшись на облака над колокольной и куполом Екатерининской церкви, и вдруг облака пронзил солнечный луч, и ясно стало видно, летящий над куполом и колокольной крест, и показалось прихожанке, что ангел на куполе как будто наклонился, чтобы поднять этот крест...

Любопытная и весьма символичная история, связанная с Екатерининской церковью, произошла и в моей жизни.

Московское издательство «Ковчег» выпустило в 2002 году мою документальную повесть о митрополите Иоанне (Снычеве) «Облеченный в оружие света». Художественным оформлением книги занимался директор издательства. На обложку он поместил панораму Васильевского острова, а сверху, на эту панораму, повесил портрет владыки Иоанна.

Книгу свою я увидел, когда часть тиража привезли в Петербург, и, получив переданные мне через книготорговцев (а склад их находился тогда как раз в храме великомученицы Екатерины) авторские экземпляры, я даже расстроился.

Действительно, митрополит — это ангел своей епархии, об этом я и писал книгу, а на обложке — официальный и маловыразительный портрет Владыки!

И, только вернувшись домой, показывая приятелю прямо по обложке книги, где находится книжный склад, на котором я получал книги, я обнаружил, что портрет митрополита Иоанна совершенно точно укреплен на месте ангела с купола Екатерининской церкви.

Я спрашивал потом у сотрудников издательства, насколько осознанным было это размещение портрета...

Нет...

Размещая портрет на обложке, в издательстве руководствовались чисто эстетическими соображениями, никак не связывая портрет с ангелом с купола Екатерининской церкви...

Так что портрет митрополита Иоанна сам занял место ангела.

Или — можно ведь и так сказать! — ангел с купола Екатерининской церкви, принял на обложке моей книги вид митрополита Иоанна...

У города нашлись средства на реставрацию ангелов на Петропавловском соборе и на Александрийском столпе, но для восстановления ангела на Екатерининской церкви пришлось искать самому настоятелю отцу Иоанну.

Еще когда только проводилось первое обследование состояния ангела на куполе, стало ясно, что оно близко к катастрофе.

Окутанный гнилыми туманами нашего безверия, овеваемый порывистыми вихрями и бурями революционных беззаконий, обливаемый кислотными дождями нашего равнодушия этот ангел, лишенный креста, начал разваливаться и, чтобы предотвратить окончательное разрушение его, пришлось делать скрепы, обвить тросами тело ангела, укрепить растяжками крылья...

14 декабря 2004 года в тесный дворик Екатерининской церкви въехал тяжелый германский кран «Крупп».

15 декабря с утра укрепляли бетонными плитами брусчатку под опорами крана, и только потом подняли стрелу и завели тросы над ангелом...

Альпинист Юрий Борзенец со своими помощниками, поднявшись на кровлю, закрепил тросы, потом начали снимать растяжки и скрепы.

Коротки декабрьские дни в Петербурге.

Уже начало темнеть, когда все было готово.

Тяжелое низкое небо висело над куполом церкви, еще ниже плыли темные снеговые клочья туч, но снег не шел, ангел, словно бы отодвигал тучи своей искалеченной рукою...

Вот он отодвинул в сторону университета еще одну мутноватую тучу, белесовато посветлело небо, и ангел, медленно поднявшись ввысь, завис над куполом, словно оглядываясь в последний раз на дивную панораму города, изрезанного Большой и Малой Невой... Потом ангел начал медленно спускаться и через несколько минут стоял на помосте, приготовленном в церковном дворе...

И сразу густо-густо повалил мокрый снег...

И словно бы еще темнее стал лик ангела, кажется для того и спустившегося на землю, чтобы мы могли понять, что же происходило, что же произошло с нами.

Чтобы постигнуть это, и надо придти в этот дворик, и посмотреть вблизи на нашего ангела...

Темен лик его, а на плечах — истлевшие свинцовые лохмотья...

Здесь, на помосте, во дворе Екатерининской церкви и останется стоять ангел. Здесь его измерят, и по этой мере создадут новую скульптуру...

И тогда, вооруженный крестом, этот ангел снова поднимается ввысь, чтобы встать на куполе Екатерининской церкви, охраняя наш город, ибо ангелы, по свидетельству преподобного Иоанна Дамаскина, охраняют части земли, правят народами и местами, как поставлены на то Творцом...

Великая ПРОВИНЦИЯ

Александр КОРОЛЬКОВ

ЯБЛОКО ОТ ДОСТОЕВСКОГО

Корольков Александр Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А.И. Герцена, член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Городов с древнерусскими корнями немало, но чтобы в самом названии запечатлелась особость старой Руси — это только в Старой Руссе. Еще до Рюрика обитали в этих местах русы, отсюда и имя наше пошло, уверены были и Татищев, и Ломоносов. Чаше нынче едут в Старую Руссу на воды, реже — поклониться святыням.

Все в Старой Руссе родное, в ней, как и в Старой Ладоге, в Сергиевом Посаде, в Суздале открывается тебе тайна русскости, тайна давних веков нашего бытия. Старая Русса была уездным городом, каким-то особым чувством узнаются и поныне уездные города: при всей несопоставимости Старой Руссы, Валдая, Бийска, они — уездные города, невеликие, но с неисчезнувшими зданиями городской управы, ладными усадьбами.

Конечно, от глубокой древности уцелело в Старой Руссе немного, копают археологи многометровые котлованы, находят уцелевшие бревенчатые мосты, тротуары, каменные стены построек, раскапывают, расчищают, просеивают. А XIX век здесь и поныне жив целыми кварталами, для фильмов о столетнем прошлом не надо строить никаких декораций: дома с резными наличниками, глухие ворота и заборы, все старинное, лишь в землю от времени просело.

До атеистического разгула притягивали к себе небо купола более двадцати храмов, не извели безбожники мосты духовности между землей и небом: отражает-

ся в водах Полисти и Порусьи, встретившихся здесь рек, величественный Воскресенский собор, притягивал он к себе православных: и простолюдинов, и государей, все Романовы молились в нем. И все же есть еще особо притягательный храм в Старой Руссе — святого Георгия, на первый взгляд не столь выигрышно расположившийся, как Воскресенский собор, ибо оброс Георгиевский храм примыкающей к нему улицей домов, а прежде стоял на высоком берегу бывшей реки. Ноги сами несут в низину по улице Сварога, ощущается, что уклон ведет к реке. Как скатишься с горки, открывается по левую руку старое русло Порусьи, не заболотилась вода, хотя у берегов и подернулась ряской, сторожат погост старого русла вековые деревья, высоченные, разлапистые, пушистые. Подстать им, опершись на самодельный батожок, стоял старик, он и ответил на вопрос.

— Ветла ли, спрашиваешь? Это ива ломкая. И вдоль Перерытицы тоже. Федор Михайлович, и тот напутал, когда написал, будто Карамазовы жили в доме под вязами и кленами. Нет у нас вязов. Ива тоже разная бывает — плачущая, козья. А у нас — ломкая. Не гляди, что она такая огромная, долго она не стоит, ломается. Обмелела Порусья, иссохла после того, как выкопали Перерытицу. Когда с литовцами воевали — тогда и придумали отрезать врагов и переправу справить, а рыть наши предки умели споро без экскаваторов.

Из прибрежной низины Георгиевская церковь смотрится внушительно и изящно, купол уплывает ввысь, если пытаешься всмотреться в голубизну купола и неба. Храм редкостный. И икона в нем редкостная.

Старорусская икона Божией Матери «Взыграл младенец» приостановила мой бег. Не отдышавшись от петербургской суеты, почти впопыхах, еще не ведая силы древнего Образа, воспламенив свечку и поклонившись, потянулся я, чтобы приложиться к иконе. Стекло оказалось ближе, чем показалось, пришлось лишь удивиться, как оно не разбилось от удара переносицей: Богородица предостерегла, позвала к покаянию.

Во второй раз пришел в храм за час до вечерней службы. Небо за речкой Перерытицей набухло чернотой, воздух напрягся, но затишье не предвещало скорой грозы. Перешагнув порог Георгиевской церкви и, помолившись, сразу свернул вправо к Старорусской Богородице, глаза ее смотрели пронзительно, отблеск огонька лампадки вздрагивал в ладони младенца. И опять получил я предостережение от Божией Матери: едва приблизил лицо к Лику, как грянул сокрушительной мощи гром, показалось, будто он влетел в открытую дверь церкви. Старенький священник, проходя, подсказал:

— Самое время на колени пасть. Голос неба не всякий раз услышишь.

Икона, занимающая всю стену предназначенного для нее придела, показалась невероятно огромной, позднее довелось прочитать,

что для выноса ее на крестный ход подбирали не меньше двадцати пяти крепких рушан. В молении словно растворяешься в Образе, Богородица придерживает не только разыгравшегося Младенца, но всех нас, слишком увлекшихся играми, перед Образом открывается ничемность суетности.

Дом Достоевского даже и по здешним, старорусским меркам, совсем рядом — переулком от церкви минутка ходу до речки Перерытицы, а там налево минуешь несколько домов и вот он, зеленый двухэтажный незамысловатый особняк.

И к дому Достоевского подступиться сразу не получилось. То вошел во дворик, когда служительница музея брякала ключами, запирая входную дверь, то открыл высокие ворота вполне вовремя, но торкнулся в запертую входную дверь. Посидел на скамейке, поглаживая подошвами булыжники, замшелые, темные, их век дольше многих человеческих жизней, об них вытирал грязь Федор Михайлович, возвратясь с прогулки по берегу Перерытицы.

На берегу и набережной немного изменилось за столетие и не надо напрягать воображение, чтобы, приблизившись по старинным булыжникам к воротам дома Достоевского, всмотреться в четыре окна жилых комнат второго этажа и уловить там силуэт Анны Григорьевны, или самого Федора Михайловича. Глухие ворота таили жизнь усадьбы, которая наполнила писателя мыслями и образами «Братьев Карамазовых». И эта жизнь не ушла отсюда, только прислушаться, приглядеться к ней лучше всего в тот день, когда музей отдыхает, когда чудится, будто хозяева заснули после обеда, оттого из дома не доносится никаких звуков, но хозяева точно дома, иначе не могли быть оставлены ворота открытыми. Звуки сада усыпляли и меня: басовито гудел шмель, воздух рассекали стремительным полетом ласточки, они носились низко, словно перед близким дождем или в тревоге за своих птенцов; безветрие и нежаркий солнечный припек, все было таким же, как и тогда, когда на такой же скамье, здесь, у крыльца сидел Достоевский и, казалось, если не мешать этим звукам, то вот-вот откроется окно веранды и хриловатый голос пригласит к самовару. Времена соединяются в пространстве, дом не знает пустот истории, дом роднит души разных поколений, раз-

*Дом Ф.М. Достоевского
в Старой Руссе. 1880-е годы*

ных эпох. Достоевский погребен в некрополе Тихвинского кладбища Александро-Невской Лавры, и квартира-музей его в Петербурге, и писал он много о Петербурге, а все же в этом дворе Старой Руссы не остается сомнений — здесь его Дом. Хотя формально называлось это место дачей, но нигде не чувствовал писатель такого отдохновения и вдохновения, как здесь. Анна Григорьевна вспоминала: «Дача стояла (стоит) на окраине города, на берегу реки Перерытицы, обсаженная громадными вязами, посадки еще аракчеевских времен. Благодаря этой покупке, у нас, по словам мужа, «образовалось свое гнездо», куда мы с радостью ехали раннею весною, и откуда так не хотелось уезжать позднею осенью. Федор Михайлович считал нашу старорусскую дачу местом своего физического и нравственного покоя и, помню, чтение любимых и интересных книг всегда откладывал до приезда в Руссу, где желаемое им уединение сравнительно редко нарушалось праздными посетителями».

Писателю, мыслителю необходимо уединение для работы, а если место уединения становится еще и родным душе, всегда желанным, то это и есть дом. Русская речь разъединила самостоятельными словами дом и квартиру. Никак не наделить квартиру теми качествами тепла, очага, родового единения, какими обладает дом. Владимир Иванович Даль не зря называл квартиру помещением для людей, покоями с принадлежностями, сближая квартиру с гостиницей, с временным местом обитания. Не привыкнуть русскому человеку к гостиничному обиталищу, лепит он себе хибарку в пригороде, иногда годами возит на своем горбу дощечки, чтобы соорудить то, что похоже на дом, в котором от века жили наши предки, покупает избу в деревне, строит, если разрешают и находятся средства, усадьбу, особняк, поместье. Знаем мы квартиру Пушкина на Мойке, чтим его рабочий кабинет, щемит от боли наше сердце при виде часов, на которых стрелки остановлены в момент смерти поэта, а все же, побывав в Михайловском, выглянув вместе с Пушкиным в окно его усадьбы, не отделаться от чувства, что это его подлинный дом, что хоть и не только по своей воле попадал он сюда, но пламень любви к родовому дому горел только здесь. И дело не в том, где сколько жил, а в том — где как себя чувствовал.

*Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.*

Достоевский любил Старую Руссу, в его саду уютно и сегодня, хотя не слышны на дорожках шаги хозяина. И какой русский дом без бани! У Пушкина в Михайловском хранят баню, даже евроремонт не рискнули ей сделать, хотя кое-где и прошлись современными материалами. Хранят баньку и у Достоевского. В глубине неболь-

шого сада притаилась она, а в ее мгле, за окошечком, то, что давало писателю силы не расставаться с письменным столом.

За садом, как и за всей усадьбой, не просто присматривают, а стараются поддерживать их жизнь, деревья обновляются, как раз за баней поднялась молодая яблонька, на ней вызрело яблоко, крупное, налиvistое, должно быть, первое. И в тот момент, когда залюбовался я единственным яблоком, оно отделилось от ветки и, прошепестев по траве, подкатилось к моим ногам, будто взгляд притянул его. «Яблоко от Достоевского», — подумал я в тот миг и оглянулся на сонный дом, невольно предполагая, что дверь все же откроется и хозяин появится в саду.

Дорогой, которой в течение восьми лет ходил Достоевский, пришел я к церкви Святого Георгия. Голубой купол золотился отражением креста. От ворот в ограду до входа в храм настлана зеленая трава, полевые цветы. Не могло быть более подходящего дня для благословения яблока от Достоевского, ибо праздновали Преображение Господне, Яблочный Спас. В храме путь к алтарю украшен особенно любовно, узорчато разложенной травой, цветами, а длинный стол переполнен фруктами. Вдыхая запахи трав можно было сосредоточенно молиться пред Чудотворной иконой Старорусской Божией Матери. «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу» — слова сами собой исходили из души, слова покаяния, любви, надежды, и когда я поднялся с колен, то совсем другим, чем при первых встречах, взглядом смотрела Богородица, прощающим и наставляющим. Приблизившись к Образу, приложил я к нему яблоко, а уж после приложился и сам.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Фонтанный дом — ныне мемориальный музей
А.А. Ахматовой (набережная Фонтанки, 34)*

ПРОЗА

Игорь ИЗБОРЦЕВ

«ЗОЛОТОЕ» ВРЕМЯ

рассказы

Смолькин Игорь Александрович (творческий псевдоним Игорь Изборцев) — родился в 1961 году в г. Пскове. Окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ и работал мастером в строительном управлении. На общественных началах работал в храме чтецом, псаломщиком. С 1994 по 1999 гг. исполнял обязанности ответственного редактора вестника Псковской епархии «Благодатные лучи». С 1995 г. по настоящее время является председателем Приходского совета храма Воскресения Христова в Орлецах. **Живет в г. Пскове.**

Помни последняя своя...

В Лисово и в летние дни вечерело на удивление скоро. Когда окончательно пустели здешние аллейки, кусты жасмина завертывались в темные туманные лоскуты, сумрак тушевал белизну березовых стволов, крался по траве, искищая ее изумрудную живость, выползал на центральные аллеи, как нива накануне жатвы тучнел, наливаясь сочными темными красками и... созревал. В это время в городе еще и не начинали зажигать фонари...

Хрупкость дневного бодрствования ощущалась в Лисово необыкновенно отчетливо: неожиданно, словно подчиняясь неслышному уху сигналу, голубая небесная сфера начинала гаснуть, темнела, меркла ее хрустальная глубина; исполненный печали полуденный художник послушно складывал мольберт, прятал в футляр играющую солнечными красками палитру и, вздыхая, уходил...

Антон любил бывать здесь именно в такие минуты, когда для него (а может быть и только для него) с необычайной достоверностью открывалась непреходящая сила природы. Город, рядящийся в одежды истинного мироздания, казался отсюда суетным и безсильным, фантомом цепенеющей в сумерках мысли, приснившимся в ночи пожаром, тут же ускользающим в безвременье подсознания... И отблеск голубых экранов в тысячах окон, и шум машин на проспектах, и

пьяный гомон кафешек на набережной — все это представлялось слепками ложной памяти? Было ли? Звучала ли когда настырная и истеричная песня: «Нас не догонят, нас не догонят...»? Да полно, кому вы нужны?

Антон рассеянно вслушивался в шелест листвы и перебирал мысли, пытаясь найти главную, способную все связать, выстроить, сделать понятным. Отчего-то виделась ему крытая ветхим дерматином дверь и косо прибитый пластмассовый прямоугольник с номером «46». Черная краска на пластмассе выцвела, и номер едва читался. Впрочем, убогость его была вполне уместна на изувеченном множестве прорывов коричневого дерматине. Антон, как от комара, отмахивался от навязчивой картинки. Не сейчас! Зачем сейчас? Каждый день, по крайней мере, дважды, кто-то открывал эту дверь. Кто-то... Да будь оно все неладно! Он изловчился, мысленно зачерпнул горсть лисовского сумрака и швырнул в назойливое видение. Темное пятно на мгновение повисло перед глазами и растворилось, распылив на атомы коричневый дерматин. Лишь цифра «46» какое-то время упрямо не желала исчезать, но и она, наконец, лопнула, уступив место более уместным здесь, в Лисово, мыслям и образам... Полчаса назад на этой самой скамейке, рядом с ним, сидела мама. Теперь же место ее сиротливо пустовало. Вот так: не заметил, как ушла — тоже мне, сын. Он потянулся, сорвал кленовый листок, но тут же бросил: показалось, что коснулся проношенного временем дерматина. Тьфу! Пытался вспомнить, как давеча увидел ее. Ну да, от того вот, выступающего мыском на дорожку, куста сирени. Как всегда грустная и молчаливая, она застыла, сложив руки на коленках, и глядела прямо перед собой. Простоволосая, заметил Антон, холодно ей, вечер, поди.

— Здравствуй, мама, — сказал он осторожно, словно боясь как-то помять, повредить столь дорогое слово.

Мама чуть шевельнула губами и как всегда не ответила. Антон присел рядом, повернулся и внимательно посмотрел. Абрис родного до боли профиля колебался и уплывал в сумрак.

— Почему без платка, застынешь? — спросил Антон. — Нету? Ладно, я передам.

Он потянулся, чтобы коснуться плеча, но рука застыла в воздухе... Тряхнул головой:

— Прости, — немного помолчав, продолжил: — Савельичу из сорок седьмой вчера скорую вызывали, сердце прихватило. А ты помнишь, как он однажды с похмелья керосину выпил? Помнишь, как жена его тогда кричала: «помогите, помогите!»? — Антон чуть тронул губы улыбкой. — Теперь ведь он, не поверишь, не пьет. Совсем! Вот как все меняется. Впрочем, что делать — стареем. Только ты мама, — Антон опять повернулся к ней, — не стареешь, все такая, как была. А город, тьфу, — Антон растер что-то невидимое на земле

каблуком, — весь пивнухами, как лишаями, зарос, сосет кровушку людскую. Пьют, только Савельич наш, может быть, и бросил. Так ведь у него сердце... С таким как пить? Да, Игнатъев умер недавно. Вот такие, мама, дела. А тебе я все, что надо, передам. Не сомневайся, я знаю, что надо!

Антон задумался, вспомнив высокого, крепкого телом Игнатьева, всегдашнего весельчака и остролова. Хитрые, глубоко посаженные глазки, завешенные рыжими бровями, чувственный, охочий до всего вкусного и хмельного, большегубый рот, крупный нос, проросший редкими рыжими щетинками... Скражничал человек, копил, хитрил, лукавил... но жил добротнo: и квартира, и дача, и машина — всего полна коробочка. Добротно и толково... А умер бездарно: в отхожее место зашел (мог ли знать, что в последний раз?), сел на седалище... тут его, видно, и посетила костлявая старуха. Косой разок, другой взмахнула и... душа вон. Выносили соседи... Жене-то как? Она хрупкая, ломкая, словно истаявший кусочек сахара в стакане. Вот так — помни последняя своя и вовек не согресишь... Кто это говорил? Ну, да, Мармеладыч, конечно... «Коль хотите угостить, так мармеладику извольте граммов сто», — говаривал старик. Отсюда и прозвище такое сладкое и тягучее — Мармеладыч. Как-то рассуждали о политике. Антон, — к месту ли, нет? — сказал, что нет пророков в отчестве своем. Мармеладыч грустно улыбнулся, головой покачал, нет, говорит, сейчас нету отечества в своих пророках. Мудро сказал и точно. Антон это уже после разговора понял. А тогда просто хмыкнул, словно услышал нечто расхожее и хорошо знакомое. Мармеладыч и дальше поучал: «Душеньки-то их бессмертные, пророков наших, захрящевели, к сокровищам суетным земным приросли, сердечки-то их по земному только обвыкли стучать, по небесному не умеют, дорожку в вечность позабыли, отсюда и совесть их оземленела, заскорузла, от дома отчего отбилась, она ведь к небу рученьки тянет, а ее лицом в землю, в грязь, стало быть. И все оттого, что последняя своя помнить не хотят, иначе бы и не согрешали...»

Ах, Мармеладыч — святая простота! Как же он слушал, когда Антон читал ему выборки из затертой книжки (не старой, но затертой, а значит часто бываемой добычей ищущих глаз).

— Это фра Иероним Савонарола, — пояснил Антон.

Мармеладыч повертел в руках, с сомнением покачивая головой: мол, не знаю, не читал.

— Игумен монастыря святого Марка, был повешен, после смерти сожжен, а прах его ввергли в мутные воды Арно.

— Монах значит, — оживился Мармеладыч, но, узнав, что монах этот католический, из папской Флоренции, сник и с сожалением взглянул на Антона.

— Да нет, вы не спешите, — заволновался тот, — послушайте, как пишет, о таких не признанных пророках я и говорил вам. Вот

это место, например: «Почему же ты все медлишь, душа моя? Восстань! Не стыдись поучиться у детей и женщин! Не стыдись пойти по их стопам! Восстань, говорю я, и беги с ними! Ах! Беги от этих варварских берегов, беги от этого негостеприимного берега, беги из земли Содома и Гоморры! Беги из Египта и от фараона! Беги из этой страны, где порок восхваляется, и добродетель подвергается осмеянию, где человек, изучающий искусства и философию, называется мечтателем, где скромно и честно живущий называется безумцем, где к добродетельному человеку и верующему в величие Божие относятся, как к глупцу, где уповающий на Христа становится предметом издевательства и над тем, кто человеколюбив, все ругаются, как над женщиной! Беги из этой земли, где тот называется благоразумным, кто грабит бедного, вдову и сироту; тот считается мудрым, кто думает только о накоплении богатств; тот благочестивым, кто грабит другого с наибольшим искусством! Нигде ничего не видно, кроме нечестия, ростовщичества, грабежа, грубого богохульства, хищничества, содомства и распутства; зависть и человекоубийство, гордость и честолюбие, лицемерие и ложь, нечестие и беззаконие господствуют повсюду. В этом мире порок есть добродетель, и добродетель есть порок», — читая, Антон, нет-нет, поглядывал на Мармеладыча и видел, как меняется его лицо, испаряются сомнения, даже тень их скрывается в уголках глаз и исчезает совсем. Как же он слушал! Антон, воодушевленный, чувствовал, как меняется его собственный голос, очищается, исполняется силой. Он уже не читал, — декламировал: — «Дети, молодые люди и девицы, убежденные в тщетности земных сокровищ, бегут от мира и его прелестей. А мы добиваемся этих самых вещей с такой ревностью, что если бы кто-нибудь увидел нас, то непременно сказал бы, что мы сделались свиньями Эпикура. Перед людьми мы рассуждаем о добродетелях, а в глубине наших сердец мы думаем вместе с циниками, что физическое удовольствие есть наивысшее благо. Ах, какая я несчастная тварь! Что я делаю здесь? Почему я все еще медлю и откладываю? Не видишь ли ты, что мир переполнен нечистотой, нечестием и всякого рода беззаконием? Не видишь ли ты, что глаза народов ослеплены, и сердца народов ожесточены? Не видишь ли ты, что города и деревни отданы на расхищение разбойников и мародеров?.. Ты, хотящий хорошо жить: научись мудрости от муравья, от полевой мыши, от кузнечика и от паука и помышляй о смерти и о том, что тебя ждет загробная жизнь. И если ты пожелаешь научиться от них, ты будешь хорошо жить и будешь более мудрым, чем оные немудрые мудрецы... ибо истинная мудрость заключается в памятовании о смерти», — Антон прервался, захлопнул книгу и тут заметил, как увлажнились глаза Мармеладыча, прикрыв горько-соленой пеленой наплывшую изнутри вечность.

— Да, так все и есть, — тяжело вздохнул старик, — так и живем, как скотинка несмышленная, последняя своя помнить не умеем и не хотим. Слушай, — с надеждой взглянул он вдруг на Антона, — а может быть и не католик этот фра, может из нашего монастыря?

— Нет, тут никакой ошибки нет, — пожал плечами Антон и указал на обложку, — Вот, в предисловии сказано, что был он настоятелем монастыря святого Марка, генеральным викарием Тусканской конгрегации Доминиканского ордена, а после смерти Лоренцо Медичи — и самым видным человеком во Флоренции.

— Что ж, — Мармеладыч вытер тыльной стороной ладони глаза и закивал головой, — тут одно верно: ин суд Божий, и ин суд человеческий. На вон, я тоже кое-что тебе дам, — он достал из кармана сложенный вчетверо листок с каким-то отпечатанным типографским способом текстом, — прочтешь, как время выдастся...

Иногда Антон заставлял у Мармеладыча инженера Харитонов — субъекта не очень-то для него, Антона, приятного, но отчего-то нужного Мармеладычу. Иначе, зачем тот терпеливо сносил банальное, а порой и пошловатое, — что совсем не в духе старика Мармеладыча, — губошлепство отставного инженера? (Хотя «сносил» — это до известной меры). Ну, завели свое «многая лета — а многих уж и нету!» — такими словами частенько обрывал Харитонов серьезные размышления Антона или наставительные Мармеладыча.

— Время наше золотое, — утверждал инженер, — разве ж раньше такое мыслимо было, чтобы каждый себе конь-голова? Вот я, к примеру, потомственный инженер, дед мой механиком был, отец — электро-механиком, я — по электротехнике и электронике спец. А сколько получали? С гулькин клюв. А теперь я и миллион, и два могу заработать, да не в деревянных, а в твердой, как говорится, валюте. Вот так-то!

— Где ж твои миллионы? — хмыкал Антон, разглядывая штопаные перештопанные кримпленовые штаны, причудливо пузырящиеся на тощих инженерских ногах. — Вот опять у Мармеладыча просил червонец.

— Дело времени, — самодовольно поглаживал себя по впалой груди Харитонов, — на днях заявление подаю в суд на директора завода, который меня, шельма, выпер. Отсужу пол завода. А его, гада, посажу.

— Так тебя ж за пьянку и выперли, — улыбался Антон, — вырезвиту то, небось, сколько должен? До смерти не расплатиться?

— На себя посмотри, лохудра! — кипятился Харитонов, — а директор и сам залить за воротник мастер. Злые вы!

«Злые» — это и Антону, и Мармеладычу, хотя старик и полслова еще не сказал. Впрочем, остывал инженер моментально, тут же дурчился и пытался рассказать какой-нибудь скабрезный анекдот или нескромный эпизод из фильма. Но здесь Мармеладыч уж молчать не желал, строго пресекал и даже пальцем грозил:

— Ну тебя, нечестивец, рот закрой, не погань воздух.

— Да вспомнил просто к слову, — хихикал Харитонов, — раньше, опять же, таких фильмов не показывали. Опять же плюс времени нашему. Золотое!

— Золотое! — передразнивал Мармеладыч, скорчив смешную гримасу, — Помирать-то будешь, с собой это «золото» потянешь? Смерть ведь таинство великое! Из земной, временной жизни рождается человек в вечность. Недаром сказано, что смерть — святым блаженство, праведным — радость, а грешникам и нечестивым — скорбь и отчаяние.

— Ну, завел свою шарманку, — Харитонов помахивал в воздухе руками, словно собирался сплясать гопака, — ты еще про чертей мне расскажи.

— А что бы ты думал? — Мармеладыч колол инженера укоризненным взглядом. — Где ты, там и они. Гремят над тобой веселыми громами и вниз к себе манят — мол, у нас-то как хорошо! Нашептывают, что ты уже умер, и что смерть твоя и есть самая жизнь. Нет, не жизнь это, не золото — мрак, погибель. Кто не верит в вечную жизнь, в Воскресение? Как говорит пророк — люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь. А тебе все «золото». Аукнется оно тебе, будешь знать...

Вертелись вокруг Мармеладыча и вовсе необычные личности. Например, Петя Шкаф с Дусей Тумбочкой — странная парочка, как два разнокалиберных огурца прошлогодней засолки: местами горько-соленые, местами кисловатые с налетом плесени (да уж, сладкой парочкой их никакой язык назвать бы не повернулся). К своим прозвищам (а на их жаргоне — кликухам) относились они спокойно, а Петя — так и вовсе с некоторой даже гордостью. «У Стекляхи Петю Шкапа (он так именно и произносил — через «п») каждый знает, — говаривал он важно, тыча себя в грудь, — скажешь, что Шкапа знаешь — никто ни в жизнь не наедет (то есть, не обидит)». Если по справедливости, то до шкафа Петя не дотягивал. Хотя и большой был, широкий, но плоский и корявый, как первый тещин блин. Скорее походил он на покосившийся трельяж с раскинутыми в сторону крыльями-зеркалами рук. Впрочем, может быть прежде и дотягивал? Время, оно ведь еще как сушит, да корежит? Но если и было, то прошло. Сейчас в этих тусклых зеркалах прошлое не просматривалось — сколы, царапины вдоль и поперек, да уродливые кляксы утраченной амальгамы, обнажающие обратную внутреннюю черноту. Верно, лишь Мармеладыч способен был разглядеть, что солнечный свет не минует и издерганную Петину тусклость, и от нее отражается, радостным лучиком колет глаза собеседнику, слепит и вызывает улыбку. Иначе, почему Мармеладыч улыбался, когда Петя что-то бурчал ему в ухо, поглаживал корявую Петину руку и что-то ласково

шептал в ответ? Почему и сам Петя тогда теплел, словно нагреваясь в отраженном, теперь уж от Мармеладыча, собственном лучике? Все это было Антону непонятно. А как, например, можно привечать существо, подобное Дусе? (Вот к ее-то, словно лениво набитой тряпьем сумке-трансформеру, фигуре прозвище подходило в самый раз.) Глядеть в ее глаза — все равно, что на сцену, навечно задернутую серым занавесом. Но ведь Мармеладыч зачем-то глядел? Что мог он видеть в этом «ничто»? Загадка... Почти что безсловесная Дуся расслабленно утыкалась взглядом в кончик бороды Мармеладыча и, вяло двигая губами, пережевывала неслышный шепот старика, а на подбородок ее выкатывалась струйка слюны... Б-р-р-р... — ежился Антон. А Мармеладыч и не замечал, что ли? Все время улыбался — и ей, и Пете... впрочем, и Харитонову, и самому Антону — всем. Мармеладыч, словно увлеченный коллекционер, расставлял перед собой эти потраченные жизнью глиняные фигурки, бережно, с непонятной для стороннего человека любовью, касался их руками и... реставрировал. Да, именно такое сравнение и пришло в голову Антону. Как? — это другой вопрос, на него сразу ответа не дашь. Но и без ответа смысл во всем происходящем вокруг старика Мармеладыча появлялся. Он — реставратор, а они — хоть и пропащие, но чувствуют, вероятно, того даже не понимая, что старик ловко подправляет их ущербы, замазывает глиной трещины и сколы. Отсюда и доверчивая привязанность к нему. Только откуда у него? Что? Что мог им дать? Ведь и говорил-то все больше о смерти: помни, мол, последняя своя... А кому это охота помнить? Разве что ему, Антону, но он — совсем другое дело...

Да, приходила еще одна — Домна Николаевна, старуха из-за свечного ящика. Обстоятельная, крепкая, как повязанная платком глиняная крынка, через края наполненная правильными словами, чересчур наполненная. Вот ей Мармеладыч на улыбку как будто скупился. Нет, улыбался, конечно, но как-то не так, по иному, и про смерть говорил не так: как будто не ей, а про других, а ей-то самой — еще жить, да не пережить. Наверное, из-за этого ее «чересчур» — не может, не должно в одном человеке уместиться столько! Домна Николаевна и просфорку приносила от литургии, и пирожок домашний, но все это приправляла своим приторным «чересчур» — так, забывши меру и разум, перестарок учитель обучает «за жизнь» несмышленишей-первоклашек. Холерик Харитонов в ее присутствии мерк, словно в нем кто-то сдвигал на уменьшение ручку реостата, делался незаметным и начинал походить на действительного инженера, только что скромно пережившего двадцатое число и тоскливо ожидающего четвертого числа следующего месяца. Шкаф пятился, толкал спиной медлительную на поступок Дусю, и оба они исчезали. Антон оставался... Мама, когда бывали они вместе в церкви, надевала такой же платочек — узорчик чуть-чуть другой,

но лишь чуть-чуть. И фигурой мама была такая же основательная... Антон представлял, что это ему и маме говорит Мармеладыч, когда удавалось тому втиснуться промеж правильных «чересчур» Домны Николаевны. Когда та задерживала на вдохе слова, старик делился своим (хотя, «той» уже как бы и не было; были только они — Мармеладыч, Антон и мама...):

— Я тут данько напоминал Петру, — ему полезно, — что отцы святые говорили. Надо нам ежедневно умирать, чтобы жить вечно — это потому, что только боящийся Бога будет жив вовеки. Страх Божий — лучшее от греха лекарство.

Ох уж этот Мармеладыч! Никак не шел из головы. И добродушное его лицо с реденькой седой бородкой, и беспомощно открывающая себя миру лысоватость, лишь на висках и затылке скудно обрамленная пожелтевшими завитушками волос. Да, о Мармеладыче здесь, в Лисово, думалось хорошо. Ладно и ловко вписывался его образ в лисовскую обнаженную необъятность. Играющие на ветру сережками березки готовы были приподнять для него мягкий шелестящий полог, строгие еловые пирамидки вот-вот бы и расступились, потеснили бы ряды, чтобы принять в среду себя его шуплую, сутуловатую фигуру, и лисовский сумрак готов был укутать его, укрыть, успокоить... Иное дело город, — колючий, холодный, равнодушный, — до него здесь совсем не было дела. Антон замер, боясь потревожить пойманную вдруг мыслью вечность и мирно пребывающего в ней Мармеладыча и маму, конечно же... Маму... Увы, скамейка рядом опустела, мама ушла. И ему пора. Антон поднялся и одиноко застучал ногами по пустым лисовским аллеям, теряя в грустном сумраке годные к употреблению лишь здесь, в Лисово, мысли. Да и какой в них прок там, где отечества, по словам Мармеладыча (а уж он-то не может ошибаться), нет даже в пророках? «Мы, итальянцы, безрелигиозны и испорчены более всех других», — прошептал Антон. Макиавелли, делая таковое признание, возможно, просто играл словами. Это куда как легко, коль чувствуешь себя хозяином всякого слова. Но Антон сгибался под тяжестью этих слов — когда ты не хозяин, то вовсе не до игры.

Залитая густой темнотой трава отступала назад, дальше начинались проплешины, зияющие пустоты, перетекающие в тоскливую пустыню с редкими, едва различимыми оазисами...

Ночью Антону приснился старик Мармеладыч. Он сидел на своем обычном рабочем месте, напротив гастронома с общенародным названием «Стекляха» и назидательно говорил Антону: «Просящему следует дать и от желающего занять нечего лицо воротить». Старик явно куда-то собирался.

— Ты что, увольняешься? — спросил Антон.

— Видишь вот эти заведенные часы, — Мармеладыч указал рукой куда-то в небо на север, — они непрестанно идут. Спим мы или

бодрствуем, делаем что или не делаем, они непрестанно движутся и приближаются к пределу своему. Такова и жизнь наша — непрестанно течет и убавляется; покоимся или трудимся, бодрствуем или спим, беседуем или молчим, непрестанно совершает она течение свое и приближается к концу. И уже сегодня стала ближе к концу, чем вчера и третьего дня. Так неприметно сокращается наша жизнь, так проходят часы и минуты! А когда кончится цепочка и перестанет ударять маятник — того мы не знаем. Промысл Божий скрыл это от нас, чтобы всегда были готовы к отходу, когда бы ни позвал нас к Себе наш Владыка.

— О чем ты, Мармеладыч? — Антон непонимающе глядел на крепко увязанный скудный дорожный мешок. — Ты ж говорил, что тебе нравится тут работать — и сытно, и привольно?

Но старик, словно и не слушая Антона, назидательно помахивая пальцем перед своим носом, сказал невпопад, о своем:

— Окаянны те, которых Он застанет погруженными в греховный сон, — после чего встал и закинул за плечо мешок.

Потом Антон долго искал его среди запутанных улочек старого Запсковья, почти догнал у Мишариной горки, но опять потерял, теперь уж окончательно; метался по ипподрому среди кривых хохочущих рож, на беговой дорожке угодил под копыта черного рысака, который неожиданно оказался рогатым и, пытаясь забодать его, страшным голосом гоготал: «Громы стучат друг о друга! Прячься внизу, не лепись к уходящему!»...

На этом месте Антон проснулся, сев на постели, сделал несколько глубоких вдохов, выталкивая из себя ночной кошмар. Было три часа пополуночи. Спать совсем не хотелось. Антон выпил на кухне воды и, как был в трусах, пристроился за кухонный стол читать подаренный Мармеладычем листок.

«Перед смертью аввы Сисоя лицо его просияло, как солнце. И он сказал сидящим около него отцам: «Вот пришел авва Антоний». Немного после опять сказал: «Вот пришел лик пророков». И лицо его просияло еще светлее. Потом он сказал: «Вот вижу лик апостолов». Потом свет лица его стал еще вдвое сильнее, и он с кем-то разговаривал. Тогда старцы стали спрашивать его: «С кем ты, отец, беседуешь?» Он отвечал: «Вот пришли Ангелы взять меня, а я прошу, чтобы на несколько минут оставили меня для покаяния». Старцы сказали ему: «Ты, отец, не имеешь нужды в покаянии». А он отвечал им: «Нет, я уверен, что еще и не начинал покаяния». А все знали, что он совершен. Вдруг лицо его опять просияло подобно солнцу. Все пришли в ужас, а он говорит им: «Смотрите, вот Господь... Он говорит: несите ко Мне избранный сосуд пустыни»... И тотчас он предал дух и стал светлым, как молния. Вся келлия исполнилась благоухания... »

Антон повел носом, испытывая какими ароматами наполнена его ночная келлия. Увы, благоухания не было, и лишь не вынесенное загодя ведро простодушно опорожняло в воздух запахи помоев. Вот тебе наша жизнь! Антон поморщился и тут же задумался: любит ли он смерть? Полно, можно ли ее любить? Не есть ли это изощренная форма духовного мазохизма? Но с другой стороны — это закон, подавляющий неизбежностью. Не есть ли забвение его безумием? Да, помнить — понятно, но любить? Что-то в этом не так... Но Мармеладыч? Ведь он искренний человек, не может же он... (ниже, как подземный ручей, струился поток под названием «Мармеладыч»: его слова, мысли, его улыбка, движение плеч, сухие, желтоватые ладошки; поток этот касался его, Антона, размышлений — не вмешиваясь, не тревожа, но лишь чуть-чуть недосадливо покалывая). А может быть Мармеладыч таким образом возвышает себя? Ведь смерть всех уравнивает — она для всех. Может быть, для него это форма самоутверждения? Да, но пред кем? Перед ним, Антоном? Это возможно. И перед Харитоновым — понятно. Но пред Дусей... Зачем перед ней? Да и Шкаф лишь кулак перед носом способен понять. Для него это все пустые слова. Но ведь слушает? Опять и опять приходит и слушает. Что во всем этом? Какая тайна? Вечная жизнь? Да... она есть, есть... Но ведь она — как пещера с сокровищами из сказки: руки не просунешь, что бы взять или хотя бы потрогать, да и представить трудно? Но все равно — вечная жизнь... Для Мармеладыча — она иное, чем для него, Антона, да и для других... А если он может представить и даже потрогать? Может быть так? Ладно, завтра к Мармеладычу...

Захотелось сделать это немедленно, сейчас же. Антон представил, как встает со стула, одевается и идет прочь из этого дома, города... (ведь, бесспорно, Мармеладыч — это не «город», это «вне»). Не удалось: и в воображении дверь, криво отштампованная с той стороны номером «46», не желала открываться. Мысль, словно пойманная лучом парализующего прожектора, трепетала на месте. Виски набрякли тяжелой пульсирующей болью. Как это сделать? Как?.. Боль разливалась шире и хищно стискивала затылок... Просто выйти из комнаты... Это просто... просто. Но если ты сам и есть эта комната? Как тогда? Если ты сам и есть этот город, и весь его мусор и дурь — это ты сам, это твое, от тебя? Как тогда? Куда тогда?

Он впал в забытие и оттуда, из глубины, почувствовал, что необходимо проснуться. С чудовищными усилиями открывал глаза, — еще и еще, — но все время видел колеблющееся марево того же сонного провала — сон держал его на длинном поводке. Наконец удалось, и он, как мокрый пес, стряхнул с себя сонное оцепенение. Потянулся за книгой фра Савонаролы, открыл наугад (похоже, книга всегда распахивалась именно на этом месте, где обрез ее выпячивался за-

тертой черной полосой) и прочел: «Привыкни иногда думать наедине с собою о смерти и скажи: так или иначе мне предстоит умереть; и посмотри иногда на твою плоть и твои руки и скажи: эти руки и эта плоть должны будут обратиться в прах и пепел; скоро все станет гноем. Кто этот мертвец? Тот был гран маэстро, тот был молодой, тот был богатый, тот был красивый, тот был сильный. Не так давно они были живы, а сейчас — мертвые: все гной и пепел... О, Флоренция! О, Рим! О, Италия! Дни песни и празднеств прошли для тебя!»

Спать уже не имело смысла. Он прошел в спальню — мамину... Тут она пела ему колыбельные, качала на руках... Он представлял, как это было, одновременно понимая, что это было не здесь — в другом доме... и даже в другой стране... Но сейчас это стало неважным: годы и воспоминания перемешались, и из них, как из кирпичиков, выстраивалось нечто желаемое и родное. Только не потревожить и не разбить... Антон заставил себя переключиться на другое. Рассвет, звуки пробуждения, новое начало — но все это было как-то серо и отчужденно. На улице зашумели первые утренние машины, еще пока редкие, но раз от разу интервалы между их движением становились короче. Антон подумал, что если сейчас посмотрит в окно, то непременно увидит дворничиху тетю Клаву, махающую метлой с той стороны дома, где-то у козырька над входом в магазин. Решил проверить себя, открыл оконную створку и выглянул. Фигурка с метлой маячила уже почти у угла дома. Однако, быстро, — подумал Антон, вглядываясь, как ходко замечает тротуар метла тети Клавы и тут заметил, что вовсе это не тетя Клава, а какой-то мужчина, молодой. Сын? Или кто-то новый, взятый на ее место? А она? «Смерть похищает без разбора старых и молодых, младенцев и юношей, готовых и не готовых, праведных и грешных». Он задумался: откуда это? Из Мармеладыча? И тут же согласившись с собственным предположением, — ну, конечно! — закрыл окно.

Все утро в голове у него, на мотив какой-то полузабытой оперной арии, крутилась неожиданно сложившаяся поэтическая строка: «О, мой город! Дни песни и празднеств прошли для тебя!» Пристала как банный лист. Лишь тот самый мамин платочек, вытасченный из недр платяного шкафа, освободил. Антон вздохнул: «Ну вот, и нашел тебя, навещу Мармеладыча и маме тебя передам... » Он аккуратно свернул его, положил в полиэтиленовый пакет. Потом написал записку — но это уже для Домны Николаевны. Теперь, кажется, все...

Внизу, у входа в подъезд, Антон неожиданно столкнулся с тетей Клавой. Ну и ну, жива, здорова? — удивился он, будто кто-то действительно сообщал ему о ее безвременной кончине. Он поздоровался и, не утерпев, поинтересовался:

— Вы, что же, уже не работаете у нас?

— Почему не работаю? Кто сказал? — опешила тетя Клава. — В отпуску я, имею право.

— Да, да, конечно, извините.

Антон торопливо кивнул и заспешил в сторону автобусной остановки. Но по дороге передумал: лучше пешком. Пошел через старое Запсковье, где город не так шумлив и нахрапист, где еще может представиться вдруг, что вот-вот, за следующим поворотом, откроется какой-нибудь тихий уголок — из последних, настоящих, не лишенных жизни... Нет, не откроется, конечно, — Антон знал это совершенно определенно. Но предчувствие таковой возможности все равно оставалось, и даже это было отрадным и успокоительным... Издалека он полюбовался красавцем Свято-Троицким собором, утопающим куполами в облаках, миновал церковь Космы и Дамиана и вышел к реке Пскове. На мосту за ним увязался какой-то тщедушный субъект. Спутанная шапка черных волос накрывала его узкое вытянутое вниз лицо; чечевицы глаз в темной своей глубине исполнены были лихорадочного блеска, недоброго и — как мгновенно представилось Антону — опасного. Откуда взялся сей странный человек, Антон не заметил. Вроде бы и неоткуда было? Разве только шагнул с той стороны перил, где разверзался провал до плоскости воды? Субъект, держа перед собой руки ладонями вверх и вытягивая их к нему, Антону, дребезжащим тенорком бормотал что-то чудное:

— Близится время ухода твоего из этой яви. Смерть ощущаешь в себе. Земля погружается в холодную воду. Свинцовая тяжесть заливается, рождая озноб и холод. Вода переходит в огонь. Жар и холод сменяют друг друга. Огонь переходит в воздух, взрываясь и распадаясь гаснущими искрами в пустоте...

Сумасшедший, подумал Антон, ощущая тонкое, бередящее душу, тревожное чувство. Он полуобернулся и, поймав боковым зрением безумный взгляд незнакомца, ускорил шаг, но тот не отставал.

— Не спеши! — забубнил он на полтона громче, — не пугайся! Ты умер! Пойми это и не прилепляйся к ушедшему, не береги чувства, не давай им разыгаться и поглотить тебя. В страшные места могут увлечь волны переживаний. Соберись и гляди вокруг себя. Услышишь громы, будто стучат друг о дружку тысячи гигантских ладоней. Это звуки последней сути. Не пугайся! Ничего не может тебе повредить, ибо тебя — нет! Стань этим звуком, откликнись на него. Эти миражи — ты сам! Тот, кого нет, заключает в себе ничего и все!

— Отстаньте от меня, — выкрикнул Антон, но вдруг остановился, резко обернувшись назад, так что незнакомец едва не ткнулся своим длинным хрящеватым носом в его, Антона, подбородок. — Отстаньте! Пойдите лучше туда, — Антон указал на взметнувшуюся в небо громаду Свято-Троицкого собора, — там вам станет легче, поверьте. Спросите отца Андрея...

— Вы не понимаете, — незнакомец отшатнулся вбок к перилам, — не мучьте меня, зачем меня мучить? — рот его болезненно искривился, а глаза разом потускнели.

— Да, к отцу Андрею, он не откажет, — еще раз повторил Антон, глядя, как незнакомец медленно пятится, с тихим шуршанием обтирая перила.

— Вы не понимаете, — мямлил незнакомец слабеющим голосом, — то, что находится внизу, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда единства... Камаель поддержит вас, Гимель научит, Далете успокоит...

— Он вам и водосвятный молебен отслужит и панихиду выправит, — продолжал Антон, все еще встревоженный, но уже упокаивающийся на гребне собственных слов, как-то незаметно вдруг связавших его с таинственными и умиротворительными действиями там, за белыми соборными стенами. Смысл слов незнакомца по-прежнему не проникал в него, но веяло от них в лицо чем-то чужим, вязко ознобным, и руки словно погружались в холодный ил у придонных камней. Антон уцепился взглядом за возносящееся пятиглавие с золочеными крестами и, не думая, зачем это делает, перекрестился.

— Избегай голубоватой тусклости! — прошипел незнакомец уже в полном отдалении. — Если пойдешь к ней — вернешься к новой жизни, рождению, старости, болезни и новой смерти без озарения... — фигура его извернулась штопором и неуловимо быстро скользнула за спины приближающейся к Антону парочки юнцов, оседланных змейками плеерных наушников, и потом, когда юнцы миновали Антона, она уже себя не обнаружила — исчезла, испарилась, словно опять шагнула в шумящее внизу водой заперилье...

Город, он всех сводит с ума, — подумал Антон и хотел уж было пойти прочь, но вдруг с ним что-то произошло: внутри помутилось, — словно кто-то схватил его и с бешеной скоростью стал наклонять из стороны в сторону, — перед глазами все покрылось туманом и поплыло... Он пошатнулся, ухватился за перила... Ему показалось, что он падает, уже упал... Или только показалось? Иначе кто-нибудь обязательно подошел бы, выказал свое равнодушное участие... Никто не подошел... Значит, не упал... Просто на мгновение потерял сознание... Антон попытался поднять глаза и увидеть Собор, но не смог. Эта беспомощность испугала — жутко, до самой глубины. Мысли взорвались паническим облаком пыли и запорошили сознание... Антон пытался поймать в этой безумной взвеси какие-то спасительные слова, расставить их в нужном порядке... «Господи!» — наконец вырвалось у него. И более ничего... Лишь крепостная стена и продолжающая ее стена Собора... Он их увидел! Осознание этого принесло облегчение, буря в голове утихла. Осталась лишь какая-то вязкая дымка, тормозящая мысли, но не пугающая... Потирая виски,

Антон тронулся с места и медленно зашагал вперед, к гастроному, прозываемому в народе «Стекляха»...

Кинотеатр «Октябрь»... билетики... каникулы... нет ли лишнего билета?.. эскимо на палочке... одиннадцать копеек... Власьевская башня... крутая лестница в темноте... высота... бревенчатый шатер... восторг и ветер в лицо... (мысли перекатывались пластилиновыми шариками, задевали друг друга, слипались в безформенные комки). Мама давала тридцать копеек... тридцать стаканов газировки, если без сиропа... кино, мороженое, газировка... мама... не ходи на красный свет... это она?..говорила?..Гражданин, вы на красный свет! Стойте, куда вы?..

Словно локомотив ворвался в его голову и разметал комочки пластилина. Антон почувствовал, что кто-то схватил его сзади за плечи и держит. Попытался вырваться, но вдруг увидел, что стоит на краю проезжей части и мимо, поворачивая с площади Ленина на Ольгинский мост, проносится поток машин. Он машинально отшатнулся и угодил в объятия полной тетки, которая все еще продолжала его энергично встряхивать.

— Куда вы? Стойте, стойте! — она восклицала это с таким ужасом в голосе, словно сама только что чуть не угодила под колеса.

— Да, да, спасибо, я вижу, — Антон благодарно склонил голову, едва сдерживая себя, чтобы не рассмеяться. (Что она так разволновалась? А ну как удар хватит? Лицо-то вон как покраснелось...) Сам он чувствовал себя совершенно спокойным, дышал, в отличие от своей спасительницы, ровно и слушал, как срывающимся от волнения голосом излагает она события последней минуты:

— Красный свет загорелся, я стою, машины, вон, как сумасшедшие несутся и вдруг этот (тетка махнула сумкой в сторону Антона), словно спит на ходу, прямо под автобус шагает. И как я успела ухватить? Ума не приложу! Лежать бы ему нынче на асфальте... И скорая бы не понадобилась. И не пьяный, вроде, а прямо под колеса.

— Нынче пить не актуально — укололся и забылся, — подал кто-то голос из толпы. — Пусть бы себе лежал. Зачем тащить?

Антон вздрогнул (знакомым показался этот дребезжащий тенорок) и тревожно оглядел окруживших его зевак: нет, гнусного типа с моста среди них не было. Значит, показалось...

— И когда этих обдолбанных наркоманов выведут? В клетку их сажать! — как сирена воздушной тревоги включился в разговор здоровенный лысый мужик с военной выправкой.

— Раньше хоть на сто первый километр высылали, — поддакнул ему неболышенький плюгавый мужичек и зло зыркнул глазами на Антона.

Полная тетка укоризненно покачала головой и пошла через переход.

— Да что вы? Я и не пробовал, — виновато улыбнулся Антон в сторону лысого мужика, — к Мармеладычу я шел, задумался...

— Что? — не расслышав, переспросил лысый.

— Да к мармеладу он дрянь добавляет, — пояснил плюгавый.

— Извращенец, — лысый плюнул Антону под ноги, — была б моя воля... — Он не договорил и тоже заспешил через переход.

— Да к Мармеладычу я, он тут неподалеку, — Антон попытался, было объяснить с плюгавым мужичком, но тот, оказавшись без боевой поддержки лысого, затравленно зыркнул глазами по сторонам и юркнул за спины прохожих.

— К Мармеладычу я, — Антон на мигающий зеленый побежал через переход.

— Беги, беги... — продребезжал ему в спину ехидный тенорок, — Иных уж нет, а те далече...

— Сам ты извращенец, отстань, — выдохнул на ходу Антон и, не услышав ответа, перевел дух — не облегченно: привычное состояние вернулось, но притащило с собой тревогу всех недавних событий. Антон внутренне сжался, испуганный необходимостью сейчас что-то обдумывать и разрешать. Потом, позже, — приказывал он себе и цеплялся взглядом за серый асфальт. И воздух вдруг посерел, сгустился, так что он с трудом заставил себя повернуть в знакомую арку. Но рабочее место Мармеладыча пустовало... Где? — Антон почувствовал щемящую боль в груди. — Я пришел, Мармеладыч, ты где?

— Дяденька, дай на хлеб.

Антон вздрогнул и увидел рядом с собой девочку лет восьми в тяжелых ботинках, словно реквизитных — из старых военных фильмов. Дитя войны... (Думая о Мармеладыче, он подумал и об этом и даже вспомнил какие-то смутные эпизоды из тех самых фильмов.) А Мармеладыч, наверное, был тогда такой же...

— Возьми, — он протянул девочке горсть монет, — А ты не знаешь... , — он не договорил: увидев в стороне Домну Николаевну и молодого высокого священника, метнулся к ним. Однако подойти отчего-то не решился и вслушивался в их разговор издали.

— Он вчера вечером ко мне подошел, — говорил батюшка, задумчиво теребя свою небольшую бородку, — мне бы, говорит, поисповедоваться и причаститься. Я ему: Иван, что за спешка? Давай, мол, сегодня поисповедаю, а причащу, как положено, за литургией. А он: нет, мол, поздно мне завтра. А голос такой тихий, а сам весь собранный, внимательный. Я ему: ты что ж, помирать собрался? А он так виновато кивает: мол, да. Хотел я его отчитать, да присмотрелся: вижу, не шутит старик. Подумал: вдруг и вправду сегодня же отойдет, а я его без напутствия оставлю? Тем более, Дары запасные есть. Он мне: не бойся, мол, батюшка, я сегодня в рот не брал ничего и не пил даже. Тут уж я согласился: быть по-твоему. Хотя все же

думал, что блажь это старикинская — мало ли что на ум придет? А он ведь не соврал. Так и вышло: к утру, сказали, отошел.

— Жалко старика, — поддакнула Домна Николаевна, — он хоть и с голытьбой водился, мужик-то безвредный был.

— Что ты? — священник укоризненно покачал головой. — Он под Архангелами столько лет сидел, людям добрым словом помогал. Знаю я кое-что. Если он и учил чему, то сам прежде сделал. Не про него ли и сказано: «Изыди, душа, туда, где тебе уготовано место, иди с радостью, Христос призрит тебя»?

О ком это они? Антона чувствовал, как ледяной холод наполняет все его естество. Надо найти Мармеладыча, спросить... Ему нестерпимо захотелось найти Мармеладыча сейчас же, немедленно. Бежать для этого куда угодно. Но разум уже разложил все по полочкам: никуда бежать не надо. Некуда! Туда, где теперь Мармеладыч, уже не добежишь... Антон вдруг с ужасом понял, что минувшей ночью он уже все знал — еще тогда, когда привиделся ему во сне старик. Знал, но пытался обмануть себя, — или судьбу? — и прятал это чудовищное знание в глубину подсознания. Как же теперь?.. Он механически мямлял в руках пакет с маминым платком, словно пытаясь ощутить сквозь полиэтилен его шелковую невесомую плоть. Кто же теперь передаст? Ответ появился мгновенно, сам собой, когда рассеянный его взгляд наткнулся на девочку-побирушку. Он окликнул ее, и когда та подошла, протянул пакет.

— Возьми, это для мамы.

Он не пояснил, для чьей, и у нее не возникло вопросов: дают для мамы — надо нести домой. Она приняла подарок так непринужденно, как умеют это делать только такие вот маленькие побирушки: благодарно шевельнула губами и, если бы умела, непременно сделала бы книксен — если бы этому ее научила та, которой сейчас отнесет она и этот платок, и деньги «на хлеб», оттягивающие правый кармашек кургузой ее курточки. И не известно, скажет ли ей та, ждущая дома, спасибо? Может быть, выберит, что принесла недостаточно и не то? Прогонит опять за следующей порцией «чужой доброты»? Или, все-таки, найдет ласковое слово, прижмет к себе, приголубит?.. Антон смотрел на удаляющуюся маленькую фигурку. Почему я обо всем этом думаю? Разве об этом надо? Он попытался было переменить ход мыслей, но не смог: думать об этом было естественным и успокоительным. На душе стало легче, и он словно почувствовал присутствие Мармеладыча. «Что ж ты? Хотя бы предупредил», — прошептал он в пустоту... И та вдруг отозвалась голосом Домны Николаевны:

— Говорила я ему: не води дружбы с голытьбой сивушной, говорила, помнил бы мои слова, может быть, и пожил еще.

— А он и помнил, — всматриваясь в гулкий коридор арки, убежденно сказал Антон, — помнил последняя своя. Вот так. Наверное, это поважнее будет?

— Тоже мне, нашли чудотворца, — пробормотала себе под нос Домна Николаевна, — обыкновенный старик...

Антон резко развернулся и пошел прочь, но и удалясь, все еще слышал ее дребезжащий тенорок.

* * *

На третий день, когда хоронили Мармеладыча, в город прибыли Высокие гости — из министерства каких-то важных дел. Город напрягся, втянул под себя лапки, пытаясь скрыть непристойную обрюзглость, и ошетинился колючками патрулей и постов ГИБДД. Траурный кортеж, состоящий, собственно, из одного старенького ПАЗика, трижды останавливали для досмотра. Проверяющие подозрительно оглядывали сосновую домовину, и Антону казалось, что он чувствует подспудное их желание приподнять крышку гроба и убедиться: действительно ли под ней лежит Мармеладыч? Каждый раз он замирал в тревожном ожидании, уверяя себя, — вздор! такого не бывает! — что ничего подобного не произойдет. Но когда, действительно, не происходило — он вместо облегчения ощущал в душе лишь скверноту и раздражение. «Они хотят избавиться от тебя, изbleвать. Ты понимаешь, Мармеладыч?», — беззвучно шептал он, глядя на прислоненный к гробу нелепый венок.

— Ты чего бормочешь? — толкнул его в бок Харитонов. — Могилу, как думаешь, Петька подготовил? Не запил со своей братией?

Антон пожал плечами. Ему показалось, что от инженера разит одеколоном. Неужели принял на грудь? — подумал тоскливо. — Ведь договаривались...

— Ты это, — он пристально взглянул инженеру в глаза и щелкнул себя указательным пальцем по горлу, — Как?

— Да что ты, — Харитонов обиженно вытянулся лицом, словно такое предположение было для него последним оскорблением. — Как можно? При таком марафете пить? — он поправил галстук и огладил ладонями грудь и колени. — Я этот клифт, может быть, последний раз на защиту диплома одевал. Прикинь?

Антон еще раз взглянул на черную пару Харитонova, которая, как заметил он еще утром, болталась на том пиратском парусом, и подумал: какой же, должно быть, кубышкой был инженер в студенческие годы?

— А разит-то от тебя чем? — спросил, чтобы окончательно развеять сомнения.

— На базар с утрца забежал, с понтом воды туалетной купить, ну и набрызгал на себя с дюжину разных сортов. — Харитонов ухмыльнулся, но быстро вернул себе деловой вид: — А вдруг нажрались орлы-то наши? Приедем, а там ничего не готово?

— Не думаю, — Антон неопределенно пожал плечами, — посмотрим, как приедем.

С похоронами, вообще-то, все складывалось ладно. Деньги собирали сообща, каждый давал сколько мог. У Мармеладыча оказалось немало знакомых, некоторых Антон и не знал. Однако, какие деньги у знакомых Мармеладыча? Антон перекладывал купюры (будто ожидая от этого некоего прибавления), пересчитывал и прикидывал: как уложиться? Но когда Петька Шкаф внес астрономическую сумму в четыреста рублей, хватило на все — и на гроб, и на венок, и за место. Откуда у Петьки? — Антон недоумевал, но спрашивать не стал — не до того. Уговор — не пить и даже водкой не поминать (больно этого не любил Мармеладыч) — приняли не все. Но, самое главное, что с этим согласились и Петька Шкаф, и Харитонов. А на них и легли основные заботы: могила и транспорт. Этот самый ПАЗик выпросил на заводе Харитонов — у директора, с которым расскандалился и собирался судиться. Как? какой ценой? — неведомо. Однако, как догадывался Антон, чтобы ехать сейчас в этом бесплатно предоставленном автобусе, поступиться Харитонову пришлось многим. Каково это самолюбивому инженеру? Антон ощущал рядом плечо Харитонova, и ощущение это рождало какое-то особое чувство единения и уверенности, что все будет хорошо, как надо. Факт присутствия в гробу тела Мармеладыча перестал казаться каким-то чудовищным недоразумением. Ведь это всего лишь тело, а сам Мармеладыч сидит рядом с каждым из них, держит за руки и заставляет быть лучше и честнее...

Могила была готовой. Петька Шкаф в заляпанных глиной ботинках суетился, срывался на крик, командуя, как и куда ставить гроб. Трое его помощников жуткого похмельного вида старались выполнять его команды, но выходило у них неловко, от чего Петька свирепел и еще пуще орал. Антон, жалея мужиков, которые с тайной надеждой осматривали каждого выходящего из автобуса, — не блеснет ли у кого в руках заветное стекло? — сам включился в работу. Петька, чувствуя их страстные позывы (а может и сам снедаемый ими?), кипятился и изливал из себя много лишних слов. Желваки на его еще более запавших щеках ходили ходуном, но глаза все равно светились радостью: как же, выдержал обещание! Антон похлопал Петьку по плечу:

— Все нормально.

— А как же! — с вызовом отозвался тот. — Уговор есть уговор.

Гроб поставили на козлы, и Петька, успокоившись, пристроился у его изголовья, рядом с Харитоновым. Крышку открывать не стали (так наказал батюшка, когда просыпал по погребальному покрывалу крест из песка... «Господня земля и исполнение ее вселенная...») — не хотелось ничего нарушать и делать вопреки. Антон заметил Дусю,

стоявшую на краю могилы и пристально глядевшую в ее разверстую глубину. Выглядела Дуся необычно: печать всегдашнего безмыслия словно слетела с нее, и от того она странным образом изменилась — и не только выражением лица, но и фигурой, разгладившейся и полегчавшей. Антон вспомнил услышанную в предпохоронной суете трагическую, словно выпавшую из-под пера какого-нибудь неведомого мира постсоветского Шекспира, историю Дусиной семьи. Ее отец до разбойничьего 1991 года служил прапорщиком где-то в Казахстане. Вместе с ним в таком же чине подвизался и молодой тогда еще Петя Шкаф. Мужики, хотя и была у них разница в возрасте, дружили и, как водилось, пропивали понемногу армейское добро. Петя тогда уже развелся и жил бобылем. В том самом девяносто первом, когда все затрещало по швам, и произошла трагедия: машина, в которой ехала вся Дусина семья, попала в жуткую аварию. Мать погибла сразу, а Дусю и отца в тяжелейшем состоянии доставили в реанимацию. Здесь-то, на смертном одре, и вытянул умирающий однополчанин из своего корешка Пети страшное обещание: что бы там ни случилось, не бросать его дочь, но уберечь и доглядеть. Услышал то, что хотел и, облегченно вздохнув, скончался, а Петя остался, может быть и ругая себя за столь необдуманный шаг. Действительно, что ему было делать с полусумасшедшей инвалидкой, в которую после аварии превратилась Дуся? По словам рассказчика, от дурного лечения из стройной, миниатюрной куколочки она раздулась в безформенный бурдюк. О чем думал тогда Петя? Жалел свою неожиданную иждивенку? Или надеялся, что заберет ее все-таки костлявая? Может быть, планировал как-то избавиться от нее? Или слишком уж страшное слово дал покойному товарищу? В общем, что бы там ни было, остался он при Дусе, которую и сдали ему, в конце концов, на руки врачи, расписавшись в собственном безсилии как-то еще ей помочь. Петю тогда уже уволили из армии, и был у него на всем белом свете один единственный приют: у престарелой тетушки в Пскове. Здесь-то и осел он со своей, как все считали, подругой... (А кто она ему на самом деле: дочь? сестра? — размышлял Антон. В любом случае, смотрел он теперь на Петю иными глазами. Может быть, немножко, глазами Мармеладыча?) А Дуся... Такой, как сейчас, Дусю ему еще видеть не доводилось: в ней будто бы появилась какая-то загадка, и трудно было предположить, что несла в себе родившаяся в ней мысль. Антону показалось, что она готовится прыгнуть вниз, и он шагнул ближе, чтобы, если что, удержать. Но тут рядом нервно захекал Харитонов, явно порываясь что-то сказать. Антон подбадривающе кивнул:

— Что ж, — решился наконец Харитонов, — если мне будет позволено, так сказать... э-э. . в последний путь... — он тяжело вздохнул и не услышав возражений, продолжил запинаясь: — трудно говорить

вот так о Мармеладыче. Сколько раз я . мы... э-э... приходили к нему, и он говорил нам о смерти... Думалось, что он и проводит э-э, так сказать, в последний путь... А вышло вон как... На гроб, значит-ся, собрали... Хорошо... И место, в общем, неплохое нашли...

Ощущая досаду от наспигованных паузами беспомощных слов Харитонов (Не то! Что он говорит?), Антон поежился. (Разве это главное? Сейчас надо так сказать, что бы мужики, вон, Петькины, мыслями про водку перестали маяться, чтобы позабыли, чтобы поняли, перед какой дверью все стоим. Перед какой!) Антон видел, как затравленно бродят из стороны в сторону отстраненные взгляды Петькиных помощников, как шушукаются некоторые из присутствующих, явно уже тяготясь происходящим, и лишь Дуся все также стынет птицей на краю могилы... Мысли его разбегались: нет, нужен завершающий аккорд... такой трагической высоты, чтобы небо расступилось... чтобы поняли, что такое для нас был Мармеладыч... (Инженер мямлил про какие-то воображаемые стаканы, в которые следует, дескать, налить воображаемую водку и помянуть...). Антон потянулся и, тронув Харитонов за рукав, жестом предложил ему остановиться: довольно...

— Да я что? — тут же, стушевавшись, пожал плечами инженер. — Я ведь только так, не по настоящему, в воображении, так сказать, предлагаю помянуть нашего товарища... А это — и потом... можно...

— Вечная память, — вдруг громко, так что все взгляды разом обратились на него, сказал Антон, — вечная память рабу Божию... (он чуть не произнес «Мармеладычу», но, вовремя вспомнив, избежал досадной ошибки) Ивану. Он ушел, закрыл за собой дверь... Иван, Иван Сергеевич... Ушел. Да, так бывает однажды с каждым. Простите за нелепые, быть может, слова... — тут голос Антона задрожал, он запнулся, оглядел присутствующих (он чувствовал, что растирает что-то невидимое между пальцами, влажными и горячими, смутился, спрятал руку в карман брюк, но тут же вытащил) и взволнованно продолжил: — Ушел, но кое-что оставил, всем нам. «Что?» — быть может, спросит кто-то. — «Что мог оставить после себя нищий старик, много лет просящий подаяние у стен храма?» Я мог бы не отвечать, в этом нет нужды: каждый знает, что ему оставил Мармеладыч. Но все равно скажу: этот воздух, этот солнечный свет, эту землю, этот город, наконец, которого мы себя лишили. Теперь мы можем жить здесь. Теперь мы знаем как! Ведь и здесь есть часть того, что в полноте скрыто там, за дверью. Осколки — но если их разглядеть, то и это хорошо, и с этим можно жить, зная, что где-то есть целое. А оно есть, от него и отделяет дверь, в которую ушел наш Мармеладыч. Потому и говорил он о смерти — чтобы достойно открыть однажды вот эту самую дверь; самим открыть и войти достойно, и быть встреченными с радостью, ибо отсюда, как

не раз напоминал Мармеладыч, мы начинаем или жить вечно, или вечно умирать (Антон автоматически отметил, что повторяется, и удивился тому, что сейчас его это не волнует; сквозь окружающие его лица он с какой-то необыкновенной отчетливостью увидел мамино лицо: она улыбалась, поправляла свой шелковый платочек и слушала его, и он сам слушал, слушал свой теперь спокойный голос.) — И еще — это очень важно! — чтобы кто-то остался за спиной... и хотел помочь... и знал, как... Все это и оставил нам Мармеладыч. Вечная ему память!

Все молчали. Может быть, ждали еще слов? Но Антон чувствовал — больше не надо (хотя и сомневался, что слова его прозвучали тем самым желаемым аккордом), все сказано и пора завершать церемонию... Молчание не нарушали и чьи-то едва различимые всхлипывания; они отслаивались от тишины и каплями дождя падали на комья нарытой вокруг могилы земли. Плакала Дуся, — но так, будто не она, а кто-то внутри нее, — и Антон понял это лишь тогда, когда она, сделав несколько мелких утиных шажков, приблизилась к нему вплотную, обняла и прижала голову к его груди. Он зашептал ей что-то успокоительное, неслышное для других. Тишина треснула, раздвинулась, и в новой мизансцене кто-то уже ладил веревки и перебирал их над опускающейся в вечный покой сосновой домовиной; кто-то уже бросал первые гулкие горсти земли. Антон, бережно придерживая Дусю под руку, склонился и зачерпнул ладонью свою прощальную горсть...

Разбредались поодиночке и мелкими группами (заводской ПАЗик умчался, едва сгрузили гроб). Антон, убедившись, что потяжелевшая опять Дусина фигура причалила к единственному для себя верному берегу, успокоился. Рассматривая ее, полускрытую сейчас широким Петиным телом, он с грустью подумал о том, как быстро обратилась она в себя прежнюю — безформенную и безмысленную. Лишь только вырос над могилой песчаный холмик, как витавшая над ней загадочная своей невысказанностью мысль более себя уже не обнаруживала... Неужели все? Да нет же, и в ней, как и в каждом, есть эта мощная живая сила, которой и смерти не избыть. Пусть мы не видим, пусть забываем, пусть только таким, как Мармеладыч, она открыта. Но она есть! Живая душа! И после смерти живая! Почему это так трудно понять?.. Терзая себя, Антон плыл мучительно одинаковыми протоками кладбища, не замечая, что за ним, след в след, давно тащится Харитонов и все бормочет про свою давешнюю оплошность с воображаемыми поминальными ста граммами... Антон остановился в каком-то смутно знакомом месте и, поискав глазами, нашел памятник из черного камня. С лицевой отполированной плоскости ему беззаботно улыбался бывший сосед Игнатьев. Нет! Не верилось ни в эту беззаботность, ни в улыбку. «Вот так-то, — прошептал Антон, — тебе, по крайней мере, все уже стало ясным».

— Соболезную. Знакомый? — вкрадчиво спросил из-за спины Харитонов.

— Что? — Антон вздрогнул, но, разглядев инженера, устало согласился: — Знакомый. А ты что? За мной шел?

— Ну, шел. Давно не был в Лисово. Растет! Скоро город перегонит.

— К чему им соревноваться? Они — одно... — не имея желания продолжать, Антон поклонился: — Извини, пойду, мне еще кое-куда надо зайти.

— Насильно мил не будешь, — Харитонов картинно развел в стороны руками, — вышло это у него пошловато, в обычной его скабрёзной манере, — после чего развернулся и, подталкиваемый ветром в чёрный парус костюма, затрусил к дороге. А Антон, знакомыми до боли аллеяками, отправился к самому для него здесь важному и дорогому месту...

Пустая скамейка словно хранила ещё чье-то ускользающее присутствие.

— Я знаю, ты была тут, мама, — в полголоса сказал Антон, — теперь тебе не зябко в платочке.

Он прошёл чуть дальше и остановился у высокого деревянного креста, сработанного из основательного бруса. Стряхнул с перекладины налетевшую грязь и посмотрел на мраморную плиту, прилаженную под косым углом к могильной раке. Художник не знал о тайной маминой мечте всегда оставаться молодой, он просто выполнил заказ по предоставленной ему фотографии и ему было безразлично, сколько лет назад сделан этот фотоснимок... Много. До его, Антона, рождения... Сложились в шепот привычные слова молитвы: «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей...» И ещё: «Мама, вы теперь вместе с Мармеладычем... Мы вместе... Знаешь, что он говорил? Всегда ожидай, но не бойся смерти, то и другое — признаки мудрости. Я буду ждать и не буду бояться...» Что-то зашумело в отдалении за кустами — то ли заскрипел старый крест, то ли подгнивший древесный ствол раскачивался на ветру? Но Антону будто бы послышалось, как гнусный дребезжащий тенорок царапает железом по стеклу: «Зачем ждать? Зачем помнить? Безумец, беги!»

— Я останусь, — крикнул Антон, — буду помнить и буду говорить об этом другим.

Он ещё не окончил, голос его ещё звучал, а ветер уже сорвался с места и умчался в сторону города, оставив в Лисово привычные здесь тишину и покой.

Сентябрь 2003 г.

Огуречный тракт

— Сынок, купляй огурчики. Свеженькие, чуток с грядочки, — баба Вера улыбается, борозды-морщины на её лице движутся, при-

открываются, обнажая свою исподнюю бледность, отчего лицо ее, до черноты выдубленное солнцем, начинает светиться безпомощными розовыми лучиками. Сынок — седой мужчина лет шестидесяти — едва удостаивает ее мимолетным взглядом и хлопает за собой дверью переливающейся перламутром серебристой иномарки. Через несколько секунд машина исчезает в дрожащей перспективе плавающего от полуденного зноя шоссе.

Иван попытался подсчитать, сколь раз, начиная с утра, баба Вера произносила эту фразу? Вышло, что не менее двадцати. Причем, женщин она старалась не замечать, только мужеский пол, сынков. Он вспомнил давешнего седовласого пенсионера и про себя усмехнулся: тоже мне, сынок. Впрочем, баба Вера могла себе это позволить. Сколько ей стукнуло? Восемьдесят пять? Нет, пожалуй, поболее, скорее к девяноста. Он скovyрнул тяжелый пласт памяти, проросший длинными рядами нулей в новых многорублевых купюрах, перестроечной трескотней и советскими пятилетками. Ему лет семь-восемь, а баба Вера — она такая же, как сейчас: безжалостно выжженная солнцем, выстуженная морозом, с истонченной бесконечными трудоднями плотью и похожим на геодезическую карту лицом — вот она, ее горькая топография. Наша мамушка. Ведь так ее, кажется, называли? И не только дети и внуки, но и многие селяне. Однако, давно уже ее никто так не зовет. И почему, спрашивается? Э-э-эх! Иван оттолкнул от себя груз тяжелых мыслей и посмотрел на стоящий рядом пакет с огурцами. Что толку в том, что было раньше? Сегодня вот огурчики бы продать. С утра он сбыл шесть килограммов по пятнадцать рэ, итого — девяносто рублей. И вся недолга! А бабе Вере, можно сказать, повезло: у нее ушло килограммов двенадцать. Народ, видимо, полагал, что со старушкой легче договориться. И не без основания: часа два назад какой-то плюгавенький мужичонка из красного джипа сторговался с ней на три килограмма по семь с половиной за кило. Вот гад! — Иван в сердцах сплюнул на асфальт. — Это же литр бензина для его заморского коня. Баба Вера поняла его жест по-своему:

— Истомился, сынок? — спросила, и морщинки участливыми светлыми лучиками скользнули по ее лицу. — Кваску испей, вон баночка у меня в кошелке.

— Спасибо, баб Вер, не хочу, — Иван отрицательно качнул головой и опять сплюнул. — Вот ведь жизнь! Сидим мы тут с тобой у магазина почитай уже полдня на жаре, говорить — и то сил нет. Димыч вон только пьяный и болтается. Но ему и других дел-то нет. А мы все сидим. И какой прок? Летит мимо чужое сытое счастье, и что? По пятнадцать целковых выложить жмотится. А ведь в их городских магазинах в два раза дороже огурчики-то стоят. Да и какие там огурчики? Химия! А жизнь-то мимо летит. Мимо, баб Вер!

— Жизнь, она завсегда так, — охотно согласилась баба Вера; она задвигалась, зашевелила своими мешками и кошелкой, — пойду, однакоть, корове пить дам. Как там, Вань, твоя Галина, детки? Вы ведь в райцентре таперь?

Вот память, — удивился Иван, — и меня, и жену помнит. В девяносто-то лет?

— Нормально, устроились, — он машинально смахнул со лба к виску горячую струйку пота, — я электриком в райпо, Галка пока без работы, трудно работу найти. Не только у нас все позакрывали, там тоже хорошо постарались. Вот по выходным материны огурчики продаю, как ей отказать? Она-то хворает.

— Слыхала, — баба Вера перекинула через плечо мешки с остатками непроданного товара, — ты ей кланяйся, я Анну-то еще девчонкой в церкву водила, Херувимскую учила петь. Доведется ль таперь свидеться? Ну, ладноть, слава Богу за все! — она перекрестилась и тяжело заскребла по асфальту бесформенными, задубевшими от времени ботами.

Иван провожал ее рассеянным взглядом, также рассеянно слушая, как блажит где-то за ларьками местная кликуша Дарья; как с глухим гулом взрывается над шоссе воздух, пронзаемый торпедами авто; как гудят колеса, скрипят тормоза. Что-то там на шоссе происходило: движение вперед застопорилось, и постепенно выстраивался длинный хвост из машин. Но Иван не обращал пока на это внимания, все еще не отпуская взглядом изломанную фигурку бабы Веры, покуда не истаяла она окончательно в дрожащем от зноя полуденном мареве.

Из-за угла магазина вывернул Димыч, ошалело огляделся, подтянул сползающие, побуревшие от грязи зеленые трико и, выписывая ногами кренделя, двинулся к Ивану. Тот в сердцах сплюнул, заранее зная, что сейчас услышит.

— Эх, душа горит, Рассея плачет! — дурашливым фальцетом вывел Димыч (Ивана коробило от этой его всегдашней глумливой приговорки). — Налей сто грамм, Ванек.

— Обойдешься! — отмахнулся Иван. — Загнешься скоро от своего пойла. Ты же младше меня, а тебя уж жена успела выгнать, дети голодают. Освинел совсем!

— Сволочь я, гад! — не стал спорить Димыч и, обтирая спиной стену, опустился рядом на корточки. — Под расстрел меня! Я готов! Но налей сначала, душа горит. Вон слышь, как Дашка мычит? Тоже болеет. Но ей не треба сто грамм, а мне позарез. Налей за нее, будь человеком.

— И было бы, не налил, — жестко отрезал Иван, — Дарью-то чего приплел? Человек не в себе. За чужие грехи, быть может, страдает. Отец Никон так и говорит: грешат все, а отдувается она одна, одну ее бесы мучат. А ты охолонись, куда катишься?

— Ну, говорю же, что сволочь я! Но все, что халтуру по дворам, Нинке отношу. На эти не пью, мне лучше попросить. Да и вообще, — Димыч потряс в воздухе кулаком, — не я это придумал — пилораму закрывать и фермы не я закрыл, и стадо колхозное не я продавал. Я хоть и гад, но работал всю жизнь. А теперь где?

— Давай в район, я помогу найти что-нибудь, — Иван вздохнул, выходило, что тут Димыч был прав по все статьям: работы действительно в округе не имелось никакой.

— Обмозгую, — пообещал Димыч и, указывая на шоссе, замычал: — Глянь, что творится!

А ситуация и вправду накалялась: хвост из машин вырос, утонулся влево и там затерялся. Гудели клаксоны, кричали, перекрывая шум моторов, водители, пассажиры выскакивали из раскаленных душных коробок и расползались по площади у магазина.

— Пойду, поработаю. Эх, душа горит, Рассея плачет, — Димыч тряхнул на ходу нечесаными сивыми лохмами и метнулся в гущу разрастающейся толпы. Через минуту его высоченная сторбленная фигура замаячила среди ожесточенно жестикулирующих и орущих обитателей этого странного, неожиданного здесь автопоезда

По обочине, объезжая застывший ряд машин, на площадь вкатился большущий «Мерседес», за ним огромный как вагон черный джип. Из него выскочили наружу четверо откормленных, грозных парней в черных костюмах, при галстуках. Они профессионально быстро огляделись и тут же взялись выталкивать всю шумящую публику ближе к шоссе. В руках одного из мужчин Иван с удивлением разглядел короткоствольный автомат. Вскоре площадь опять опустела, оттесненный к своим авто народ тихо оттуда поругивался, но более просто зыркал в сторону «Мерседеса». Его дверь со стороны водителя откупорилась, появился высокий русоголовый энергичного вида мужчина в ярком зеленом пиджаке. Он быстро оббежал машину и открыл заднюю правую дверь. Сначала асфальта коснулась нога в остроносом черном, без малейшего признака пыли, ботинке, брезгливо шаркнула, словно испытывая земную твердь на профпригодность, убедившись, что все — более-менее, вызвала наружу свою вторую половину, а еще через миг показалось и все остальное: смуглолицый среднего роста человек в шикарном в крупную полосу костюме. Хозяин!

Губернатор или министр какой? — подумал Иван, но, приглядевшись, понял: — Нет, губернатор наш помоложе будет, да и как-то попроще видом. Значит, министр?

— Яков Львович! — к хозяину подскочил нервный полный субъект о таких говорят — от горшка два вершка. — Куда прикажете звонить? В областную администрацию? В Областное собрание? Или сразу в администрацию Президента?

— Черту лысому звони, Арон, но чтобы через полчаса я был в этом долбанном райцентре, — хозяин говорил уверенным, дребезжащим, как треснувшая телефонная мембрана, голосом, и хотя на его холеном долгоносом лице не дрогнул ни единый мускул, Арон испуганно присел и стал совсем крохотным. Он отскочил в сторону, выхватил из кармана телефонную трубку и стал что-то истерично орать. Слов Иван разобрать не мог, поскольку Арон отвернулся к стене и как-то ловко обволок телефон своим желеобразным телом; он мог слышать только неистовые, с сумасшедшинкой, выкрики. Кликуша, ей Богу, подумал он и перевел взгляд на хозяина. Тот, зажимая платочком нос, мерно вышагивал по асфальту, с четырех сторон его прикрывали дюжие охранники.

— Почему огурчики? — от неожиданности Иван вздрогнул и увидел перед собой присевшего на корточки зеленопиджачного шофера.

— Что? — он попытался сосредоточиться и вспомнить, в какую цену весь день держал этот дар материнского огорода; с трудом припомнив, доложил: — пятнадцать за кило.

— Рублей что ли? — широко улыбнулся водитель, обнажив ряд сверкающих, как на рекламном плакате белых зубов. — У вас тут прямо огуречный тракт. Пока ехали из города, устал вас, огуречных торговцев, считать. Откуда вас столько? На, возьми, — он протянул десятидолларовую банкноту и поднял из пакета самый маленький огурчик. Хватит? Меня, кстати, Павлом зовут.

Иван назвал свое имя и попытался вернуть деньги назад:

— Возьми так. А огурцов много от того, что уродились. В том году грибами все торговали. Вот и весь секрет. А деньги-то заberi.

— Обижаешь, начальник, — еще шире улыбнулся Павел, — мне достаточно платят, — он кивнул в сторону хозяина. — Да уж, заварилась каша, — он осторожно откусил от огурчика и тут же сплюнул: — Тьфу, ну и горечь! А папка-то наш явно на взводе! И что у вас тут творится?

— Авария, я слышал, — Иван все еще переминался в руках десятидолларовую купюру, не решив окончательно, как с ней поступить, — впереди лесовоз опрокинулся прямо на шоссе.

— Да это-то я знаю, — нетерпеливо махнул рукой Павел, — только папке-то от того нелегче. Его в райцентре вашем захолустном Глава дожидается и депутаты. Впрочем, и это чушь, а вот то, что самолет у него через три часа. В Лондон. Его собственный самолет, — Павел ухмыльнулся, — ваши-то кукурузники дальше губернаторского носа не летают. А мне баранку до Москвы крутить. Впрочем, это не вопрос — я профессионал, каких мало! Да, кстати, а ведь Яков Львович и ваш папка.

— Это как? — не понял Иван. Отчего-то ему было тяжело и неловко находиться рядом с этим лошеным, моложе его не менее чем лет на пять, парнем в зеленом с иголки пиджаке и картинной рек-

ламной улыбкой. — Это как, не понял? — переспросил он, ощущая тревожно-сосущую боль под ложечкой.

— Да так, — Павел спокойно взглянул ему прямо в глаза, — Яков Львович купил всю вашу волость: и деревни, и этот поселок, поля, луга, лес — в общем, все. Теперь он ваш благодетель и хозяин.

— Как это? — Иван осекся. — Мы думали, нашу волость списали под корень, народ прочь подался. Школу закрыли, больницу закрыли, клуб, библиотеку. Что еще? Пилораму, мастерские, все фермы, скот продали, трактора на запчасти. Зачем тогда все это разрушили? Что, ему назло?

— Лох ты, Ваня, не в обиду тебе будет сказано, — Павел иронично улыбнулся, — Кто Якову Львовичу будет что-то делать назло? Он сам все это и устроил. А зачем ему, подумай, эти ваши школы и больницы? Да и вы ему ни к чему. Он тут заново все устроит, по-европейски. Китайцев завезет. Они, знаешь, как работать умеют? Огурцы станут экологически чистые выращивать. Яков Львович с друзьями будет тут раз в год отдыхать, благо — до границы с Европой два шага; будут и огурчики эти самые кушать.

— Огурчики? — Ивану показалось, что он теряет рассудок. Или Павел над ним просто смеется? Да нет, в этих безмятежных серо-голубых глазах не просматривалось никакого подвоха или лукавства. Неужели все так и есть?

Где-то совсем рядом громко заблужила Дарья. Яков Львович услышал и нервно вскинулся:

— Кто там орет?

Один из охранников побежал выяснять. Не ко времени появился Димыч со своей неизбывной болью:

— Душа горит, — артистически трогательно воскликнул он, — Рассея плачет!

— Эта баба чумная за клумбой кричит, наверное, пьяная, — с ходу доложил хозяину подбегавший охранник и мимоходом двинул промеж лопаток Димыча. Тот откатился вдаль, трагически рыдая:

— Рассея плачет!

— Заткните ей рот, пусть заткнется! — повышая тон, скомандовал Яков Львович, и лицо его на мгновение прорезалось черными молниями.

Но тут кавалькада из машин вздрогнула, стронулась с места и медленно поплыла.

— Все, — Павел резко поднялся на ноги, — мне пора, прощай, не поминай лихом. Впрочем, может быть, еще и увидимся, — он подмигнул Ивану и метнулся к машине.

— Постой! — Иван тоже вскочил. — погоди!

— Ну? — Павел остановился и вопросительно кивнул.

— Неужели это все из-за огурцов? Неужели, чтоб выращивать экологические огурцы, вывели под корень целую волость? Да мы бы задаром вашему хозяину по вагону в год отгужали.

— Да зачем ему ваши огурцы, чудака-человек? — белозубо улыбнулся Павел. — Да он и огурцов-то с роду не ел. Так что мотай на ус. А волость ваша. Что волость? Тут бери выше. — Павел вытянул подбородок вверх, к небу. — Ну ладно, все, давай, — он прощально махнул рукой и уже через несколько мгновений хлопнул за собой дверь «Мерседеса».

Иван видел, как по-царски степенно усаживается на свой автомобильный трон Яков Львович; как благородно попирает остроносым ботинком принадлежащую ему земную твердь.

Сердце у него занемело и перестало чувствовать жару.

Джип взревел клаксоном и, оттирая к центру дороги поток машин, прямо по обочине рванулся вперед. «Мерседес» устремился за ним. Все это железное месиво смялось в кучу, покатилося, поползло к горизонту. И оттуда, уже втянув за собой хвост из последних машин, все еще рычало и гудело, пугая непривычных к такому шуму поселковых птиц.

— Огуречные дети огуречной страны. Ну уж нет, не дождетесь, подавитесь, — прошептал Иван, чувствуя, как взбухают на лбу капельки пота: сердце оттаивало, требуя себе жизни и пространства для нее.

— Что ты там бормочешь? — Димыч оперся на его плечо, и усталое вздохнул. — Слушай, я завтра и впрямь рвану в райцентр. Здесь с ума сойдешь. Руки-то — вот они! — он вытянул перед собой огромные мозолистые ладони. — Я любое дело потяну.

— Потянешь, — кивнул Иван, ухватил его за руку и с силой сжал. — Не огуречные мы с тобой люди, будем работать, а если что, постоим за себя.

— О чем ты? — Димыч оглянулся по сторонам. — Перегрелся на жаре?

— Может быть, — неопределенно пожал плечами Иван. — Ладно, завтра жду тебя. Где меня найти, знаешь. И еще. Вот, это для Нины, — он вложил в руку Димыча скомканную десятидолларовую купюру. — Донесешь?

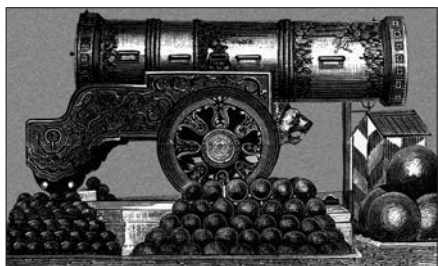
— Да, — тот согласно качнул головой, подтянул повыше буровато-зеленые трико и побрел прочь от магазина, в сторону своего полузатерянного дома.

А Иван тут же забыл о нем; он увидел бабу Веру. С полными мешками за спиной семенила она к своему законному торговому месту, царапая асфальт чугунными истоптанными ботами. Когда она совсем приблизилась, Иван улыбнулся и вполголоса попросил:

— Мамушка, научи меня петь Херувимскую.

Псков, апрель 2006

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

**Филипп КАЗИН
Василий РУБАНИК**

БУДЕТ ЛИ ХУЖЕ? УРОКИ КОНДОПОГИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Впервые данная статья была опубликована в журнале «Политический класс» № 11, ноябрь 2006.

В конце августа — начале сентября 2006 года в небольшом карельском городке Кондопога произошла трагедия, потрясшая всю страну. В результате серии массовых драк между местными жителями и выходцами с Кавказа погибло два человека и было ранено около десятка. Фактически произошла резня, спровоцировавшая последующие погромы квартир и торговых точек кавказцев. Утихомирить людей и восстановить внешнее спокойствие в городе удалось только через неделю. На сегодняшний день отправлено в отставку все руководство силовых структур Карелии, чеченские семьи выселены из города, местные жители пребывают в тревоге и страхе относительно дальнейшего развития событий. В других регионах России общество и власть задаются вопросом о возможности повторения подобных событий у них. В чем причина трагедии в Кондопоге и что необходимо сделать для того, чтобы это больше никогда и нигде не повторилось — предмет исследования настоящей статьи.

Осенью 2006 года в российских СМИ как всегда были опубликованы сотни статей, посвященных проблеме межнациональных отношений в России. Грустным поводом для большинства из них послужили события в Кондопоге 28 августа — 3 сентября 2006 года. Авторам этих строк удалось побывать на месте событий и провести ряд интервью с местными жителями. На фоне множества нестыковок в деталях (сколько людей было с каждой стороны,

что послужило поводом к драке, сколько времени все продолжалась и т.д.), показательным является удивительное единодушие горожан в отношении власти и приезжих с Кавказа. В первом случае отмечается исключительное раздражение, связанное с пассивностью власти (прежде всего, милиции) в ходе конфликта. Во втором — возмущение, обусловленное многочисленными примерами вызывающего и наглого поведения части мигрантов в городе Кондопога.

Последующий анализ СМИ показал, что кондопожские события являются проявлением общероссийской тенденции роста напряженности в треугольнике: этнически русские жители РФ — власть — мигранты из стран Средней Азии и Закавказья, а также северокавказских республик РФ (прежде всего Чечни). Сравнение событий в Кондопоге с аналогичными процессами в других городах РФ (Угличе, Сальске, Вольске и т.д.) свидетельствует о том, что фундаментальные причины происшествий являются типичными для всей России. Учитывая исключительное значение СМИ в области межнациональных отношений позволим себе начать статью с оценки информационного поля, связанного с событиями в Кондопоге, выделив в нем три группы источников, отражающих соответствующие идейно-политические ориентации¹:

1. Русский националистический взгляд (ДПНИ, Союз Русского народа и т.п.).

2. Взгляд со стороны национальных общин (чеченской, азербайджанской, таджикской и др.).

3. Взгляд «либеральных» экспертов, журналистов и правозащитников.

Единства позиций нет ни в одной из групп. В каждой из них есть свои «радикалы» и свои «умеренные». Указанные группы также неравномерны с точки зрения ресурсов воздействия на массовое сознание. Постараемся суммировать ключевые позиции, высказанные в каждой группе по трем вопросам:

1. Кто виноват в конкретных событиях в Кондопоге.

2. Каковы общие (социально-политические) причины участвовавших столкновений на межнациональной почве в России.

3. Что необходимо сделать, чтобы не допустить повторения таких событий в будущем.

Русский националистический взгляд

По мнению большинства авторов российских сайтов правой ориентации ответственность за кондопожские события лежит на местных (городских) и региональных (карельских) властях, а также на

¹ В выборку вошли только статьи, специально посвященные событиям в Кондопоге, вышедшие в период с 30 августа по 18 сентября 2006 года.

азербайджанцах и чеченцах, проживавших в городе Когдопога. По их мнению, в течение нескольких лет банда выходцев с Кавказа (фактически ОПГ) терроризировала местное население города, вела себя нагло и вызывающе в отношении коренных жителей. Местные и региональные власти, зная о ситуации, ничего не предпринимали для ее исправления, более того, милиция прямо способствовала своим бездействием укреплению чувства безнаказанности и вседозволенности у приезжих. В результате, после убийства чеченцами двоих местных жителей произошло массовое выступление горожан с требованием выселения всех выходцев с Кавказа из Кондопоги. Таким образом, в основе кондопожских событий, по мнению русских националистов, лежит неподобающее поведение некоторых выходцев с Кавказа и полное бездействие городских и региональных властей по пресечению этой ситуации.

В целом, русские националисты уделяют особое внимание действиям (или, вернее, бездействию) властей и поведению приезжих кавказцев по всей России. Упор делается на первой проблеме. Вторая — вызывающее поведение приезжих — объясняется, прежде всего, наличием первой, т.е. попустительством со стороны власти и коррупцией. Русские националисты указывают на многочисленные просчеты власти в сфере межнациональной политики в РФ. Подчеркивается отсутствие сколько-нибудь адекватного контроля за миграционными процессами в РФ и преобладание нелегальной иммиграции над легальной. В качестве характерного примера низкого качества работы миграционных служб упоминается многократное несоответствие официальных данных и цифр, которыми оперируют диаспоры относительно своей численности (по Москве и Санкт-Петербургу оценки отличаются в 15–20 раз)².

Позиция националистов по вопросу о том, что надо делать в этой ситуации является вполне последовательной. Ее суть состоит в реализации масштабной системы мер по ограничению миграции, ее выводу «из тени» и общему ужесточению контроля за миграционными потоками в России. В частности, предлагается приостановить введение в действие новой системы учета и регистрации иностранных граждан в РФ (упрощающей процедуру получения разрешений на трудовую деятельность), которая должна вступить в действие с 15 января 2007 года. Предлагается также восстановить институт прописки с целью недопущения возникновения крупных

² В одном из интервью автора с представителем руководства НКА азербайджанцев Санкт-Петербурге была упомянута цифра — 280 тысяч. (см.: Содружество Независимых государств: взгляд из Санкт-Петербурга, под. ред. Ф.А. Казина, СПб. 2004, с. 41). В то же время по официальным данным переписи населения 2002 года численность азербайджанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, составляет 16.613. человек.

этнических диаспор в традиционно моноэтнических (прежде всего русских) регионах страны.

Националисты призывают правоохранительные органы нанести удар по этнической преступности и депортировать из России всех нелегальных иммигрантов. Предлагается предпринять масштабные антимонопольные меры в тех отраслях экономики, которые находятся под преимущественным контролем этнических группировок, а также ввести серьезные ограничительные меры на рынке алкоголя. Правые организации призывают власть защитить нетитульное (т.е. русское) население в национальных республиках РФ (Северный Кавказ, Татарстан).

Особо отмечается необходимость наведения порядка на продуктовых рынках страны в плане обеспечения приоритетного доступа для торговли на них местным жителям³. Предлагается вменить в обязанность властям ежегодно публиковать в СМИ отчеты о мерах, предпринимаемых властями для недопущения событий подобных кондопожским. В случае возникновения таких ситуаций в других регионах России, националисты призывают власть не подавлять выступления русского населения, а направлять их в русло конструктивных требований.

При этом, позиция националистов характеризуется глубоким скепсисом относительно того, что власть окажется в состоянии реализовать указанные меры. Многие материалы содержат призывы к гражданской самоорганизации в целях противодействия экспансии нелегальной миграции. В частности, предлагается создавать в российских городах общественные приемные для сообщения о случаях недружественных действий мигрантов в отношении коренного населения. Рекомендуется создавать с использованием соответствующего закона эффективные органы местного самоуправления и добровольные народные дружины для защиты коренного населения и поддержания общественного порядка.

Взгляд со стороны национальных общин

По версии большинства авторов, представляющих позицию национальных общин ответственность за события в Кондопоге лежит на трех русских по национальности криминальных авторитетах — Плюхе, Мозгале и Яне, которые начали первую драку с официантом — азербайджанцем в кафе «Чайка» в городе Кондопога, в ночь на 28 августа 2006 года. Особо следует выделить уникальные по своей красноречивости цитаты с сайта «Kavkaz center»:

³ Следует отметить, что с аналогичным указанием в адрес правительства России и руководства субъектов РФ 5 октября 2006 года публично выступил Президент РФ В.В.Путин.

«<Чеченцы> не побоялись дать отпор нетрезвой зарвавшейся шпане. Та лютая злоба, которую испытывают к чеченцам местные, вызвана лишь глубокой ущербностью последних, т.е. черной завистью вечно приниженных к гордым и независимым» и далее «Не случайно коренное население Кондопоги жаждет навсегда избавиться от кавказцев. Их присутствие для русских невыносимо, как для подвальной плесени нестерпим солнечный свет»⁴. Подобное хамство отражает определенный взгляд на проблему, существующую в диаспоральных кругах. Степень его распространения надо оценивать отдельно в рамках специального исследования.

Иной взгляд представлен в заявлении президента Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России Союна Садыкова: «...мы понимаем чувства наших сограждан, простых людей, доведенных до отчаяния наглостью и безнаказанностью преступных группировок и попустительством им со стороны государственных чиновников и правоохранительных органов.... Но мы не можем не реагировать на деятельность провокаторов, организующих какие-то самозванные народные сходы... Те, кто допустил криминальный террор в Кондопоге, теперь допускают погромы и беспорядки...»⁵. Здесь ключевая фраза последняя — основная вина, по версии умеренных представителей диаспор, также возлагается на власти. Отличие их позиции от русского националистического взгляда состоит в том, что в качестве виновников упоминаются и *некие провокаторы*, которые используют народный гнев для повышения своей популярности (имеются в виду представители Движения против нелегальной миграции (ДПНИ) принимавшие участие в событиях в Кондопоге).

Среди общих причин участвовавших столкновений на межнациональной почве в России выделяется рост националистических настроений у коренного населения России — прежде всего, у русских. Радикализация настроений и «кавказофобия» упоминаются в качестве важнейших глубинных причин событий в Кондопоге. Одновременно, акцентируется внимание на пассивности власти, которая не смогла остановить кавказские погромы в Карелии. В целом, отмечается, что российская власть упускает из виду реальное положение дел в обществе в сфере межнациональных отношений.

Взвешенный взгляд на общие причины межнациональных столкновений в России высказывают многие представители национальных общин:

Цитата 1: «...выражаю глубокие и искренние соболезнования гражданам России, пострадавшим в результате беспорядков в городе Кондопога. К сожалению, в каждом народе есть преступники, которые позорят свою нацию и из-за действий которых страдают невинные люди. Пони-

⁴ <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/09/14/47010.shtml>

⁵ <http://www.trend.az/?mod=shownews&news=89981>

мая чувства простых людей, доведенных до отчаяния наглостью и безнаказанностью бандитов, призываю их не распространять свое недовольство на весь чеченский народ. Преступники должны ответить по закону, а народы — жить в мире». (Мавлит Бажаев, член общественной палаты РФ, президент межрегиональной общественной организации «Ассоциация чеченских общественных и культурных объединений»)⁶.

Цитата 2: «НОРМ с горечью констатирует, что массы приезжих мусульманского происхождения, поселившиеся в последнее время во многих русских городах и селах для заработков или занятия бизнесом, в своем большинстве не являют доброго примера мусульманской нравственности, и не только не удерживаются от пороков, но открыто следуют им». (Национальная организация русских мусульман (НОРМ))⁷.

Отвечая на вопрос «что делать», авторы данной группы, как правило, не выходят за рамки призывов к власти по наведению порядка, обеспечению законности и сдерживанию национал-экстремистов. В некоторых случаях предлагается использовать потенциал национально-культурных автономий для регулирования миграционных процессов. Предложение иных мер в материалах, посвященных событиям в Кондопоге, отсутствует.

Взгляд «либеральных» экспертов, журналистов и правозащитников

Часть авторов из этой группы возлагает ответственность за события в Кондопоге на пьяную толпу, «бессмысленно и беспощадно» разгромившую кафе и ларьки, принадлежащие кавказцам. Некоторые считают, что появление этой толпы является следствием криминальной разборки, которую учинили в городе этнически русские уголовники с целью передела собственности. Встречаются также версии о том, что чеченцы отказались подчиниться рэкету.

Оценки, возлагающие вину за случившееся на местных кавказцев, также присутствуют в центральных СМИ. Однако, в целом преобладает мотив ответственности власти за создание условий, способствовавших сначала поножовщине, а потом — погрому.

Многие журналисты делают масштабные выводы из кондопожских событий. В частности, высказывается тезис о том, что «Кондопога — это не простой инцидент, а начало новой эры отношений» между русскими и кавказцами. Россия вступает в эру межобщинного насилия, вспышки которого могут спровоцировать совершенно случайные происшествия. События в Кондопоге тревожат экспертов, прежде всего, своей универсальностью, становясь моделью того, что может произойти в любом регионе России.

⁶ <http://www.newizv.ru/print/53394>

⁷ <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=13764>

Кондопога, по мнению многих авторов, является символом слабостью и неэффективной власти, жестокости толпы и разрушительного потенциала разбухшей этничности. Произошедшие события свидетельствуют о системном кризисе российской национальной политики, которая характеризуется как этнографическая и этноцентричная.

Этнографичность — замена национальной политики проведением дней культур разных народов с плясками, песнями и закусками⁸.

Этноцентричность — создание преференций для определенных этнических групп на определенной территории (русские националисты здесь бы добавили — кроме как для русских на русской территории), институционализация этничности (в форме национально-культурных автономий, национальных республик и т.д.)⁹.

«Преступления конкретного человека становятся преступлениями всего народа, а коллективные права и обязанности оказываются выше прав и обязанностей гражданина перед законом. В результате распадается единое правовое пространство страны. Оно раскалывается на этно-территориальные княжества с сохранением этнических преференций» (естественно неформальных)¹⁰.

Правозащитники подчеркивают распространенную в России враждебность по отношению к выходцам с Кавказа. Они называют виновниками погромов в Кондопоге представителей Движения против нелегальной миграции (ДПНИ). Аналитический центр «Сова» считает, что произошедшее в Кондопоге является «серией преступлений, а не политической проблемой и, тем более, не межнациональным конфликтом»¹¹. Эта оценка удивительным образом совпадает с первоначальной позицией карельских властей, отрицавших какую бы то ни было этническую основу конфликта. Одновременно, правозащитники выступают резко против заявления Рамзана Кадырова о готовности навести порядок в Карелии. Они называют это заявление «диким», как будто в России есть племя карельцев и племя чеченцев. Следует отметить, что некоторые журналисты, напротив, с энтузиазмом восприняли заявление Кадырова, приветствовав его «способность» преподать урок русским националистам, «которые могут убивать только таджикских девочек»¹².

В целом, в среде журналистов, правозащитников и экспертов, представлены полярные мнения относительно глубинных причин конфликта в Кондопоге. Но примечательно, что все сходятся в одном — власть не справилась со своими обязанностями по поддержанию межнационального мира в Карелии.

⁸ Маркедонов С., «Кондопога: системный кризис российской национальной политики». <http://www.ideologia.ru/kommentarii/arhiv.php?komm=738>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/7E3F053>

¹² Юлия Латынина. Эхо Москвы. 30.08.2006.

Резюме этой позиции подводит цитата из статьи «Сумасшедшая природа» Кондопоги» (Известия, 13.06.2006): «...главную угрозу для России составляют три внутренних конфликта: между олигархами и всеми остальными, между просто богатыми и бедными, а также между русскими и нерусскими. Первый из них отчасти решен, попытки сгладить второй предпринимаются, но третий становится все острее. Делать вид, что его нет, значит загонять огонь внутрь шахты»¹³.

Ключевым механизмом решения межнациональных проблем экспертное сообщество видит воспитание в россиянах гражданской идентичности в противовес идентичности этнической. Лояльность России как государству, ощущение принадлежности к российской нации как транснациональной общности видится экспертам залогом преодоления межнациональных конфликтов. Для реализации этой задачи предлагается обратить особое внимание на работу с молодежью (в школах и вузах). Необходимо обеспечить их лояльность государству и обществу, а не почве и этносу. Следует отметить, что эта позиция присутствует и в кругах национал-патриотов. Они формулируют эту идею несколько иначе, но, по сути, речь идет об одном и том же: «безусловно первичным является долг человека по отношению к единой нации и государству, а уж потом к этническим землякам, единоверцам, родственникам за границей, «исторической родине» и т.п.»¹⁴. Разница в двух позициях состоит в том, что либеральные эксперты планируют воспитывать такого рода идентичность в этнически русских жителях России, а националисты — в иммигрантах.

Эксперты подчеркивают необходимость интенсификации программ интернационального воспитания для молодежи, направленных на формирование толерантности и знакомство с культурами разных народов. Именно молодежь, по их мнению, отличается в России особой нетерпимостью и ксенофобией.

Социологические данные

В период с августа по сентябрь 2006 года три крупнейших социологических центра России (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение» и Левада-центр) провели опросы общественного мнения, касающиеся проблем межнациональных отношений в России¹⁵.

Приведем наиболее показательные на наш взгляд ответы на вопросы.

ВЦИОМ: В чем причина кондопожских событий? Большинство — 39 % респондентов, посчитали, что причина столкновений — в национальной неприязни. Среди жителей столиц — Москвы и

¹³ «Сумасшедшая природа» Кондопоги», Известия, 13.06.2006.

¹⁴ <http://www.nacidea.ru/kniga/nacidea25.shtml>

¹⁵ <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3216.html>,
http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0636/domt0636_1/d063627,
http://qwas.ru/russia/pp-pss/id_33474/

Санкт-Петербурга — такой ответ дали 50% опрошенных. Учитывая, что сами респонденты в Кондопоге не были, их ответы отражают, прежде всего, представление о том, что там *могло* произойти. 50% респондентов считают этот конфликт межнациональным. Следовательно, проблема «висит в воздухе» по всей стране и, прежде всего, в больших городах.

На вопрос о том, кто виноват, большинство респондентов отвечают — местные власти (ни местные жители, ни приезжие и ни правоохранительные органы). Эта позиция, в частности, свидетельствует об отсутствии у людей каких-либо априорных ксенофобских настроений.

Для жителей Санкт-Петербурга и Москвы особый интерес представляют два следующих вопроса:

Как вы оцениваете действия властей в сфере противодействия межнациональным конфликтам?

В целом по России лишь 18% респондентов положительно оценивают действия властей в этой сфере, а в Москве и Санкт-Петербурге и того меньше — 8%.

Считаете ли вы вероятным у себя в городе столкновения на национальной почве?

В целом по России 58% считают такие столкновения возможными. В Москве и Санкт-Петербурге — 89%!

Из этих цифр видно, что ситуация в России в сфере межнациональных отношений, с точки зрения населения, близка к критической, а кондопожский случай, действительно, отражает тенденцию.

Опрос, проведенный Левада-центром в августе 2006 года, подтверждает ряд выводов ВЦИОМа.

Во-первых, население России чувствует наличие проблемы, связанной с недостаточной защитой интересов русских со стороны государства. В частности, 54% населения выражают поддержку лозунгу «Россия для русских», против — 28%, считающих этот лозунг фашистским. Одновременно большинство респондентов отнюдь не склонны винить инородцев в проблемах России. 58% полагают, что нельзя винить людей нерусских национальностей в бедах России. Следовательно, по мнению людей в этих бедах виноваты они сами и/или власти. На вопрос: «Чувствуете ли вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?» 86% респондентов ответили «никогда или почти никогда». Это также свидетельствует о том, что идея о массовой ксенофобии, якобы поразившей российский народ, является мифом.

Третий опрос, специально посвященный кондопожским событиям, 14 сентября 2006 года провел фонд «Общественное мнение». Этот опрос показал, что несмотря на карельские события, 66% населения не испытывают какой-либо неприязни к лицам других национальностей. При этом большинство респондентов утвердительно отвечают на вопрос о возможности повторения кондопожских событий в их городе. Наконец, удивительную самокритичность и терпи-

мость проявили респонденты в ответе на вопрос о том, кто виноват в возникновении конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей. Большинство респондентов ответили — виноваты и местные, и приезжие.

Суммируя итоги опросов, проведенных, заметим, социологическими центрами с устойчивой либеральной репутацией, можно сделать вывод о том, что общественное мнение, по сути, находится на стороне национал-патриотов. Почему?

Во-первых, ответы показали, что у людей есть реальные опасения, относительно новых столкновений на межнациональной почве в России.

Во-вторых, респонденты выразили поддержку лозунгу «Россия для русских», одновременно возложив ответственность за проблемы в стране на себя и на власть (а не на мигрантов). Следовательно, при уже отмеченном отсутствии априорной ненависти к иностранцам, люди чувствуют определенную ущербность положения русских в России. Обращение власти в сторону интересов русского народа воспринимается как естественное и необходимое движение, не противоречащее идее межнационального мира. Проще говоря, люди хотят быть хозяевами на своей земле и по-хозяйски, радушно принимать в ней гостей, что возможно только при соблюдении первого условия — хозяева являются реальными хозяевами.

Глубина падения

Трагедия в Кондопоге заставляет сделать ряд общих неутешительных выводов относительно эффективности государственной национальной политики в России.

Первое, основными ее изъянами являются:

Бюрократизм

Этнографичность¹⁶

Этноцентризм¹⁷

Бюрократизм. Широко распространена практика замалчивания проблемы, главный бюрократический ориентир — «чтобы все было тихо». Межнациональные конфликты выдаются за бытовые, программы, направленные на установление межнационального мира, реализуются формально («для галочки»), абсолютный приоритет отдается мерам по привитию толерантности русскому большинству вместо усилий по интеграции не-русских меньшинств.

Этнографичность. Искключительная ориентация на работу с национально-культурными автономиями (НКА). Проблема в том, что, как правило, НКА не контролируют «своих» нелегалов, которые создают основные проблемы в межнациональных отношениях. При всем значе-

¹⁶ Термин предложен С. Маркедоновым. См. <http://www.ideologia.ru/commentarii/arhiv.php?komm=738>

¹⁷ Там же.

нии работы с выходцами из других стран — гражданами России, объединенными в НКА, деятельность последних связана, прежде всего, с культурно-этнографической сферой, никак не затрагивающей проблемы взаимоотношений между русским большинством и нелегальными мигрантами. Некоторые диаспоры целенаправленно дистанцируются от своих «нелегалов», не считая решение их проблем своей задачей.

Этноцентризм — нынешний взгляд на функции национально-культурных автономий способствует формированию чувства национальной обособленности. Фактически, государство способствует этно-национальной консолидации выходцев из других стран на территории России. Роль НКА, с точки зрения интересов России, должна быть прямо противоположной — способствовать интеграции иностранцев в местное общество. Поддержка НКА со стороны федеральных, региональных и местных властей должна быть обусловлена их активностью в сфере преподавания русского языка, истории, традиций и приобщения своих членов к культуре страны проживания.

Второе, в общероссийском масштабе на региональном уровне происходит раздел сфер влияния между местной бюрократией и буржуазией, с одной стороны и сильными этническими сообществами, с другой. Между ними существуют как отношения конкуренции, так и отношения взаимодействия (как правило, коррупционного). Програвшей стороной является местное население, которое фактически оказывается преданным своей элитой. Эта ситуация потенциально является крайне опасной не только для простых граждан, но и для регионального руководства. Этнические сообщества постепенно вытесняют из разных сфер экономики не только первых, но и вторых. Их принципиальным преимуществом является этническая солидарность и чувство крови, которое отсутствует у представителей русского бизнеса и власти. В результате, напряженность в обществе нарастает, причем не только в отношении приезжих, но и в отношении собственной элиты. Предательство национальной идентичности ослабляет русскую буржуазию перед лицом этнических сообществ, которые сохраняют верность своим правилам, нормам и традициям. Это объективно способствует усилению позиций приезжих в бизнесе и во власти, что может привести к дальнейшему перераспределению благ в пользу последних не только в провинциальных городках России, но и в столицах. Фактически речь идет о латентном захвате экономической и политической власти в стране.

Третье, роль государства в кондопожских событиях оценивается как его отсутствие. Это связано, во-первых, с неспособностью силовых структур Карелии предупредить и пресечь этнические мотивированные преступления в Кондопоге, во-вторых, с дальнейшим порядком выдачи преступников властям (лишь после соответствующей просьбы в адрес чеченской диаспоры со стороны руководства Карелии), в-третьих, с известным заявлением Рамзана Кадырова о

готовности защитить «своих» в Карелии (т.е. на территории другого субъекта Российской Федерации). Все это выглядит, как наличие в России этнической группы с экстерриториальным статусом. Ее бояться местные силовые структуры и население, она может выдавать и не выдавать официальным властям своих представителей, совершивших преступление, наконец, ее лидеры позволяют себе делать резкие заявления, не способствующие улучшению отношений между русским и чеченским народами. Как известно, так называемый «кадыровский спецназ» уже не раз «помогал своим» в других регионах России (Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии). Иными словами, «отсутствие государства» в кондопожских событиях трактуется, как вопиющее попустительство вседозволенности.

Четвертое, нарастает конфликт между властью и этнически русским населением страны (составляющим 82%). Политика борьбы с «русским фашизмом», которую пытается вести власть и часть интеллигенции, иногда принимает формы борьбы с ростом русского самосознания. Массовые выступления (по образцу кондопожских) в этих условиях являются естественной (хотя и грубой, но единственно возможной) реакцией «защитного национализма» русских, причина которого состоит в полной потере властью контроля над миграционными процессами в стране и искусственной маргинализации умеренного национализма на общественно-политическом поле страны. Непонимание необходимости радикальных изменений национальной политики в сторону защиты интересов большинства (а не меньшинств) является важной причиной нарастания недоверия к власти и чревато переходом в экстремальным формам самозащиты. Отсутствие всякой надежды на то, что власть может что-то изменить, является характерной причиной кондопожских событий.

Пятое, межнациональная напряженность в Российской Федерации имеет и внешнеполитический контекст. Его суть состоит в том, что масштабный этнический конфликт в России — это лучший путь к развалу Российской Федерации, гражданской войне и последующей оккупации по «югославскому сценарию». Стратегия реализации подобного сценария состоит в том, чтобы вынудить русский народ втянуться в кровавые разборки с этническими диаспорами. Межнациональная ситуация в России искусственно загоняется в тупик, выходом из которого организаторам сценария видится «русский бунт», который и станет детонатором для развала страны и потери государственности. В этой связи хотелось бы предостеречь некоторых национал-патриотов от излишней романтизации «русского бунта».

Пути преодоления кризиса

Тезис 1. Необходимо более широкое привлечение руководства этнических диаспор к работе по установлению межнационального мира в стране. Большинство представителей национальных диаспор

являются законопослушными гражданами. Они страдают от негативного отношения к ним со стороны местного населения. Такое отношение обусловлено поведением агрессивного меньшинства, которое создает всем своим соотечественникам имидж преступников, «диких людей», которых боятся и ненавидят. Сами диаспоры, в первую очередь, заинтересованы в том, чтобы избавиться от такого имиджа. Для этого они должны бороться с агрессивной русофобией, бескультурьем и криминальными проявлениями в своей среде. Именно в этой работе региональные администрации должны, прежде всего, помогать общинам, создавая гибкие системы поощрения в зависимости от успехов интеграции представителей данной этнической группы с местным населением (активности в сфере изучения местных обычаев, культуры, языка и т.д.). Характер отношений местных администраций и национальных общин должен стимулировать выдвижение на первые роли тех представителей диаспор, которые реально ориентируются на сотрудничество с коренным населением. Несомненно, в руководстве этнических диаспор есть здоровые силы, способные повести своих соотечественников по этому пути и, тем самым, предотвратить развитие событий по худшему варианту.

Тезис 2. Власть и олигархия не заинтересованы в «русском бунте», т.к. он положит конец существующей системе власти. Следует прекратить целенаправленное ограничение доступа представителей русского политического национализма к общественно-политическим процессам. Это будет способствовать укреплению позиций умеренных националистов в противовес радикалам и экстремистам. Выведенные «из подполья», умеренные националистические группы и организации станут частью цивилизованного политического спектра, а национал-экстремисты (скинхеды и пр.) потеряют всякую поддержку населения. Отражение кондопожских событий в СМИ и их оценка общественным мнением свидетельствует о том, что умеренный национализм имеет широкую поддержку в обществе. В случае продолжения национальной политики, не ориентированной на укрепление позиций русских в России, «русский бунт» возможен.

Тезис 3. Власть должна перестать замалчивать межнациональные проблемы. Совершенно необходимо прекращение лжи относительно бытовых причин столкновений, в действительности произошедших на межнациональной почве. Еще хуже продолжать обвинять русское население в «фашизации» в условиях реального роста межнациональной агрессии, причиной которой, как правило, является коррумпированность самой власти и нарушение прав коренного населения этническими группировками, захватившими целые сектора российской экономики. Замалчивание проблем, порождающих национализм, ведет к дальнейшей потере властью взаимопонимания с народом. Фактически, создаются дополнительные предпосылки для развития националистического политического движения. В частнос-

ти, власть должна предпринять срочные меры для решения насущных проблем коренного населения России в его взаимоотношениях с приезжими (обеспечение справедливого распределения торговых мест на продуктовых рынках, разрушение этнических ОПГ, обеспечение безопасности и т.д.).

Тезис 4. Межнациональная агрессия является следствием бескультурья и необразованности молодежи (как приезжей, так и местной). Многие мигранты позволяют себе в российских городах вести себя неподобающим образом. Одновременно, отмечается катастрофический упадок нравственности в самой России. Это прямо стимулирует презрение к «русским» обычаям со стороны приезжих. Наблюдается глубокая социальная деградация местного населения (пьянство, наркомания, безработица, люмпенизация и пр.). Бороться с этим следует, прежде всего, методами социально-экономического характера, но, кроме того, и за счет преодоления ценностного и смыслового вакуума в России. Только человек знающий и понимающий свою культуру может относиться с уважением к другим. Именно поэтому следует первоочередные усилия в сфере образования и воспитания направить на нравственное становление молодежи, основанное на знании и понимании своих национальных корней.

Одновременно, у молодежи следует воспитывать гражданственность, т.е. уважение к закону и государству, имеющим наднациональную природу. Этот тезис отстаивают, прежде всего, либеральные эксперты, но он находит поддержку и в патриотических кругах. Расхождение состоит в том, кого, прежде всего, планируется воспитывать в духе гражданской сознательности. Подтекст позиции националистов состоит в том, что нелояльность государству, презрение к закону, приоритет клановых связей, обращение за помощью к своим, вместо милиции — это свойство представителей этнических диаспор. Подтекст позиции ряда либеральных экспертов состоит в том, что гражданственность, напротив, следует воспитывать именно у русской молодежи, которая стремительно радикализуется в националистическом духе. С учетом сказанного выше о проблеме культурного воспитания молодежи, государство должно озаботиться усилением образовательной составляющей в России по обоим направлениям для обеих групп молодежи. И местные и приезжие должны знать и понимать русскую культуру и русские традиции — одни, потому что это их культура, другие потому что это культура народа, в гостях у которого они находятся. Точно также, и те и другие должны воспитываться в духе лояльности российскому государству, уважению к закону и осознании своего равенства по отношению к людям другой национальности. Необходимо добиться того, чтобы не только русская, но и чеченская (азербайджанская, армянская и т.д.) молодежь перестала делить людей на «своих» и чужих, но стала делить их на тех, кто живет по закону и тех, кто этот закон нарушает.

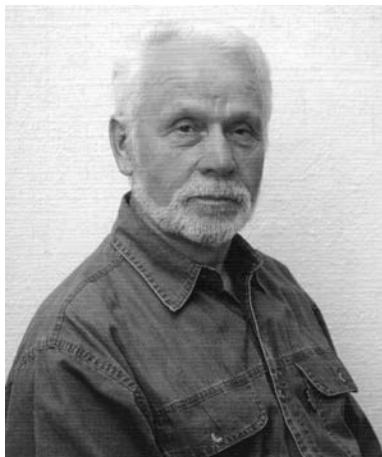
Заключение

События 28 августа — 3 сентября 2006 года в городе Кондопога стали предметом бурных дискуссий в российском экспертном и журналистском сообществе. При всем разнообразии мнений, большинство авторов едины в одном — исключительно критической оценке роли власти в карельской трагедии. Все, без исключения, общественные силы страны ждут от руководства государства активных действий по наведению порядка в сфере межнациональных отношений и обеспечения безопасности граждан. Разочарование во власти и недоверие к ней — является важнейшей особенностью информационного поля вокруг кондопожских событий. Общий вывод таков: национальная политика на федеральном и региональном уровне должна быть пересмотрена, поскольку нынешнее положение вещей ведет к эскалации напряженности и фактической этнической гражданской войне на территории России. Второй ключевой тезис — повторение кондопожских событий возможно в любом регионе страны. Причина в том, что повсеместно мигранты и местные жители испытывают взаимную антипатию на фоне неспособности власти обеспечить соблюдение законности. Новые взрывы на межнациональной почве могут быть гораздо более масштабными и иметь значительно более серьезные последствия, чем в Кондопоге.

Раздражение в отношении приезжих в обществе постепенно нарастает. В этой связи праворадикальные организации рассматривают кондопожские события (при всей их трагичности) как прецедент самоорганизации русского населения для самообороны. Этот прецедент, по их мнению, не останется незамеченным теми представителями диаспор, которые склонны совершать противоправные действия в отношении коренного населения. Он также не должен быть пропущен властью, которая лишается части своего авторитета с каждым подобным кризисом.

В то же время, определенная надежда на активизацию власти в сфере урегулирования межнациональных отношений в России сохраняется. Даже в националистических текстах решительное меньшинство призывает к упомянутой самоорганизации населения в обход власти. Скорее, такие призывы являются средством принуждения власти к принятию мер. В целом по России еще есть время и потенциал для решения межнациональных проблем. Меры, связанные с защитой интересов коренного населения России, будучи реализованными системно и быстро, вполне могут разрядить нынешнюю напряженную обстановку и дать возможность перейти к стратегическим задачам по воспитанию всей молодежи (как местной, так и приезжей) в духе уважения к российскому государству, культуре и традициям.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Алексей ШВЕЧИКОВ

О БЕЗРЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ

Швечиков Алексей Николаевич — религиовед, кандидат философских наук, доцент, руководитель «Собора Православной интеллигенции». Им опубликовано более 60 научных работ по методологии, нравственности и религии. **Живет в Санкт-Петербурге.**

По мнению многих современных западных ученых сегодня в США происходит религиозное возрождение. Но это возрождение порождено не тоской по вере, не осознанной духовной потребностью, а страхом за последствия неверия. Не тоска по горным вершинам Духа, не порыв к истинному спасению, а ограждение себя от неудобств земной жизни толкают американцев на поиск спасительной соломинки, которой они представляют сегодня религию. Практическая полезность всегда была для американцев важнее и ценнее «идеалистических иллюзий» Царства Небесного. Эта религиозная установка не изменилась и сегодня. И то, что предлагают современные западные ученые для осуществления духовного возрождения угасающей цивилизации, больше похоже не на спасательный круг для утопающих, а на эту соломинку, усиливающую страх и отчаяние.

Авторы «Революции сознания» С. Гроф, Э. Ласло и П. Рассел убеждены, что кризис современной цивилизации виден невооруженным глазом, и что западный мир, погрязший в материализме, может спасти только революция сознания. «В настоящее время, — заявляет П. Рассел, — сознание представляется нам чем-то, являющимся результатом физической деятельности нервной системы. Но то, к чему мы идем, буквально противоположно этому представлению. Я уверен, что рано или поздно нам придется принять, что сознание

абсолютно фундаментально для Вселенной, что оно не возникает из материи»¹.

Не отрицая возможности и даже необходимости такого изменения статуса сознания как в онтологическом, так и гносеологическом плане, важно, тем не менее, уточнить, какое содержание и смысл мы будем вкладывать в это революционно преобразованное сознание, каковы будут его фундаментальные основы: христианский Бог или восточный Абсолют, христианское Откровение или восточная Мудрость, Человек как творение Божие или человек как продукт естественной биологической эволюции и т.д.

Ни о каких христианских ценностях, способных повлиять на формирование «нового сознания», авторы «Революции в сознании» речи вообще не ведут. Для них христианство — некая неведомая или же просто отвергнутая за ненадобностью страна. Для них новое сознание — это «синтез мистического и научного мировоззрения» или же «творческий синтез древней мудрости и современной науки», который дает возможность заново обрести вечную мудрость «в современных терминах» и в котором будет «господствовать наука и здравый смысл». Следовательно, ядром «нового сознания» станут обновленная древняя мудрость, наука и здравый смысл. Однако стержнем его должна стать наука.

«В академических кругах, — утверждает С. Гроф, — распространено ощущение, что наука со своим материалистическим монизмом раз и навсегда развенчала и дискредитировала всю духовность и религиозность — от примитивных верований до великих мистических традиций. Я полагаю, что такой подход отражает не только фундаментальное непонимание природы и функции науки, но и неумение отличать духовность от религии. Мне это представляется весьма серьезной проблемой. Не думаю, что примирение между наукой и духовностью возможно без внесения ясности в этот процесс»².

С. Гроф, как мы увидим далее, вообще разводит духовность с религией поскольку, по его мнению, «духовность — личное дело каждого, касающегося его взаимоотношений с космосом», а религия — это не более чем организованная поддержка духовных переживаний, но не сама духовность. Именно личные, а не организованные, духовные переживания и представляют, по Грофу, «серьезную угрозу для организованных религий». Религия претендует на посредничество между божеством и личностью, но истинная «мистика не нуждается в посредничестве». Она имеет прямой путь к божественному. По мнению Грофа, между мистицизмом как явлением истинной духовности и религией существует «основополагающее различие». «Бывает религия без духовности и духовность без религии. Организованной ре-

¹ Гроф С. Революция сознания. Трансатлантический диалог. М., 2004. С. 20.

² Гроф С. Указ. соч. С. 65.

лигии необходимо убеждать людей в том, что они ради правильных взаимоотношений с божественным обязаны регулярно приходить в конкретное место и взаимодействовать с системой. А для мистиков роль храма играет природа и их собственное тело. У них прямая связь с божественным, которая не нуждается ни в каких посредниках»³.

Гроф как истинно безрелигиозный западный ученый, следуя традиции безрелигиозной западной науки, остается верен в отделении духовности от религии, которая «прививает» духовность через организованные формы, тем самым обесценивая ее своим формализмом. Истинная духовность, по Грофу, возможна лишь вне религии через прямое мистическое восприятие мира и божества. А «новое сознание» должно быть плодом творческого единения науки и мистики. Оно, естественно, должно быть безрелигиозным. Лозунг Грофа звучит так: «Сегодня нам нужно больше духовности, а не больше религии».

Получается парадоксальное явление. Народы мира интуитивно почувствовали опасность краха всего, тысячелетиями отлаженного, порядка жизни и ее смысла и увидели спасение в возрождении подвергаемых сегодня забвению религиозных ценностей, как увидели это же древние египтяне в межвремение Древнего и Среднего царства, а современные маститые ученые, претендующие на роль духовных спасителей человечества, этого не видят и не понимают. Они фактически отвергают все существующие религии в их традиционных формах и считают, что только религия, «основанная на подлинной мистической перспективе» сможет «по-настоящему изменить мир». По их мнению, сегодня в мире идет не процесс религиозного возрождения в традиционном смысле, а процесс «зарождения новой духовности» в ее безрелигиозном значении.

«Сегодня, — утверждает П. Рассел, — мы являемся свидетелями зарождения новой духовности. У нее нет пока названия и конкретной формы, у нее нет лидеров. Но налицо возникающая новая перспектива, очень хорошо согласующаяся с Вечной Философией Олдоса Хаксли. Многие заново открывают вечную мудрость человеческого сознания и осуществляют ее в своей собственной жизни»⁴.

Эта «новая духовность» должна прийти на смену современным организованным религиям, существование которых утратило свой смысл и должно быть человечеством преодолено. Его ожидает новая религия, принципиально отличная от религий традиционных. Вот такой видит «новую религию» С. Гроф: «У меня есть настойчивое ощущение, что религия будущего будет носить эмпирический характер, что она будет почитать духовный поиск и уважать специфические формы, которые этот поиск обретает для каждого отдельного человека. Хочется надеяться, что эта религия не превратится в органи-

³ Гроф С. Указ. соч. С. 67.

⁴ Гроф С. Указ. соч. С. 74.

зацию, проповедующую конкретные догмы и объекты поклонения, что она будет сообществом искателей, поддерживающих друг друга в духовном поиске и осознающих, что каждый из них исследует конкретный участок великой ткани вселенской мистерии»⁵.

Теперь становится понятно, почему в рассуждениях этих ученых о религиозных вопросах ни разу не упоминается христианство. Здесь кроется или полное безразличие к нему ученых-скептиков, или открытая атеистическая враждебность к религии вообще, а к христианству — в первую очередь. Ясно одно: по их мнению в условиях изменяющегося, революционизирующегося сознания духовность должна быть отделена от религии. Организованные традиционные религии, претендующие на роль духовных вождей человечества, должны быть сданы в архив исторической памяти человечества, а им на смену должны придти новые духовные наставники — мистики-одиночки. Здесь и открывается истинная цель и смысл предлагаемой этими учеными «революции сознания». Фактически они прежде всего озабочены не столько не проясненной по смыслу, содержанию и формам «революцией сознания», сколько необходимостью убрать с дороги, ведущей в «компьютерный рай», главное препятствие, мешающее превращению человека в биоробота — религию.

Здесь нас могут обвинить в предвзятости, в том, что подобных заявлений авторы «Революции сознания» Гроф, Рассел и Ласло не делают, а, наоборот, руководствуются гуманными принципами в описании будущего человека и человечества. Однако любой верующий человек, независимо от того, к какой религии он принадлежит, скажет этим авторам, что их призыв к забвению традиционной религиозности, т.е. фактической ликвидации религии, есть призыв провокационный и страшный, ибо он приведет к убиению божественного начала в замысле о человеке, а стало быть, к убиению человека как творения Божьего.

И это независимо от того, сознают они эти последствия и делают это сознательно или не осознают и «не ведут, что творят». В любом случае последовательное проведение предлагаемой (или фиксируемой как данность) ими революции сознания с сопутствующей ей полной секуляризацией духовной сферы человеческой жизни ведет к неконтролируемой роботизации человека, к концу его истории.

Каким может быть этот конец и как можно его предотвратить, попытался описать Фрэнсис Фукуяма в одной из своих последних работ — «Наше постчеловеческое будущее». Само название книги говорит о том, что речь пойдет о перспективах человека и человеческого сообщества. Проблема эта многоплановая и подходить к ней можно с самых разных сторон. Фукуяма сосредотачивает внимание в своей книге на биотехнологической перспективе человека в связи

⁵ Гроф С. Указ. соч. С. 78.

с бурным развитием биотехнологий и реальной опасностью биологического, социального, духовного и нравственного перерождения человека и создания общества с двумя породами людей: «одну — с седлами на спине, а другую — со шпорами на сапогах».

Уже сегодня, констатирует Фукуяма, «во многих случаях медицинская техника предлагает нам сделку с дьяволом: продление жизни — но со снижением умственных способностей; избавление от депрессии — но и от творческой силы духа, медикаментозная терапия, стирающая грань между тем, чего мы достигаем сами — и чего достигаем с помощью воздействующих на мозг химикатов».

По мнению Фукуямы, уже в ближайшие 30–50 лет могут быть достигнуты такие успехи в биотехнологиях, которые позволят ученым сделать «заказного» человека, т.е. человека с определенными (нужными) психологическими, умственными и физическими характеристиками. Этот процесс может развиваться по трем основным направлениям. По линии лекарственных средств типа прозак или риталин, которые будут усиливать желательные черты характера и подавлять ненужные. Тогда «флегматики станут живыми и веселыми, мрачные люди — открытыми и общительными. Можно будет носить одну личность в среду и совсем другую — на выходные. Не будет больше извинений подавленным или несчастливым. Даже нормально⁶ довольные люди смогут сделать себя еще довольнее»⁶.

Вызывают вопросы и успехи в исследовании стволовых клеток. Это направление позволит науке существенно увеличить продолжительность человеческой жизни. Станет возможной замена любого вышедшего из строя человеческого органа. И наконец, по линии заданности рождения определенного типа личности, когда «богатые стандартным образом проверяют эмбрионы до имплантации и таким образом заводят себе оптимальных детей». Таким образом, будет формироваться класс избранных. В то же время появится возможность выводить не просто породу «людей с седлами на спине», т.е. рабочее быдло, но даже полулюдей-полуживотных. Что это будет за общество, описал еще Олдос Хаксли в своем «Дивном новом мире» в 1931 г. В нем управители («люди со шпорами на сапогах») управляют массой не давлением и насилием, а соблазном (что для дьявола характерно). В нем не будет болезней и социальных конфликтов, депрессии и безумия. В нем время возникновения желания и его удовлетворение будет сведено к минимуму. В этом обществе никто уже не нуждается в религии и не воспринимает ее всерьез, биологическая семья в нем отмерла, все счастливы и здоровы. Но это лишь внешнее благополучие. На самом деле эти люди уже перестали быть людьми. «Они не борются, никуда не стремятся, не любят, не страдают, не совершают трудный нравственный выбор, не имеют семей

⁶ Фукуяма Ф. «Наше постчеловеческое будущее». М., 2004. С. 20.

и ничего вообще не делают такого, что мы традиционно считаем человеческим. У них более нет свойств, дающих нам человеческое достоинство. И действительно, никакого рода человеческого больше нет, ибо людей выращивают искусственно в виде отдельных каст и эти касты отличаются друг от друга сильнее, чем люди от животных потому что изменилось естество человека»⁷.

Таким образом представил Хаксли последствия для человека достижения биотехнологической революции. Обратим внимание на то, что одним из условий существования этого общества является его безрелигиозность. Но иначе и быть не может, ибо там, где господствует соблазнитель-сатана, не может быть Бога, а нет Бога, нет и человека, ставшего полуживотным. Животные же, как известно, обходятся без религии. Тем не менее, Фукуяма утверждает, что Хаксли не «считал религию единственной основой для понимания сути того, что значит быть человеком».

Фукуяма остается верен западной философской и научной традиции «не преувеличивать» роль религиозной составляющей в жизни человека, в его формировании и развитии. Но спасибо ему хотя бы за то, что он, в отличие от многих своих коллег, не наводит тень на плетень, не разводит демагогических рассуждений о революции в сознании, совершенствовании человека на основе научной духовности и мистической мудрости. Он работает, что называется, по факту того, что современные технологии создают реальную угрозу радикальных изменений в природе человека, «поскольку человеческая природа существует, и это понятие является существенным». Опасность же заключается в том, что эту природу собираются изменять не в лучшую сторону. Поэтому они встречаются сегодня и, возможно, встретят более жесткое сопротивление завтра со стороны всех нормальных, а не поддельных религий в мире, и с этим сопротивлением «сильным мира сего» придется считаться, а в конечном итоге и проиграть битву за человека. И это произойдет тогда, когда верующее человечество объединит усилия в борьбе против современных международных враждебных человечеству сил, пытающихся погубить человека как творение Божие и ввергнуть его в животное состояние.

Западная цивилизация, объявившая себя христианской, нарушила принцип приоритетности духовного над материальным, заповеданный Христом. Вспомним эту заповедь. При испытании Христа в пустыне «приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4: 3–4).

Западная цивилизация нарушила и второе положение: не без участия католической церкви в эпоху Нового времени начинается

⁷ Фукуяма Ф. «Наше постчеловеческое будущее». М., 2004. С. 20-21.

разрушение целостности ее духовного поля, искусственно (субъективно) создаются противоречия между философией и наукой, с одной стороны, и религией — с другой. Постепенно эти противоречия доводятся до открытого противостояния и вражды. Духовное поле цивилизации подвергается секуляризации, ведущую роль на нем начинает играть атеистическая философия и наука. Выталкивание религии с духовного поля цивилизации привело к смене жизненных целей и смыслов, произошла смена духовных приоритетов жизни на материальные, в обществе стала утверждаться атеистическая идеология. Утрата религиозного стержня в духовной жизни цивилизации привела ее к глубинному духовному кризису и утрате исторической перспективы в развитии. В этом состоянии западная цивилизация вступила в XXI в.

Сегодня внутри нее идет трудный и мучительный процесс осмысления и поиска путей выхода из этого кризиса. Это осмысление идет не однозначно при наличии часто полярно противоположных точек зрения. Попытки части ученых и философов Запада вернуть духовную жизнь в традиционные формы, в которых ведущая роль принадлежала религии, встречают ожесточенное сопротивление тех, кто не допускает мысли о десакрализации западных обществ. Исход этой борьбы не ясен, разворот этой цивилизации к религиозным ценностям жизни проблематичен и сомнителен. Без этого разворота она лишает себя будущего.

Трагический опыт западной цивилизации в сфере духовной жизни мы не можем игнорировать, тем более, что внутрироссийское либерально-демократическое движение стремится навязать своей стране ценности и смыслы именно западной цивилизации без всякого критического осмысления этих ценностей. Мы не можем себе позволить такого бездумного подражательства как по причине невозможности игнорирования своей национальной традиции, так и того, что эти ценности окончательно скомпрометированы и отвергнуты большинством населения нашей планеты. Негативные стороны западного духовного опыта должны быть нами учтены. Мы должны сделать все возможное, чтобы всемерно укреплять единство нашего духовного поля, искать новые пути укрепления заинтересованного взаимодействия и доверия между ведущими (традиционными) религиозными конфессиями России.

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

СОБИРАЮТ АНГЕЛЫ СПЕЦНАЗ...

Орлов Борис Александрович — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, автор 15 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Кронштадте.**

* * *

Анатолию Попову

Красный шиповник и белые розы.
Кружат над полем сраженья вороны.
Русское воинство...

Красные звёзды,
А перед ними —
кресты и погоны.

То в арьергарде я, то в авангарде я.
Свет мавзолея. Сияние храма.
Красная гвардия. Белая гвардия.
Славное воинство. Русская драма.

РЕКА

Она увековечена гербом:
Зверь с топором пришёл
попить воды.
Всего добилась
собственным горбом
Река, таская баржи и плоты.

Не оборвать плотинами судьбу —
Она друзей находит во врагах.
Но иногда, как мёртвая — в гробу,
Забудется в гранитных берегах

* * *

Мы в сердце, молитвой согретом,
Научимся святость беречь.
Струится спасительным светом
Алтарная русская речь.

Так было когда-то... Так будет!
Ход крестный. Победный салют.
Красивые русские люди
В намоленном храме поют.

Царит мир. Отвергнуты войны.
Над храмом — божественный свет.
Дышу и легко, и спокойно.
Есть вечность... Забвения нет!

* * *

Сдался вечер соловьям на милость,
В пышных кронах звёзды, как заколки.

Отцвела черёмуха, разбилась:
На газонах — белые осколки.

И мечты разбились — их не склеить,
Знаю: лишь посуда бьётся к счастью.
Я один гуляю по аллее —
Возвратить любовь не в нашей власти.

* * *

«И я, как Ваня-дурачок...»
И. Стремяков

Посидит на завалинке Аннушка,
усмехнется в девичий кулак.
Младший братец, красавец Иванушка —
не беспамятный Ванька-дурак.

Наш Иванушка славен работою,
а в России — раздолье рукам.
И баклуши не бьёт, и с охотою
он на кладбище ходит и в храм.

Дорожит каждой праздной минутою,
он к частушкам с рожденья привык.
Вы Иванушку с Ванькой не путайте:
наш Иванушка — русский мужик.

* * *

Бездельничают, бьются в домино,
всё продают подряд, плетут интриги...
Читать ещё не разучились, но
читают отвратительные книги.

И честного вождя ждут, и суда,
что праведен... а сами вязнут в кражах.
Наш мир несправедлив. Но никогда
насильем справедливость не навяжешь.

В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

В грудные клетки, как в колокола,
сердца бьют, созывая нас на битвы
со смертью. Чёрной тканью зеркала
не время занавешивать. Молитвы
в церквях читают матери за нас.
Врачи в реанимации колдуют...
Зря собирают ангелы спецназ —
Жизнь не сдадим, как вотчину святую.

* * *

А. Баракину

Листва берёз, осока и цветы
В ожившем храме... Ощущенье тайны.
Иконы Божьей Матери — щиты
Во времена небесных испытаний.

Блаженный свет. Душа смирение пьёт.
За стенами безмолвствуют могилы.
Свеча в руке — священное копьё,
Оберегает от нечистой силы.

И верой жить, и Родину спасти —
Напутствие, что начертал Мессия.
Храм Божий, словно крепость, на пути
Стоит у посягнувших на Россию.

* * *

На колени встал. Святая Дева —
Предо мною. Храм похож на рай.
Справа — Серафим Саровский. Слева —
В нимбе Чудотворец Николай.

Свет и счастье. Как во время оно,
Прихожане все — моя родня.
И святые лики на иконах,
Словно предки, смотрят на меня.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Дом на Гагарин-
ской улице, где
жили Карамзины*

ПОЭЗИЯ

Геннадий ПОПОВ

ТОЛЬКО СЕРДЦЕ НЕ ЗНАЕТ ПРЕДЕЛА...

Попов Геннадий Андреевич — родился в 1940 г. в Москве. Закончил Радиотехнический институт в Рязани, работал главным инженером. Председатель Орловской областной организации Союза писателей России. Автор шести поэтических книг. Лауреат всероссийских премий им. А. Фета и А. Прокофьева. **Живет в Орле.**

* * *

Вот и снова тепло на исходе:
Лето кончилось, стынут слова.
По осенней непрощенной моде
Серебрится моя голова.

На дорогах зимы бесконечной
С каждым днем будет все холодней,
Все тоскливей от боли сердечной,
Неизбежное — ближе, видней.

Стали дни холодней и короче,
И быстрее сгорает луна.
Непроглядные длинные ночи
До рассвета не выпить до дна.

Только сердце не знает предела
И не терпит унылых речей...
Затуманилась, прочь отлетела
Безнадежность осенних ночей.

Солнце рвет дождевые постромки,
Жарко дышит слегка невпопад.
На исходе невидимой тропки,
Словно пламень, грядет листопад.

От пожарища красок немею,
В их огонь безоглядно иду,
На осеннем ветру пламенею
И сгораю у всех на виду.

РАЗЛИВ НА ОКЕ

Татьяне Петровой

Весны ликующие звуки
Сошли на мокрые луга...
Разлив раздвинул берега,
Расширил русло, скрыл излуки.

Село на вековом холме
Идет под парусом небесным:
Церквушка — мачта...

Кромка леса
Синеет на крутой волне.

Наполнив ветром облака,
Плывет село — душа России.
Земные воды оросили
Его песчаные бока.

Дожди высоких русских звезд
Вспоили щедро эту землю...
И зову древнему я внемлю
Всех уцелевших наших гнезд.

Молитвам вековой тоски
Ушедших в вечность поселений...
Летит Россия во Вселенной.
Над нею звезды высоки.

Не слышит сердце чужака
Их поднебесного мерцанья.
За что зовут нас гордецами
И только терпят нас пока.

Но обращен небесный взор
К нам, для которых и осталось
Попутный ветер, неба парус
И звездный сокровенный зов.

ВОРОБЕЙ

По осени тревожно птицам.
Погомонят и тронут в путь.
Им негде сердцем прислониться,
К теплу уютному прильнуть.

И переждут мороз далеко,
Где влажный зной и суховей...
Всю жизнь без времени и срока
Зимует дома воробей.

Он рад и скорлупе яичной,
И снегу белому с небес.
Не ищет участи тепличной,
Заморских лавров и чудес.

Он все выносит, кроме клетки:
От камня в спину до любви...
Но вы заметили, что редки
В округе стали воробьи?

ДВОЕ

Морозный ельник затаился.
Я это чувствовал спиной,
Когда совсем с дороги сбился,
А ночь надвинулась стеной.

Кричал в бездонные провалы, —
Ни звука, ни огня в ответ.
Пока, промерзший и усталый,
Не ткнулся в свежий волчий след.

Волк шел в село тропой разбоя,
Звериным голодом гоним.
Нас в этом мире стало двое.
К жилью я вышел вслед за ним.

Мы на задворках разминулись, —
Я не посмел спустить курки.
И разошлись...
И оглянулись —
Друг друга спасшие враги.

ДРУЗЬЯМ ЮНОСТИ

Мы не доспорили вчера,
Еще вчера не докричали,
Но подступили вечера,
И встали годы за плечами.

Все меньше радостей земных,
Все тяжелее на подъемах.

Все уже круг друзей былых.
Их не заменит круг знакомых.

Другая времени цена,
И мы в нем движемся иначе.
Все горше каждая вина,
А каждый миг все больше значит.

* * *

Журчит в тиши заснеженная речка,
Луна глядит из полного ведра.
Деревня не промолвит ни словечка
В сиянье звезд до самого утра.

Лучистый свет возносится все выше,
Колдуня на причудливых снегах,
Бегут созвездья по небесной крыше,
Как табуны в серебряных лугах.

Ах, кони, кони...
Звездные метели
Мороз тихонько тронул под уздцы,
И в отдаленье словно зазвенели
Вплетенные на гривах бубенцы.

В согласии спустились ниоткуда
На Богом позабытые места
Святое новоявленное чудо
И грешная земная красота.

* * *

Может, в поле грядет недород?
Стынет тяжесть под левой ключицей...
Городят на Руси огород, —
Значит, что-то опять приключится.

Молодые побеги проснутся,
Чтобы маяться в новой тоске...
Мир висит на одном волоске
В озарении трех революций.

Только тени на стенах времен —
От ушедших во мглу поколений:
Сколько славных и страшных имен...
Как истерты и сбиты колени!

Может, в поле опять недород,
Или весть роковая стучится...
Вновь свинцово рокошет народ,
Реет ворон — зловещая птица.

Пролог

(из поэмы ТРИ ВЯЗА)

Не может простодушный смертный
Постичь намеренья господ,
Будь то времен далеких смерды
Иль мы — сегодняшний народ.
Что ж, так устроила Природа...
Но выше власти и тщеты
Судьба и Божий глас народа,
Его истории черты.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

«БЕЗ НАС ПОГИБНЕТ ЭТОТ МИР»

духовные основы и художественные направления современной Санкт-Петербургской литературы

Ефимовская Валентина Валентиновна — поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения. Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в Библиографическом словаре «Русские писатели» (изд. Пушкинским Домом в 2006 г.), большой цикл статей публиковался в газете «Российский писатель». В. Ефимовская член Союза писателей России с 1999 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Слово всегда играло в отечественной истории неоценимо важную роль. Издревле в нем, в его напевном бытии, отражалась и сохранялась история России, поэтичным было ее изначальное имя — Русь. Образ страны на мировой арене в прежние времена создавался не только политиками, но и великими русскими писателями. Русская литература, русское слово регулировало общественно-речевую практику, давало образцы нравственных ориентиров и поведения общественного деятеля. Часто социальные реформы государственной жизни совпадали с преобразованиями в сфере «словесных наук». Так было, когда М. Ломоносов в руководстве по риторике разработал облик просвещенного деятеля, так бывало и на рубеже 18-19 веков, так происходит и сегодня, когда очевидная любовь отдельных государственных деятелей к образу жизни заокеанской империи заставляет их искусственно насаждать чуждые русскому человеку и русскому языку слова и обороты речи.

Мы живем в сложную эпоху, во времена непрестанной литературной революции. Современный, на рубеже тысячелетий, литературный процесс, кажется, невозможно систематизировать, выявить закономерности. Он представляется хаотичным, случайным процессом, что является понятным следствием коренной смены эстетических, нравственных, идеологических парадигм. Как считает литературовед Н. Иванова, «состоялось тоталь-

ное изменение самой литературы, роли писателя, типа читателя». Кажется, литература не выдержала предоставленной ей абсолютной свободы, сложила с себя все прежние свои ответственные царские полномочия и уютно устроилась в компании алкоголиков, маньяков-убийц и продажных женщин. Да, в такой извращенной компании стихи советских конкретистов, как например, Вс. Некрасова, представляются уже классикой.

*Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье*
(без знаков препинания)

Новой компании требуется что-нибудь похлеще, физиологичнее, бесстыднее, откровеннее, с разрушением стихотворной формы, симболизирующее разрушение основ самой жизни.

*мне надоело переводить
мне кажется я почувствовал
меня всегда интересовал
один тип поэта
меня всегда удивляет
мне очень не нравится
мне очень нравится когда
я с ужасом понял
я недавно понял*
К. Медведев (без знаков препинания)

Приведенные здесь фамилии и цитаты взяты из учебника для вузов «Современная русская литература (1990-е гг. — нач. XXI в.)», М., 2005 г.

Если поверить учебнику, что это и есть вся современная русская литература, то на ум приходит бионико-биологический термин, используемый для описания устойчивой целостности биологической системы в среде с изменяющимися параметрами — гомеостазис. И если современное социальное общество рассматривать с точки зрения нравственности через призму этой литературы, то становится очевидным, что такое саморегулирующееся общество не только не находится в стадии гомеостазиса, но вошло в фазу самоликвидации, так чаемую адовыми силами. Тогда встает вопрос — как же это общество сможет выполнить им же самим заявленные задачи: обновление социальных институтов, выполнение важнейших государственных проектов, сохранение территориальной целостности и независимости страны?

Учебнику не следует верить. К счастью, есть другая современная русская литература, которая не попадает в подобные учебники, не подвязается на телеэкранах только потому, что не умеет себя продавать, не может себя прорекламировать так, как это положено сегодня. Но именно эта литература является одним из необходимых и достаточных условий «гомеостазиса» общества. Еще не написан учебник, в котором бы упоминались имена лучших современных поэтов и писателей, таких как В. Ганичев, В. Распутин, В. Крупин, Н. Коняев, Г. Горбовский, Н. Рачков и мн.др. Но именно эти люди, «в шуме и в тиши», безгонорарно творят историю русской литературы. В отличие от многих, глянцево разрекламированных современных писателей и писательниц, беззастенчиво переписывающих и дописывающих Л. Толстого, А. Чехова, калькирующих В. Набокова, М. Булгакова, эти талантливые авторы создают свою самобытную версию современности, обладают узнаваемым творческим почерком и художественным тембром в литературном многоголосии.

Россия, которая каким бы социальным строем не управлялась, никогда не жила только материальными интересами, а всегда находилась на стыке Неба и Земли. Русской литературе, не чуждой обилию и разнообразию художественных тенденций и творческих методов, всегда была присуща истинная человечность, духовная целостность. Сегодня, кажется, утрачена связь с фольклором, с классической художественной и духовной традицией прошлых веков. Но если поразмыслить над современным движением литературы, используя прием русской духовной философии, в которой рассматривался смысл прерывности и расчлененности применительно к музыке отцом Павлом Флоренским, то можно обрести надежду. Великий философ считал, что именно расчлененность, квантовость является условием целостности. «Непрерывно текущее однородное время не способно дать ритм. Последний предполагает пульсацию, сгущение и разряжение, замедление и ускорение, шаги и остановки». К концу первого десятилетия третьего тысячелетия очевидно оживление ритма в великой симфонии русской литературы, в которой, как известно, новое литературное поколение возникает не по календарю, а вследствие исторических событий, исторических потрясений, затрагивающих основы государства.

Кажется, такое «новое поколение» образует сегодня творческое ядро Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Слово «новое» определяет в данном случае не возрастной ценз, — амплитудный разброс возраста писателей составляет десятки лет, — но качественное отличие от массовой культуры, духовное единство, основанное на том, что эти писатели, говоря словами А.С.Пушкина, слышат «В шуме и в тиши роптанье вечное души» и понимают, что не нагромождения материальных благ делают человека человеком, а стремление к Правде, к Истине, к Богу. Благодаря ее религиозно-

нравственному строю, ее пророчеству и мессианству, русская литература с первых своих шагов имела мировое значение. В ее историческом движении были пройдены различные по степени взаимопроникновения и взаимодействия с религией пути, вплоть до богоборчества. Сегодня, когда русский народ в н о в ь постепенно возвращается к своим исконным ценностям, стремится к соборности, к братству, когда страшной ценой собственных потерь в н о в ь постигает смысл «свободы»(с-во-бо-да — с волей Бога) истинной и мнимой, определяющейся древней поговоркой «вольному — воля, а спасенному — рай», литература, взявшая на себя ответственность помочь ему в этом стремлении, кажется, тоже в н о в ь проходит этот путь вместе с народом.

Вспомнив тютчевское «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» — к плеяде таких «блаженных» можно отнести ленинградско-питерского поэта Глеба Горбовского. За 75 лет жизни ему «посчастливилось» жить в разные времена, в разных социальных системах, его поэзия — художественный портрет сложнейшей, многогранной русской эпохи, которая включает в себя и Великую Победу, и великую Империю, и новую спорную глобальную революцию, разрушившую привычную жизнь «до основания, а затем». Как по документальным кинокадрам историю государства, так по стихам Г. Горбовского можно проследить историю творческой души в эти роковые времена, когда «судьба и душа — переломаны», когда «отец был отдан палачам, вкусил лесоповал», когда «откупил завод буржуй». От знаменитых «Фонариков», от потрясающих своим откровением описаний страстей, сжигающих душу, поэт трудной, прерывистой дорогой идет к храму, идет не мимо, любясь его внешними красотами, но осознанно, со страхом Божиим — входит в храм, для того чтобы набраться сил для дальнейшего творческого пути.

*Живу тревогой удручен:
зачем старался понапрасну,
зачем я грамоте учен,
когда и без нее — все ясно?
Дитя борьбы Добра и Зла.
И смерть торчит, как кость наружу!
Лишь золотые купола
еще подспудно греют душу.
Из гущи жизни в храм зайду.
Не так ли путник, внемля Богу,
завидя на небе звезду,
опять выходит на дорогу.*

К символичному образу пути-дороги, непрерывной направляющей, сегодня, на стыке двух тысячелетий, обращаются многие поэты,

пытаясь осмыслить взаимосвязь времен, предсказать судьбу традиции, проследить преемственность нравственных человеческих ценностей. Образ значительной художественной силы — «тысячелетий два материка» — ввел в русскую литературу в своем стихотворении, отец Анатолий Трохин, священник Спасо-Парголово́й церкви, тонко чувствующий лирический поэт. Он, исповедник и духовник, знающий бездны и вершины человеческого духа, с особой отеческой болью и истонной православной ответственностью сегодня пишет о том, что нельзя допустить, чтобы разошлись эти «два материка», удержать которые вблизи друг друга можно только сознательной нравственной силой, силой духа, силой творчества, силой милосердия.

*Дай, Господи, сущим в темницах
Покров и надежду Твою,
Утеши лежащих в больницах —
Забытых в родимом краю.
В приютах, в давящих вокзалов
Старушечьи слезы утри
И брошенных чад из подвалов
В намоленный храм собери.
Будь милостив к немощам нашим —
Любовью сердца напитай,
Из теплой сияющей чаши
Спасительный дар преподай.
А тем... Но не буду об этом,
Кого только нет на Руси,
И тех не остави без света,
И их, если можешь, — спаси!*

Яркой приметой нашего обновляющегося времени можно назвать литературное творчество священников. Светочем в этом делании остается митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), который в тяжелейшие для России времена создавал высокохудожественные произведения христианского общенационального звучания. Сегодня литературное слово несет христолюбивому народу Высокопреосвященнейший Константин, Архиепископ Тихвинский (Горянов), ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии, профессор. Не только любовь к Богу, не только энциклопедичные знания, высокая образованность, но тяжелые жизненные испытания, трудный жизненный опыт — работа на железной дороге, на лесоповале, дают Архиепископу материал для творчества, которое не оторвано от народа, о чем можно судить по тематике его статей: «От Литургии и традиции — к подлинному единству народа», «Церковь и Евхаристия», «Темы Благовещения и Боговоплощения в творениях петербургских святых».

В результате взаимопроникновения и взаимообогащения слова Божия и слова художественного появляется литература особой духовной силы. Поэтическому голосу отца Сергия Григорьянца присущ гармоничный тембр в диапазоне как видимых, так и невидимых составляющих нашего бытия.

памяти протоиерея Николая Гурьянова

*К свету далеких мест
Юностью был влеком
Праздничный благовест
Слышится за окном.
В руки Господь дает
Чашу, кропило, крест
Божией Правды мед —
В святости русских мест.*

Многочисленные произведения отца Алексея Мороза — публициста, педагога, литературоведа, критика, мастера оптимистических детских рассказов, которые без лишней назидательности учат детей Библейским истинам, имеют всероссийскую известность и являются необходимой составляющей многих периодических изданий. Литературное творчество отца Алексея Мороза, дающего определение нового времени через исследование соотношения современной культуры и христианской традиции, вплотную приближают это творчество к современной русской духовной философии. Сродни философским исследованиям и духовная философская публицистика Евгения Лукина, поэта, прозаика, переводчика «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Происходящее сегодня возрождение этой могучей ветви мировой философии в Санкт-Петербурге связывается с именами видных ученых-писателей — Александра Казина и Александра Королькова. Профессор, доктор философских наук А. Корольков известен своими фундаментальными трудами «Русская духовная философия» и «Духовный смысл русской культуры», созданными в результате исследования и осознания непреходящей ценности религиозно-философского осмысления жизни и творчества, духовной критики культуры. Поэтическая философия профессора, доктора философских наук А. Казина, автора книг, посвященных духовным основам отечественной культуры, страстного ревнителя русской духовной красоты вопреки революциям модерна и постмодерна, рассматривает православную цивилизацию, как целостное произведение великого Художника. Философ стремится к осмыслению «своеобразия русского искусства в пространстве восточно-христианской цивилизации. При этом под искусством следует понимать не только «рамочное» художество (оно есть продукт весьма краткой по историческим меркам европейской эпохи — эпохи модерна), а всю совокупную социокультурную практику нации, понятую как предметное осуществление духовного идеала» («Русская красота», СПб., 2003 г.).

Стремлением к духовному идеалу, поиску его как в метафизическом измерении, так и в зримой повседневности, пронизано творчество ряда современных петербургских прозаиков, вновь доказывающих непреложный закон, что высшее искусство — это национальное искусство. В крепкой национальной литературной традиции, представляющей собой живой, бесконечно меняющийся организм с цельной сердцевиной национальной нравственной идеи, работает лауреат более десяти литературных премий, прозаик, историк, публицист Николай Коняев. Им создано множество романов, повестей, рассказов, составляющих национальный литературный фонд. Бескомпромиссность, смелость, энциклопедичность позволяют писателю очистить образы исторических личностей от ретуши, намеренных искажений. В его романах об истории царствования Романовых, о Петровских преобразованиях раскрыты фальсификации предшествующих продажных биографов, пытавшихся опоэтизировать зло, воспеть честолюбие, скрыть от потомков способности достижения цели великими мира сего, на которых в полной мере должны распространяться непреложные общечеловеческие нравственные законы. Героями романов Н. Коняева становятся не только люди, наделенные властью, но легендарные личности, герои русской истории. Писатель на основании архивных документов исследует и в художественной форме воскрешает события трехсотлетней давности — времена церковного раскола, разрушая стереотипы, обнаруживает истинные причины страшной национальной трагедии, создает мощный художественный образ протопопа Аввакума. Н. Коняев показывает непростые пути русской истории на примере жизни знаменитого командора Беринга. Создавая живой портрет митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) в романе «Облаченный в оружие света», писатель, используя в названии слово «оружие», и, задумываясь о грядущей русской истории, подчеркивает, что за нее надо бороться, так, как это делал наш великий современник.

Воинский дух вообще присущ многим современным прозаическим произведениям. Название романа Ивана Сабилу «Открытый ринг» настраивает читателя на то, что речь в романе пойдет о борьбе. Нет, это роман не о боевых действиях на поле брани, но, что еще труднее и характерно для всего творчества писателя, — о боевых действиях на поле своей жизни, о борьбе за созидание своего бытия. Почему нам так интересна история скромного белорусского паренька, впоследствии ставшего известным русским писателем, ведь в ней нет захватывающих приключений, испепеляющих страстей? В романе нет привычного художественного вымысла, искусственного моделирования ситуаций и переживаний. Исследуя свою душу, свои поступки, заблуждения и постижения в рамках извечных Господних заповедей, автор словно исповедуется перед

читателем; постепенно, на фоне истории многострадальной Родины, его душа наполняется непреходящих истин, пониманием того, что по-настоящему счастлив человек только тогда, когда просит у Бога не для себя, а для других. Творчество И. Сабилlo духовно в том смысле, в котором мы называем духовной всю русскую литературу, ставящую и решающую коренные вопросы бытия — вопросы о смысле человеческой жизни, о спасении человеком своей души от развращающего зла, о любви к Родине.

«Я выбираю Родину» — этой одной поэтичной цитатой из повести «Жили-были три пилота», можно озаглавить все творчество Аркадия Пинчука, профессионального военного, журналиста, сценариста, лауреата Государственной премии 2005 г. Это выбор всей жизни писателя: и тех ее времен, когда в 80-х, не подозревая о грядущих испытаниях духа русского воинства, сердце его вторило словам публициста К. Раша: «Мы виноваты перед армией. Мы виноваты перед ней, ни один институт государства за тысячу лет не принес на алтарь Отечества столько жертв, сколько наше воинство», и тех лютых 90-х, когда незаслуженные унижения, тяжелая ложь обрушились на нашу святыню, принужденную покорно склонить голову перед укрывшимся за чужими спинами врагом. А. Пинчук, человек воинской закалки, никогда не боялся открытой борьбы, которую с особым успехом ведет на литературном поприще за русскую душу. Будучи автором публицистических статей, пьес, киносценариев, крупного романа «Белый аист летит», писатель более тяготеет к жанру повести. Повесть, как известно, требует особого мастерства, так как, являясь промежуточным звеном между жанрами романа и рассказа, должна обладать философской эпичностью первого и художественной краткостью второго. Очевидно, что А. Пинчук сознательно выбирает этот непростой жанр, считая его наиболее подходящим для решения сложной задачи, которую ставит перед собой — создать высокохудожественную остросюжетную военную русскую прозу для молодого поколения, живущего во все ускоряющемся ритме времени. В этом жанре писателю удастся показать ценность одной секунды войны, создать «эффект присутствия» читателя в представляемых событиях, что достигается писательским талантом, способным расширить и пространственные, и временные рамки бытия.

К жанру рассказа, небольшой повести тяготеет проза Александра Скокова, чья сложная жизнь сама может стать основой романа во временных и пространственных границах любимого Отечества, которому писатель служил во многих, самых отдаленных его уголках. Суровый быт Камчатки, Курил, Колымы, наверное, и воспитал в нем бережное отношение к слову, к обещанию, к поступку, к жизни вообще, что выражается в художественном почерке, в лаконизме повествования, достигаемом путем строгого отбора деталей описания или характерных особенностей психологии и действия.

В большой мере история жизни и прозаика Юрия Чубкова влияет на художественные особенности его творчества, с той лишь разницей, что ему, в отличие от А. Скокова, взирающего на Россию, как на звездное небо, словно изнутри своего бытия, посчастливилось взглянуть на свою Родину с расстояния, из заморских стран, с чужих берегов. И это воззрение еще более укрепило веру писателя в особой нравственной миссии России, в том, что до конца зло неодолимо, что оно всегда пытается отвоевать территорию у добра, у правды, которые, хотя и имеют бессмертную природу, нуждаются в защите, через которую они укореняются в душах их защищающих. Человек, наделенный писательским даром, не имеет права не принять участия в этой трудной борьбе.

Творчество Александра Ракова, известного в Петербурге и в России не только, как главного редактора духовной газеты «Православный Санкт-Петербург», но и как автора серии книг «Записки редактора», на первый взгляд не кажется воинственным. Вот его оценка В. Крупиным: «такие книги остро необходимы сегодня для ориентации в теперешней обстановке нашествия на Россию чужебесия. Александр Григорьевич пишет просто, спокойно, доходчиво. Замечает в мелких фактах значительное. В книгах множество ненавязчивых житейских правил, ведущих к спасению». А. Раков создал свой оригинальный литературный жанр на стыке публицистики и художественной литературы. В его «Записках редактора» переплетены жанры, которые, имея некоторый информационный характер — проповеди, мемуары, письма, стихи, складываются в подлинно литературное произведение, обладающее не только духовной, научной или исторической, но и эстетической ценностью.

«Сердце у меня на липочке держится», — жаловалась обиженная мной мама. В «Словаре живого великорусского языка» точного значения этого слова нет, но по схожести оно означает «на тонкой ниточке, на паутинке». (Теперь я понял, о чем говорила мама)».

Это маленькое грустное стихотворение в прозе наиболее полно отражает художественные особенности творчества и суть мировоззрения автора, очевидно обладающего поэтическим слухом. Поэтому, наверное, в новых книгах он обильно использует стихи современных и старинных русских поэтов не только в качестве иллюстраций к своим «былинкам», не только для создания в повествовании внутреннего ритма, присущего природе, но в знак восхищения величайшим драгоценным пластом русской культуры, ярко свидетельствующим об ошибочном мнении современной философии. Эта красивая и высокомерная наука на рубеже тысячелетий вынесла смертный приговор онтологической духовности, объединяющей мир бытия в великое ценностно-смысловое единство. На примере истории XX века она утверждает, что утраты духа невосполнимы, что это процесс необратимый. На спор с философией «привлекательного допущения

о том, что все, действительно, потеряно» (В. Малахов) уверенно выходят современные петербургские поэты, применяя свое творчество, как бесспорный аргумент в этой полемике.

Творчество поэта Николая Рачкова следует рассматривать именно с точки зрения автономно-ценностного потенциала бытия как такового, т.е. онтологизма. Н. Рачков, полагая дух главным компонентом бытия, близко подходит к истокам сокровенной тайны Жизни. Понимание человеком самого себя в совокупности всех бытийных связей — с миром в целом, с Родиной и соотечественниками, с родными и любимыми, с природой и космосом — с учетом всех превратностей судьбы — процесс сложный, приводящий людей творчески одаренных к пониманию сверхбытийности и к выходу за пределы безысходного, сугубо субъективного личностного существования. Поэт, знающий о страдании своих предков, сам неоднократно приносящий жертву, считает утрату не менее важным условием бытия, чем приобретение. Говоря в одном из своих стихотворений: «Но спасибо тебе за великое чувство утраты», он уверен, что страдание неразлучно с любовью. Любовь поэта многогранна, но особенно вдохновенна она к Родине, воспевая красоту которой он находит и слова особенные: «Божественный свет сентября золотого, сливаясь с душой, превращается в слово», кажется, подтверждая мысль Григория Нисского о том, что «ум рождает слово, и слово же подвигает ум. Ничто же ум есть без слова, ничто же слово без ума». Ничто же творчества Н.Рачкова без России, без русского народа, частицей которого ощущает себя поэт, и о котором мыслит оптимистически:

*Пусть он оплеван и облаян,
Оболган так, что свет не мил.
Мы обретем себя.
Мы знаем:
Без нас погибнет этот мир.*

Неотделимо от русского народа и творчество поэта Олега Чупрова, который уже вошел в историю страны, как автор слов гимна Санкт-Петербурга на музыку Глиера. Песенность — постоянное свойство души поэта, кажется черпающей из потаенного клада-родника образы трепетной новизны. Поэт пишет, как поет, мелодичность свойственна поэзии О. Чупрова. Для того, чтобы писать песни, которые любит и запоминает народ, надо иметь здоровую душу и независтливое сердце. Да и кому завидовать поэту, если от родителей в наследство ему досталась ц е л а я Россия. Поэтому, наверное, он принимает мир в его сложной, непостижимой объективности, в его целостности, не пытается разделить на кусочки, разобрать «по косточкам», но в есененско-рубцовской традиции старается сберечь каждую его клеточку.

*Божья коровка — на Божьей травинке!
Чтоб не спугнуть, обойду на ходу
И по лесной не приметной тропинке,
Словно по радуге, в небо войду!*

Небо, радуга — существуют в мире света, в мире души. Но есть пространство тьмы, хаоса, смерти. Между этими мирами проходит граница, — край света. Эта граница — есть крайняя черта обороны жизни на земле, идет на ней бой духовный, в котором принимает участие поэт-воин, капитан 1 ранга, подводник — Борис Орлов. Своим творчеством, своей личностью он никого не оставляет равнодушным, вызывая у одних читателей восхищение, у других — лютую злобу и ненависть, тем доказывая, что его поэзия и он сам, поэт, выросший в девственной русской провинции, воспитанный монахиней, ставший боевым офицером флота, выпустивший около двух десятков поэтических книг, сегодня находится на переднем краю обороны правды, света творчества, самой жизни. Ощущение Истины как света присуще русской философии и русской литературе, оно придает русскому православному христианству ярко выраженный оптимистический характер. Творчество Б. Орлова тоже оптимистично, ярко, целостно, причем, эта особенность его поэзии не приобретенная, но врожденная. Как признается сам поэт: «Для меня с детства существовало два мира: один — созданный Богом, второй — построенный людьми. Причем, Божий мир был более близок и понятен, чем человеческий, ибо в нем я не видел лукавства, лжи и фальши». Поэт стоит «на краю света», вооруженный своей верой. Есть большая вероятность с таким оружием выиграть бой с тьмой, со смертью.

*На Божий мир смотрю не из угла,
И не унижусь я до личной мести.
Я сердце поднимаю против зла,
А «не убий» — во мне на первом месте.*

Юрий Шестаков, лауреат государственной премии им. А. Фета, поэт философского склада, тоже чувствует, что «незримый бой идет» и по мере своего недюжинного таланта принимает в нем участие. При сравнительно небольшом количестве поэтических произведений — они умещаются всего в четырех книгах, выпущенных автором за два десятилетия, творческий пласт поэзии Ю. Шестакова огромен. Он огромен по обширности тем, по глубине их исследования, по художественной значимости и эмоциональному воздействию. Это творчество в целом сродни симфонии, в которой главная тема — тема любви к Родине. Поэт разрабатывает исторические темы, используя память культурную и драгоценные крупинки личной памяти. Природа — особая ипостась бытия поэта. Его стихи о природе — мир поэтически сложный, многогран-

ный, олицетворяющий образ земного существования. Но Ю. Шестаков не удовлетворяется исследованием только красот земных или красоты человеческих взаимоотношений. Он стремится к философским обобщениям. Интересом к образу мироздания в целом, к исследованию того преобразующего начала в человеке, которое возвышает его над судьбой, Ю. Шестаков обязан в большей степени своему учителю — А. Тарковскому. Поэт трагически переживает вечный разлад человека с Богом и пытается своим творчеством дать ответ на мучительный вопрос:

*Что будем значить для Вселенной мы?
Что зреет в звездный мир из тьмы веков
Под влажной скорлупою облаков?..*

В великой симфонии современной русской поэзии выделяются поэтические голоса Ивана Стремякова, Валентина Голубева. Творчество И. Стремякова, коренного сибиряка, человека несущего в своей душе исконную непобедимую русскость, запоминается новизной видения такого знакомого вечного мира, новизной метафорического поэтического языка. Особой индивидуальной окраской, новым современным звучанием, неожиданными интонациями обладает поэзия В. Голубева, также утверждающая исторические ценности русского духа. Эта поэзия самобытна, но ее можно рассматривать, как пример художественного воплощения национального сознания.

Процесс обретения национального сознания — процесс напряженной духовной работы, сродни дару, который не появляется сам по себе, но обретается в результате развития самосознания. Хотя русскому человеку это обретение дается легче, благодаря наследственному «русскому духу» или, говоря современным языком, ментальности, под которой понимаются выработанные на протяжении веков национальные особенности восприятия бытия. Художественным примером такого трудного обретения является творчество Владимира Марухина, автора нескольких поэтических книг. Особенно наглядно прослеживается духовный путь к истине в его новой книге «На распутье». Стихи, расположенные в первой ее части, словно ступеньки лестницы, постепенно подводящей к постижению вечного смысла нашего временного бытия, к умению различать добр и зло, к необходимости самопожертвования. На этой лестнице поэту удастся «навсегда прозреть».

*Я понял сердцем, пред Распятъем стоя:
Стяжать при этой жизни благодать
Святого Духа —
Всех страданий стоит.*

Поэма «Затмение» является поэтическим апофеозом понимания того, что непобедима русская душа, наполненная любовью и верой,

непобедим народ, знающий, что только «слиянье русских сил дает победу».

Чает победу «русских сил» и Александр Люлин. Его стихи, обжигающие своей правдивостью, безыскусной простотой, кажется, являются результатом осознанного труда и бессознательного вдохновения. Утверждение поэта: «Любовь — краеугольный камень — лежит в основе бытия» — мысль выстраданная, обдуманная, пережитая, но даже сформулированная она несет свет интуитивного. А. Люлин, очевидно, относится к тем богатейшим творческим натурам, которые не позволяют рациональной идее, заданной надобности, подчинить свой дух. О творчестве этого поэта можно сказать словами А.Н. Толстого «Искусство есть такое идеальное изображение жизни, которое приводит человека в состояние напряженного желания идеального, т.е. красоты, духовной чистоты, добра» (статья «Голубой плащ»). Для того, чтобы привести к этому состоянию читателя, стремление к идеальному должно быть присуще поэту. У А. Люлина оно очевидно, хотя трудно в пределах видимого мира, отягощенного грехами, стремиться к справедливому суду, к правде. Предчувствуя существование законов совершенства, видя «осколок неба на земле», А. Люлин своим творчеством встает на защиту красоты, которая у него ассоциируется не только с образом любимой женщины или матери, но в первую очередь с Родиной, с ее природой, с ее историей и верой.

*У меня, у славянской твари —
Так уж распорядился Бог —
Все в единственном экземпляре:
Мама, Родина и любовь.
Мне любая страна — чужбина,
Кроме той, где на свет рожден.
К ней любовью христианина
Я пожизненно пригвожден.
Я стою у столба позора,
У Распятия, у Креста:
Сострадательному лишь взору
Открывается красота.*

У распятия, у креста находит красоту и Ирэна Сергеева, поэт бережно-экономного, убедительного, узнаваемого поэтического слова. При всей их поэтичности, стихи И. Сергеевой обладают особым художественным своеобразием, которое заключается в непостижимой емкости, глубине и целостности отдельного стихотворения. Выражаясь словами Е. Трубецкого, можно сказать, что каждое стихотворение «подчинено архитектурному замыслу».

Есть что-то «каменное», незыблемое в поэтических миниатюрах поэтессы, где очевидна смысловая концентрация вокруг некоего

Главного Смысла, «Камня живого», вокруг Которого всегдалюдно, тесно, нет лишнего, незаполненного пространства. Именно так, «в тесном смысле слова», в непременной, присущей духовному искусству симметрии вокруг единого центра, строится каждое стихотворение И. Сергеевой.

*Час проспала — и выпалась.
Крошки не съев, сыта.
Мысли сложила в исповедь,
Встав на порог скита.*

На пороге скита и храма осваивает бытие поэт Андрей Ребров, пытающийся преодолеть временную и пространственную ограниченность человеческой жизни. Это преодоление может быть только духовным. Когда красота реального мира и духовная сила авторской мысли сливаются, то рождается нечто новое, по определению В. Белинского «долженствующее быть сущим» и «совершенно никогда и нигде небывалое». Читая стихи А. Реброва, осознаешь, что они действительно особенные, такие, каких никто не писал. Поэт создает свой образный мир, включающий миры великие и малые, бесконечный, переливающийся разноцветными земными красками, насыщенный непостижимыми образами Вечности. Какими-то внутренними силами, вероятно, заключенными в одаренности поэта, этот мир, в каждом миге которого «длится свет», этот мир, будучи протяженным, сжат в пространстве и сдерживается в пределах поэтического творения, чаще всего небольшого, состоящего из двух-трех строф. При том, что поэт предполагает неразграничение мира того — евангельского и мира этого — житейского, сам творит с неким отдалением, с особым страхом и почтением к миру тому, который озаряет «зоркая свеча» его веры, позволяющей в минуты духовного прозрения увидеть, как

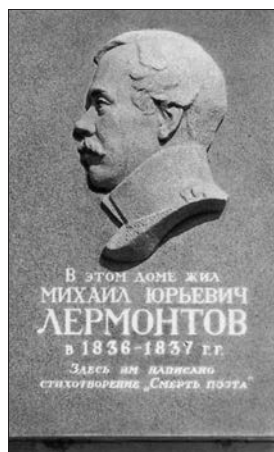
*...вдоль Смоленки, Ксения сияя,
Идет в юдольной мгле по мостовой.
Грядет, сквозь годы в образе бедняком,
Всю Русь вместив в ладонях — на груди.
И я спешу, спешу, но не угнаться —
За ней, идущей тихо впереди.*

Очевидно, что А. Ребров не одинок на этой освещенной духовным светом дороге, объединяющей многих петербургских литераторов. Современная петербургская литература, возвращающая ценность русскому слову, становится явлением общероссийским, так как живое русское слово всегда способствовало соборности, объединяло людей. Именно в связи с этим ее качеством ей чинятся искус-

ственные преграды. Преодолеть их нам удастся только сообща. В этом преодолении журнал «Родная Ладога» предполагает оказывать коллегам поддержку, нести их слово к читателям, которым так не хватает сегодня хорошей, в традиционном понимании, литературы, рождающей движение душевное и духовное. Речь идет не о самопропаганде, а о помощи в умении отличать настоящее художественное творчество, близкое национальному духу, от ремесленничества.

Свидетельством уникальности петербургского пласта современной литературы является отсутствие тормозящих границ чисто литературных школ или направлений. Однако, при всем разнообразии творческих почерков, художественных стилей, жанров у современной санкт-петербургской литературы есть общая тенденция — наследование традиций великих русской духовной и классической литератур. Эта связь глубинная по содержанию творчества, а не по манере, магистральное ее направление — «возврат к глубокой простоте, простоте, над которой надо думать и которую надо почувствовать» (Г. Свиридов). Не поток субъективного болезненного сознания, а выстраданное сердцем понимание действительности, глубокая, развивающаяся мысль, чувство Родины, как целого, чувство истории в сегодняшнем дне, наполняют нашу новую современную литературу движением, сознанием неразрывности и бесконечности жизни, которая сама сегодня нуждается в нашей помощи. Люди творческие, одаренные искрой Божией, могут оказать ее тем лучше, чем глубже будут понимать, что «без нас погибнет этот мир».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Мемориальная доска
и дом, в котором
жил М.Ю. Лермон-
тов (ныне — Са-
довая, 61), когда
писал стихотворение
«Смерть Поэта»*

ПОЭЗИЯ

Сергей ХОМУТОВ

УМИРАЮТ РОДНЫЕ ПРОРОКИ

Хомутов Сергей Адольфович — родился в 1950 г. в Рыбинске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор более десятка поэтических книг. Директор издательства «Рыбинское подворье». Член Союза писателей России. **Живет в Рыбинске.**

Грань между творческим общением за стаканом и трагедией бессмысленного и беспредельного пьянства почти неразличима. Передо мною проходят картины воистину апокалипсические: мутные, тяжелые глаза алкоголиков, очереди у самогонных точек-квартир, которые сейчас почти в каждом подъезде, брошенные дети и загубленные родители. Мы постепенно уходим за край. Не просто спиваемся, а вымираем. Чем остановить это: запретом, осознанием, молитвой?.. Не знаю. Кто-то скажет, зачем об этом писать? Но для художника осмысление невозможно без отображения. У каждого свой путь, у поэта тоже — стихи рождаются и нигде от этого не уйти.

Сергей Хомутов

* * *

По каким бы тупикам мирским
Не носило долею шальнойю,
Но Тверской останется Тверским* —
Юностью, Отчиной, Весною...

Пушкинской восторженной строкой,
Собственной строкою умиленной,
Радостью и острою тоской
Той поры, сегодня отдаленной.

Сколько нам еще осталось дней?
Не сочтет никто, не нагадает,
Жаль, что жизнь все глуше и верней
Утекает в память, убегает...

Пусть не будет нас, другие вслед
Выйдут в эту древнюю аллею,
И живое эхо наших лет
Их накроет высотой своею.

Вновь кого-то «несказанный свет»
Вечною отрадою коснется,
Вновь кому-то бронзовый поэт
С тихою надежной улыбнется.

* На Тверском бульваре, 25 — единственный в мире литературный институт.

* * *

Убивают сейчас
Не свинцом и не ядом поэтов,
В уготованный час
Не грозит им прицел пистолетов.

Ныне, смерти подстать,
Подступает под сердце сурово
Невозможность сказать
Всею жизнью рожденное слово.

Роковая черта —
Не барьер и не заговор тайный,
Глухота, глухота,
Что исход обретает летальный.

Хоть рыдай, хоть кричи,
Равнодушно глядят на поэта,
Как в пустынной ночи,
Ничего, никакого ответа.

Что повинно, скажи,
В том, что мир этот все беспросветней,
То ли сытость души,
То ли голод ее многолетний.

И пылятся в столах,
И в пыли задыхаются строки,
И в блевотных углах
Умирают родные пророки.

Безумие

Шестой этаж — седьмое небо
И круг девятый, может быть,
А все, что видится, — нелепо,
Тоскливо так, что впору быть.
По данному бесправью праву,
Спасатель иль наоборот,
Здесь некто продает отраву,
И тянется к нему народ.
День изо дня по клеткам лестниц
Блуждают тени «мертвецов», —
Моих ровесников, ровесниц,
Детей моих, моих отцов.
Дороги все ведут к стакану,
И цель одна у них — стакан,

Они, лечить пытаюсь рану,
Сегодня сплошь уже из ран.
Таких ничто не оживляет,
Но, как на это ни взгляни,
Суть времени определяют,
Во многом, именно они.
Каким дождем иль снегопадом
Накроет горемычный прах?..
И я с толпою здешней рядом
Живу, как на похоронах.
Со скорбью эту явь приемлю,
Невыносимой потому,
Что не они одни лишь — в землю,
Россия вся — идет во тьму.

3 июля 2006

* * *

Каждый жив мечтой насущной,
Слился воедино с ней,
Так, не спится ночью душевной
Алкашам страны моей.

С вечера они гудели,
Били о стакан стакан,
Песни благостные пели,
Кто еще не слишком пьян.

А под утро зазнобило,
Затрепало неспроста,

И летят они бескрыло
В самогонные места.

Словно бабочки на пламя,
Тянутся в ночной глуши,
Чтобы вновь поднять, как знамя,
Градус в глубине души.

К той квартире, этой точке,
Где бушуют жар и чад,
Стайками, поодиночке,
И горят, горят, горят...

31 мая 2002

* * *

Достаточно выпито зелья,
И воспоминанья свежи.
...Великое чудо похмелья —
Трагедия русской души.

Стакан... И еще полстакана...
И ты оживаешь... Но вновь —

Безвыходность самообмана
И яд, проникающий в кровь.

Цепочки губительной звенья
Никак не хотим понимать,
Нелепую страсть — за спасенье
Погибель свою принимать.
21 мая 2004

* * *

Это просто, наверно,
 взвалить на людей
Всю вину за пороки земные,
Только время все злее,
 бездушной, лютей
Испытания сеет сплошные.

Не случайно явился однажды
Христос
 Искуплением
 нашего скотства,

Потому, что еще человек не дорос
До всесилия и благородства.

Потому-то и ты,
 если хочешь, поймешь
Тяжесть в нашем житье настоящем
И увидишь на миг
 мироздания дрожь
В алкаше у пивнушки дрожащем.

14 октября 2002

* * *

Не будет меди, ну а если будет
По случаю признанья твоего, —
Лишь там,
 где этот грохот не разбудит,
Не тронет раздраженьем никого.

Но пусть оркестры
 не восславят мерно
Тебя и многих Сашек и Серег,
Я все же верю —
 нас прочтут посмертно
Те, кто при жизни нами пренебрег.

По этим строчкам
 все поймут потомки,
А не поймут, ну что же, Бог судья,
Но мы прошли сквозь
 долгие потемки,
И к свету, к Свету вынесли себя.

И потому, к земле склоняясь немо,
Живую источая благодать,
В оградках наших
 будет плакать небо
И чудные растенья зацветать.

14 мая 2006

ПРОЗА

Александр КАЗАКОВ

СЛОВЕСА́

рассказ

Казаков Александр Петрович — родился в 1954 году в г. Смоленске. После окончания школы служил в армии, затем работал в учреждениях культуры, учителем музыки в школе. Заочно окончил дирижёрско-хоровое отделение Псковского культурно-просветительного училища и исторический факультет Псковского государственного педагогического института. Член Союза писателей России. **Живет в г. Пскове.**

Снежное поле было ровным, как обеденный стол, и бескрайним, как океан; никогда в жизни такого ровного и огромного поля Степан Матвеевич раньше не видел. И небо над ослепительно-белым полем было таким же — ослепительно-белым и ровным, и ни тучки на нем не было видно, ни хотя бы маленького облачка. И солнца на небе не было, хотя отчего-то было нестерпимо душно, — так душно, что Степану Матвеевичу даже дышать было тяжело; широко открытым ртом он судорожно глотал горячий безвкусный воздух, но воздуха все равно не хватало. В горле саднило от этого раскаленного воздуха, и Степан Матвеевич, распластавшись на земле, пытался схватить сухими, растрескавшимися от жажды губами такой близкий к его лицу снег, но никак не мог: снег мгновенно таял от его горячего дыхания, испарялся, исчезал, обнажая под собой мелкий, как мука, желтый песок. Степан Матвеевич, не успев остановиться, хватал этот песок губами и тут же его выплевывал, но песчинки все равно успевали попасть в рот. Они противно скрипели на зубах и проскакивали дальше — в глотку, в пищевод, в желудок, слипаясь там, внутри, в раскаленный, насквозь прожигающий внутренности комок...

«Может, где-нибудь позади меня вода есть?» — подумал Степан Матвеевич. Он хотел, было, оглянуться, но в этот момент у него над ухом глухо, как сквозь стену вязкого тумана, прозвучал голос ротного:

— Смотри вперед, Степа! Вперед смотри! Вон они, вон! Видишь?

Степан Матвеевич с неимоверным усилием приподнял от земли будто бы налитую горячим свинцом голову и сквозь заливающий глаза соленый пот увидел ползущие по снежному полю танки. Их было много, очень много, и все они были почему-то желтого цвета.

«Чего это они такие, — ровно цыплята? — подумал он с удивлением. И тут же догадался: — Ну, Роммель! Ну, собака! Успел-таки, гад, из Африки их сюда... Ну, гад ползучий! Успел, сволочь...»

И в то же мгновение Степан Матвеевич понял, что смотрит на танки в прицел противотанкового ружья. И это его почему-то сильно обрадовало.

«Ну, я вам сейчас!..» — поудобнее прилаживая к небритой щеке горячий приклад ПТР, то ли подумал, то ли крикнул Степан Матвеевич.

— Стреляй, Степа! Стреляй, мать их так!.. Чего ждешь, щучий сын? — услышал он голос ротного. — Стреляй! Один ты теперь, и на тебя вся надежда... Стреляй, кому говорю!..

— А ты? — не отрывая глаз от ползущего прямо на него танка, то ли спросил, то ли подумал Степан Матвеевич. — А ты, командир?

— А что — я? — совсем уж издалека донесся затухающий голос ротного. — Нет меня, Степа, нет; один ты теперь...

«И правда; ведь нет его, Селиванова-то, — удивился Степан Матвеевич. — Ведь его же еще в Венгрии убили, в сорок четвертом...»

Он дернул за спусковой крючок и в то же мгновение увидел, как танк высоко, будто спичечный коробок, по которому щелкнули пальцем, подпрыгнул и опрокинулся навзничь.

«О как! О, как я его!» — обрадовался Степан Матвеевич и навел ствол ПТР на другой танк; он снова дернул за крючок, и этот танк, как и предыдущий, подпрыгнул и перевернулся.

— Ага! Ага! Вот я вас! — закричал Степан Матвеевич и стал стрелять по танкам навскидку, почти не целясь, но все равно каждый раз попадая. Танки неестественно легко и совершенно однообразно подпрыгивали, переворачивались и вспыхивали; но из-за них выползали все новые и новые, такие же желтые и потому хорошо видимые на бескрайней белоснежной равнине, расстилавшейся перед Степаном Матвеевичем до самого горизонта.

Степан Матвеевич все стрелял и стрелял, почему-то вовсе не удивляясь тому, что ему не приходится после каждого выстрела закладывать в казенник новый патрон.

«Может, это у меня и не ПТР вовсе? — напряженно думал он, лоя в прицел очертания очередной желтой мишени. — Может, это зенитка какая малокалиберная? Лупит и лупит, ровно пулемет... Эх, нам бы с самого начала — такие-то! Мы б тогда их еще там, на границе...»

Он приподнял голову, чтобы получше рассмотреть свое удивительное оружие, но в этот момент патрон в патроннике заклинило, и как ни пытался Степан Матвеевич передернуть затвор, сделать это ему никак не удавалось.

«Ну вот, Степан, ты и отвоевался, — подумал он, с тоской глядя на танки, ползущие на него в четком шахматном порядке. — И ни Елены своей, ни сынов не увидишь... Все! «Амба!», как мой Васька говорит...»

И только он подумал об этом, как откуда-то сверху, из поднебесья, колокольным набатом загудел голос Василия, его младшего сына:

— Держись, батя! Держись! Щ-щ-щас я им врежу!

«Ты-то откуда здесь, Вась? — удивился Степан Матвеевич. — Ты ж еще не родился!»

— Родился, родился! Щас увидишь, как родился... Щас, батя, я тебе покажу, на что способен подводный флот! — гремело с небес.

И Степан Матвеевич увидел, как прямо из середины поля, позади танков, поднимается рубка огромной подводной лодки; и вот она, лодка, уже на поверхности — вся, целиком; и прет она по полю, вспарывая не тупым, а почему-то острым, как лемех плуга, носом песок попеременно со снегом, и разбрасывает это месиво по сторонам, а вместе с ним — и маленькие, как букашки, желтые танки.

«Ага! Ага! — закричал Степан Матвеевич. — Вот хрен тебе с маслом, Роммель, собака ты фашистская! Во как тебе Васька мой дал! Во как!..»

И уже не подводная лодка, а красавец-крейсер неся по полю к Степану Матвеевичу, а на носу корабля, держа руку под козырек фуражки, стоял и улыбался Василий — его Васька, сын, гордость его и спасение...

И Степан Матвеевич заплакал — и от заполнившей его грудь гордости за сына, и оттого, что остался жив, выстояв в этой мясорубке. И еще отчего-то светлого и радостного, чего не выразить словами...

А крейсер, не сбавляя скорости, неся прямо на Степана Матвеевича; у него вдруг от страха захолонуло сердце, и он закричал, с трудом ворочая распухшим, шершавым от жажды языком и пытаясь сглотнуть горячую, перемешанную с набившимся в рот песком слюну:

— Стой! Стой, Васька! Раздавишь же!.. Отца родного раздавишь!.. Сто-о-о-ой!

И проснулся.

«Тик-так, тик-так, тик-так...» — размеренно щелкали в предрассветном сумраке старинные ходики.

«Бум-бум, бум-бум, бум-бум...» — тяжелыми толчками в такт им билось в груди Степана Матвеевича сердце...

У широкой деревянной кровати, на которой лежал Степан Матвеевич, стоял Василий; только был он не в парадном кителе, как

это было во сне, а в тельняшке с засученными по локоть рукавами, в трусах и босой. В одной руке Василий держал большую эмалированную кружку, а другой осторожно тряс Степана Матвеевича за плечо.

— Бать! А бать! Чего зовешь-то? Болит что, а?

Степан Матвеевич помотал головой, стряхивая остатки сна, и потянулся к кружке; вода была холодной — такой, о какой он только что мечтал, — и он пил жадно, большими глотками, чувствуя каждую попадающую внутрь каплю и боясь пролить воду на одеяло отчего-то задрожавшей вдруг рукой...

— Еще давай, сынок, — допив кружку до дна и с трудом отдышавшись, попросил он. — Давай еще...

Василий, шлепая по крашеным половицам босыми ступнями, сходил в сени и сразу же вернулся; подавая отцу наполненную до краев кружку, низко наклонился к нему и спросил шепотом:

— Что, худо, бать? Может, это... сто грамм?

Степан Матвеевич в три глотка выпил воду и откинулся на высокую подушку. Полежал с полминуты, с блаженством ощущая, как отступает жажда; потом перевел взгляд на сына и молча кивнул.

Василий мотнул головой в сторону сеней и на цыпочках отправился на кухню. Степан Матвеевич услышал, как он шуршит там целлофановым пакетом; потом скрипнула дверца холодильника, и что-то тихо звякнуло.

«Не дай Бог, мать разбудит: будет нам на орехи!» — затаив дыхание, подумал Степан Матвеевич. Но в горнице было тихо, и он тихонько, с облегчением, вздохнул.

«Ну, кажись, обошлось... Спит мать; умаялась вчера с застольем-то да с нашими разговорами... Пусть поспит: заслужила!» — подумал он и, стараясь не шуметь, сел на постели.

Василий высунул голову из дверного проема и мотнул головой, приглашая отца на выход...

Они удобно расположились на прохладной, влажной от росы верхней ступеньке крыльца. Василий постелил на ступеньку четвертушку газетного листа, разложил на ней куски хлеба и крупные, с кулак величиной, помидоры, а рядом с нехитрой закуской поставил початую бутылку водки и две граненые стопки.

— Ну, давай, бать! — тихо сказал он и разлил водку по стопкам.

Степан Матвеевич протянул, было, к стопке руку, но Василий вдруг остановил его:

— Погоди, погоди, бать: главный-то деликатес забыли!

Он встал и, оставляя на белесой от росы траве темные следы, пошел через широкий двор в огород.

«За луком пошел, — усмехнулся Степан Матвеевич и покачал кудлатой седой головой. — Вот ведь деревенская душа: опять за отпуск целую грядку подметет...»

И залюбовался высокой, кряжистой фигурой сына.

«В нас Васька, в Широковых: у нас в роду все мужики такие!» — улыбаясь в бороду, с гордостью подумал он.

Когда Василий вернулся с огорода с пучком зеленого лука в руке и уселся на свое место, Степан Матвеевич, с трудом погасив улыбку, нарочито строго посмотрел на сына и проворчал:

— Чего босой-то по росе ходишь? Смотри, застудишь ноги — будешь, как я, на печке зимовать...

— Да ну, батя! — хохотнул Василий. — Мне до печки еще далеко... А ноги... что ноги? Мне после наших северных морей никакая роса нипочем!

— Ну-ну; смотри, герой, — усмехнулся Степан Матвеевич. — Оно, конечно, может, и так, да только ты бы, все одно, поберегся: печка-то та, сынок, не так уж и далече, как нам в молодости-то кажется...

Василий беспечно махнул рукой:

— Да ладно, батя; до печки еще дожить надо. Давай-ка лучше, — он кивнул на наполненные стопки, — пока мать не проснулась. А то будет нам с тобой и печка, и свечка...

Они тихо, чтобы не звенеть стеклом, чокнулись и выпили, одинаково крякнули и захрустели зеленым луком.

— Эх, благодать-то какая! — тихо сказал Василий, шурясь на первые лучи восходящего солнца, с трудом пробивающиеся через частокол растущих на ближнем к берегу острове стройных берез. — Так бы вот всю жизнь на эту красоту смотрел и смотрел... Аж стихи читать хочется!

— Так почитай, — усмехнулся Степан Матвеевич, приняв слова сына за шутку: куда уж, мол, тебе, моряку, про стихи-то думать!

Василий заметил отцовскую усмешку; усмехнулся в ответ, посмотрел, прищурившись, на отца и сказал:

— И почитаю! Ты что же думаешь, батя: если я погоны ношу, то и стихов знать не должен?

Степан Матвеевич вместо ответа неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

— Э, не-ет! Не прав ты, отец! Военные люди — тоже люди, и душа у нас тоже есть...

— Да кто ж спорит-то... — отчего-то смутился Степан Матвеевич. — Душа-то — она у всех нормальных людей есть, что у военных, что у невоенных... Только стихи-то здесь причем? Я вот, например, и без стихов всю жизнь, почитай, прожил — и ничего...

— Что значит — ничего? — Василий посмотрел на отца в упор; Степан Матвеевич отчего-то поежился от его взгляда, но сдаваться не спешил.

— А то! Не помер же без стихов-то! Стихи... Толку-то в них! Слова все это, словеса...

— Словеса, говоришь? Словеса-то, бать, разные бывают...

Василий, не вставая с крыльца, наклонился, сорвал растущую возле нижней ступеньки длинную травинку и сунул ее в рот. Помолчал, задумчиво глядя на зеркальную гладь озера, улыбнулся чему-то и сказал:

— Ну, слушай, бать...

*Перед самым рассветом
Я выйду из дома,
И в безбрежный туман
По ступенькам крыльца
Я сойду босиком, —
И исчезнет истома
От тягучего сна...
Вдруг коснется лица
Ветка яблони старой,
Дотянувшись из сада,
И умоет его
Невидимкой-росой, -
И проснется душа!
А иного — не надо...
Так вот шел бы и шел —
По росе и — босой...*

Степан Матвеевич слушал стихи, отчего-то вдруг почти перестав дышать и не решаясь пошевелиться; он страшно боялся спугнуть то невидимое, неосязаемое, неиспытанное никогда ранее ощущение, которое снизошло вдруг на него; словно кто-то неведомый — мудрый и могучий — взмахнул вдруг над ним незримым крылом и повеял на него добротой и любовью, и все, что Степан Матвеевич сейчас видел вокруг себя — двор, зеленую лужайку перед домом, озеро и круто возвышавшиеся над его необозримым простором дальние острова — осветилось каким-то новым светом, приобрело какой-то неразличимый им ранее, никогда прежде не виданный им оттенок...

И на все это опустились доброта и любовь...

Василий умолк и сидел, покусывая стебелек и задумчиво глядя на озеро.

Степан Матвеевич тоже молчал, будто ожидая продолжения стихов. Не дождавшись, заерзал по ступеньке.

— Все? — спросил он, с трудом проглотив образовавшийся в горле комок («Как во сне сегодняшнем...» — мелькнуло в голове Степана Матвеевича воспоминание).

— Все, что ли? — переспросил он, глядя на Василия с затаенной надеждой; так, наверное, смотрят на взрослых маленькие дети, ко-

торым кто-то из них дал поиграть красивую игрушку, а потом вдруг отобрал ее...

— Все, — Василий кивнул и, повернувшись к отцу, внимательно посмотрел ему в глаза. — Что, проняло, бать?

Не дожидаясь ответа, кивнул сам себе и тихо сказал:

— Вот и меня так, когда я стихи эти впервые услышал... Помню, аж скулы свело, как тогда домой захотелось! Кажется, сорвался бы и бегом побежал, чтобы вот на все на это, — Василий кивнул на озеро, — хоть бы одним глазком взглянуть... И по росе — босиком, как сегодня...

Он вздохнул и умолк, покусывая травинку.

Не зная, что сказать, что ответить сыну, молчал и Степан Матвеевич — долго молчал, разглядывая одинокого рыжего муравья, упорно пытавшегося перелезть через лежащую на траве возле крыльца колодезную цепь; муравьишка забрался внутрь ее звена и никак не мог выбраться обратно.

«Вот и мы так: все копошимся, копошимся чего-то, как муравьи, а вокруг себя и взглянуть-то некогда, — думал Степан Матвеевич. — Жизнь идет себе потихоньку — и слава Богу! А люди... Люди-то, вон: одни — стихи пишут, а другие — их читают. И даже наизусть знают. А Васька-то, Васька! Кто б подумать-то мог: Васька — и стихи! А вишь ты...»

— А кто это? — спросил он.

— Стихи-то кто написал? — уточнил вопрос отца Василий. — Да не знаю я!

Он с досадой стукнул по колену кулаком и выплюнул изжеванную крепкими зубами травинку.

— Я их один раз только и слышал-то — на концерте в Доме офицеров, — Василий оглянулся на дверь и понизил голос: мать бы не разбудить. — К нам тогда какая-то областная филармония приезжала, и там один артист стихи читал. И вот с этого-то, что я тебе прочел, он тогда и начал. Может, он потом и автора называл, и еще что-нибудь из его стихов читал — откуда мне знать?

— Как это? — не понял Степан Матвеевич, — Ты что, уснул там, что ли?

— Уснул... — Василий усмехнулся. — Уснешь тут, когда тебя из зала посреди концерта выдергивают и прямо в фойе пакет от командующего флотом вручают...

— И?..

— И — вперед, заре навстречу!

— О как! — мотнул головой Степан Матвеевич. — Лихо!

— Лихо... Кому — концерт, а кому — в море... Служба, бать, она и есть служба!

И Василий рассмеялся.

— Да что про службу... Давай-ка еще по единой, отец, — за тех, кто в море!

Солнце уже высоко поднялось над ближним островом, и, несмотря на ранний еще час, стало заметно припекать. Легкий июльский ветерок, повеявший с озера с первыми его лучами, почти сразу же и пропал, и зашелестевший, было, тростник тоже затих, продолжая только изредка подрагивать от прикосновений к нему разыгравшихся под водой рыбешек.

— Опять сегодня жара будет несусветная, — сказал Василий, стаскивая с себя тельняшку. — Ну, да ладно; хоть кости свои на целый год вперед прогрею.

— Да уж, — согласно кивнул Степан Матвеевич. — У вас-то, поди, такого лета отродясь не видали... И как вы там по полгода в темноте живете? Ума не приложу...

— Да живем, не жалуемся, — рассмеялся Василий. — Под северным сиянием вместо солнца. Это, батя, доложу я тебе, та еще картинка!

— Ну, там — та, а у нас, сынок, — эта, — Степан Матвеевич кивнул на озеро. — И другой мне, Вася, не надо: вот на эту бы поглядеть Господь дозволил подольше... А что жара такая, так оно и понятно: июль — макушка лета...

— Ты бы, старый, лучше на свою макушку колпак какой надел: неровен час, близнет солнышко по башке-то — вот и будет тебе лето красное!

Услыхав голос жены, Степан Матвеевич, уже слегка захмелевший от двух стопок, едва не подпрыгнул на ступеньке.

— Фу ты, елки-палки! Ты что, мать, пугаешь-то так? Чуть сердце не остановилось!

— Ой, ой, ой! Послушайте, люди добрые! — закачала головой Елена Афанасьевна, насмешливо глядя на мужа. — Сердце у него!.. Ты сколько вечур выпил-то, отец? Помнишь, аль нет?

— Ну... это... — пытаюсь вспомнить вчерашний вечер, Степан Матвеевич сосредоточенно нахмурился. Но вспомнить было трудно, и он привел в свое оправдание единственный из имевшихся у него в запасе аргументов: — Ну, так Василий же приехал, мать! Как не выпить? Он ить не каждый месяц-то приезжает, а раз в году...

— Раз в году... — с трудом сдерживая улыбку, снова закачала головой Елена Афанасьевна. — А если б каждый месяц приезжал, а? Тоже так же встречу-то праздновали бы, небось?

— А то! — чувствуя, что гроза проходит стороной, расхрабрился Степан Матвеевич. — И праздновали бы; а ты как думала? На то они и встречи, чтобы праздновать...

И вдруг, как-то разом погрустнев, тихо добавил:

— Да и много ль у нас их, встреч этих, осталось-то...

— Ну-у, бать, это ты зря, — вмешался в разговор родителей Василий; он легко поднялся со ступеньки и обнял мать. — Доброе утро, мама! Разбудили мы тебя, извини...

— Утро доброе, сынок; добрее не бывает, — улыбнулась сыну Елена Афанасьевна; кивнув на Степана Матвеевича, сказала: — Ты не слушай отца, что он тут про «много ли осталось» бормочет; это у него манера такая теперь: как выпьет, бывает, так и начинает на старость сетовать. А что на нее сетовать? Жить надо, пока живется, а не смерти ждать; чего ее ждать-то, чего о ней думать? Сама придет, когда час настанет — не заблудится...

— Ну, поехала! Да кто ее ждет, смерти-то?! — вскинулся, было, Степан Матвеевич, но спорить вдруг передумал и, махнув в сторону жены рукой, добродушно пробормотал:

— Мели, Емеля, — твоя неделя...

— Да ладно вам! — Василий рассмеялся и, наклонившись к отцу, приобнял его за плечи. — Хватит ворчать-то! Пойдем-ка лучше в дом, а то и вправду припекать начинает...

— Вот, вот, правильно, — поддержала сына Елена Афанасьевна. — Пойдемте в дом, там попрохладнее. Да и завтракать уже пора.

— А... это... — Степан Матвеевич кивнул на остатки пиршества. — С этим-то как быть?

— А вот как! — Елена Афанасьевна спуро подхватила недопитую мужчинами бутылку и, не оглядываясь, пошла в дом. — Сядете за стол — тогда и выпьете. Заодно и закусите, как следует; а то нашли закуску — хлеб да помидоры с луком!

— Э-э, что ты в закуске понимаешь-то, мать? — начал, было, заводиться Степан Матвеевич, но Василий незаметно для матери дернул его за рукав ситцевой рубахи: мол, молчи уж лучше, а то вообще ничего не получишь!

Елена Афанасьевна оглянулась на пороге и строго посмотрела на них:

— А не рано ли вы начали-то, мужики? Смотрите, больше нету! И автолавка только завтра приедет, а больше взять негде...

— Нам хватит, мам, — улыбнулся Василий. — Мы же не пьяницы какие-нибудь! А не хватит, так мы в Сокольское сплавим. Правда, бать? Тут на веслах — полчаса в один конец. Ну, от силы — минут сорок...

Елена Афанасьевна с сомнением поджала губы:

— А надо ли, сынок?

— Там посмотрим, — неопределенно ответил Василий и подмигнул матери: мол, не бойся, мама; я меру знаю.

— Эх, мать! — проворчал Степан Матвеевич, поднимаясь со ступеньки. — Так, понимаешь, хорошо сидели!..

— Пойдем, бать, пойдем, — Василий легонько подтолкнул отца к двери. — Надо и на самом деле чего-нибудь перекусить.

В доме было немного прохладнее, чем на улице, и хотя и не тянуло сквозняком в настежь открытые окна, но все же какое-то движение воздуха, пусть и едва заметно, но ощущалось.

Степан Матвеевич с Василием по очереди умылись под бряканье рукомойника и скворчание жарившейся на большой сковороде яичницы и сели за стол. Василий аккуратно разлил по стопкам остатную водку и спросил:

— Ну, за что выпьем, батя? За встречу мы с тобой выпили, за тех, кто в море — тоже. Теперь за что?

Степан Матвеевич поднял свою стопку и долго ее рассматривал, о чем-то напряженно думая. Елена Афанасьевна тревожно переглянулась с сыном: чего это, мол, старый ведет себя как-то не так? Не плохо ли ему? Может, сердце прихватило, а отказываться от рюмки — перед сыном неудобно?

Но Степан Матвеевич, оторвав взгляд от стопки, посмотрел в глаза Василию и тихо сказал:

— За стихи... Выпьем за стихи, сын...

— За какие такие стихи?

Елена Афанасьевна вскинула белесые брови и с недоумением и тревогой посмотрела на мужа: все ли с ним в порядке-то, особенно после вчерашнего? Сроду она от него не только стихов, но даже и разговоров про них не слышала...

Книжек у них в доме с тех пор, как выучились и разъехались по стране сыновья, почти что и не было — если не считать тех, что подарил им Сергей Сергеевич, писатель, который года два или три назад купил в их деревне участок под строительство дачи, но так до сих пор ничего, кроме махонькой баньки, и не построил... Он, Сергей Сергеевич, как-то всю зиму в той баньке прожил, а по субботам к ним, к Широковым, париться ходил да чай с малиной после бани пить. Ну, и по сто грамм, конечно, со Степаном Матвеевичем, как положено, пропустят, под разговоры-то... Вот его-то книжки у них в доме были; правда, ни сама Елена Афанасьевна, ни Степан Матвеевич их так ни одной и не прочитали: да и когда читать-то, если с утра до вечера по хозяйству колготиться приходится? Это тебе не в городе, особенно зимой: здесь тепло да газ по трубам не бегут, и вода из крана сама по себе не течет...

А тут — стихи!

Василий, почувствовав тревогу матери, положил свою широкую ладонь на ее запястье и сказал:

— За хорошие стихи отец выпить предлагает, мама: он знает, о чем говорит... За такие стихи, от которых у людей на душе тепло становится. Я тебе потом прочитаю, ладно?

Елена Афанасьевна осторожно кивнула головой, хотя не очень-то поняла, о чем говорит Василий. Но зато успокоилась: раз уж и

сын про стихи заговорил, то, значит, и с мужем, слава Богу, все в порядке. Не могли же они на пару-то сбрендить!

— Ну, ладно, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Вы тут посидите, поговорите, а я покуда на огород пойду, пока не шибко-то припекает: надо грядку остатнюю прополоть, а то зарастет совсем. Все прополоча, одна эта осталась...

— погоди, мам; посиди с нами, а потом я тебе помогу, — попытался удержать мать Василий. — Или сам прополю; ты только покажи, которую.

— Сидите уж, сидите! — отмахнулась Елена Афанасьевна. — Я сама сделаю. Да и не мужицкое это дело — грядки полоть. Вы уж отдохните сегодня, я без вас обряжусь. Да и дома-то не засиживайтесь, в такую-то погоду; лучше на рыбалку сходите. Вон, Митька с Наташкой соседские: на что уж — детвора еще совсем, а вечер — ну, подумать только! — аж цельное ведро подлещиков с озера приперли!

— Да ну?! — вскинулся Василий; у него аж глаза засверкали. — Сетью, что ли?

— Да кто ж им позволит сеть-то здесь ставить? — с трудом отрешившись от своих размышлений, вступил в разговор Степан Матвеевич. — Тут ить Национальный парк, а не хухры-мухры! На удочку они ловят — на перловку да на червяка. Митька, сорванец, быстро это науку освоил, хоть и городской. Ох, сорванец! — Степан Матвеевич восхищенно покачал головой. — До чего ж пацан смысленный!

— Наташка — тоже не промах, не хуже твоему Митьки-то, — вступилась за слабый пол Елена Афанасьевна. — Что он умеет, то и она!

— Прям уж! — скривил губы Степан Матвеевич.

Василий, почувствовав, что над столом собираются тучи, вмешался:

— Ну ладно вам, ладно! Оба, видать, хороши; чего спорить-то понапрасну... Пойдем-ка, бать, и вправду, порыбачим, а? А за столом мы с тобой еще и вечером насидимся...

И он заговорщицки подмигнул отцу.

Но Степан Матвеевич, продолжая напряженно думать о чем-то своем, намек сына — против ожидания Василия — принял весьма прохладно.

— Да? — без особого интереса спросил он.

— Ну, — улыбнувшись, кивнул Василий. И добавил шепотом: — Вот рыбки наловим и — под уху...

— А чего? Давай сходим, чего сидеть-то, — пожал плечами Степан Матвеевич. — Только ты, сынок, червяков сам накопай; лопата — там, в сарае... А я покуда снасти посмотрю: давно не рыбачил; не помню, что где и лежит...

Елена Афанасьевна, не дожидаясь окончания разговора, махнула рукой — дескать, сами разбирайтесь со своей рыбалкой, — и пошла

в огород. Василий тоже, было, направился к двери; но Степан Матвеевич придержал сына за рукав тельняшки.

— Ты это... Вась, — тихо сказал он, отчего-то смущенно отводя взгляд в сторону. — Ты напомни-ка мне, как там стихи-то те начинаются...

Василий внимательно, без улыбки посмотрел на отца и тихо продекламировал:

*Перед самым рассветом
Я выйду из дома...*

— Ну, все, все! — прервал его Степан Матвеевич. — Все, хватит: вспомнил я...

И, насупив брови, нарочито строго, чтобы скрыть смущение, сказал:

— Чего встал-то? Иди уже! Да червяков накопай побольше...

И, когда Василий уже вышел во двор, крикнул ему вдогонку через открытое окно:

— Да поторапливайся! Не то Митька с Наташкой поперед нас все клевые места прошарят; знаю я их, шустриков... А я скоро, скоро...

Степан Матвеевич дождался, пока Василий с лопатой в руке выйдет из сарая и скроется за его углом — там, где они обычно копали червяков. Но сам с места не двинулся, а так и остался стоять у окна, зажмурив глаза и как-то совершенно по-новому ощущая терпкие запахи лета и слушая привычную деревенскую тишину...

Он не смог бы ни себе самому, ни кому-либо другому объяснить того, что сейчас происходило с ним — в душе, в сердце, во всей его сущности, но совершенно отчетливо понимал, что все вокруг него как-то неуловимо изменилось. Окружающий Степана Матвеевича мир стал каким-то другим — более красочным, более глубоким, более насыщенным — звуками, запахами и еще чем-то чувственным, но необъяснимым. И это было так необычно, что Степан Матвеевич — как и тогда, когда Василий читал стихи — даже дышать перестал, боясь, что вот это, хрупкое и прозрачное, как тонкий хрусталь, ощущение его слияния с окружающим миром, его растворенность в нем вдруг исчезнут от малейшего постороннего шороха, от неосторожного вздоха, от не вовремя повеявшего с озера ветерка. Ему казалось, что открой он сейчас крепко зажмуренные глаза — и волшебство кончится: рассыплется с тихим шелестом опадающей осенней листвы; растает, как первый снег; исчезнет без следа, напоследок отзвенев где-то вдали нежным звонком валдайских колокольчиков; будто русская тройка, унесется в безвозвратную даль времени, — туда, откуда нет — и уже никогда не будет! — пути назад, ибо путь этот можно пройти только в одну сторону и лишь единожды.

И иного не дано никому...

Или это вовсе и не мир, а он, Степан Матвеевич, изменился — вот так, в одночасье, едва услышав первые строки стихотворения, прочитанного сыном? Ведь видел же он все это не десятки, не сотни, а тысячи раз, ибо живет на этой земле, в этом краю, уже почти восемьдесят лет, — не считая, конечно, тех четырех, что провел на войне! И видел, и воспринимал, и любил эту землю: а как же иначе-то?! Отчего это вдруг от простых, нехитрых слов все вокруг стало не таким, каким было прежде, каким он видел это день за днем многие годы и десятилетия подряд, а другим — объемным, ярким, свежим? Что это? Что за волшебный ключик — ключик от целого мира — оказался скрытым в тех нескольких строчках?

Степан Матвеевич, наконец, набрался мужества и медленно-медленно, боясь раз и навсегда утратить то, что только сейчас, на старости лет, обрел, чуть-чуть приоткрыл глаза...

И увидел озеро, и острова на нем, и поросший давно некошеной травой двор своего дома, и старые березы, растущие возле забора — увидел так, как увидел все это впервые только сегодняшним утром...

И сына тоже увидел; Василий стоял возле сарая с ржавой консервной банкой в руке и смотрел на отца все понимающими глазами. Смотрел и едва заметно улыбался...

*Так вот шел бы и шел —
По росе и — босой...*

— неожиданно для самого себя прошептал Степан Матвеевич.

И вдруг почувствовал, как по щеке, путаясь в жесткой, седой щетине, покатилась непрошенная слеза...

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

Перевезенцев Сергей Вячеславович — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, первый заместитель главного редактора «Романа-журнала XXI век». **Живет в Москве.**

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — так говорится в Евангелие от Иоанна (Ин. 1:1). Давно известно, хотя, может быть, не всегда на это обращается внимание, что с древних времен первые переводчики Священного Писания на славянский язык Святые Равноапостольные Константин-Кирилл Философ и его брат Мефодий понятием «Слово» переводили знаменитое греческое понятие «Логос». А что такое Логос? В древнегреческом языке значение Логоса настолько многомерно! Это и собственно слово, и закон всемирного развития, и закон жизни отдельного человека. И конечно же некая Высшая Сила, управляющая миром, — Бог. Позднее, в трудах ранних христианских мыслителей, сам Логос отождествлялся с Сыном Божиим, Иисусом Христом, сошедшим на Землю для спасения человечества. Ибо Логосом-Словом спасал Господь грешный мир.

Но! Всю эту бесконечность значимости, которая скрывается в Логосе, славянский, а позднее уже собственно и русский язык, оказывается, передает тоже одним только понятием — «Слово». А, следовательно, для русского сознания, русского мировосприятия само Слово — это ВСЕ, чем живет человек, да и человечество. Да что там человечество — все мироздание! Ибо — «И Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Ин. 1:1,2).

В Слове русский человек выражал волнующие его вопросы о

сути мира. В Слове искал он ответы на свои вечные, «проклятые» вопросы. В Слове же ответы он и находил. Нет, конечно же кроме Слова было еще и Дело — иногда веселое и легкое, чаще трудное и трагическое. И слишком часто, может быть, намного чаще, чем хотелось бы, Дело не совпадало со Словом. Наверное, по-другому и быть не могло, ведь Слово — это исток, начало Дела. А дальше-то Дело живет само по себе. Но для русского человека Слово — это еще и итог, венец Дела. И вот когда Дело не приходило к намеченному ему Словом итогу, когда Дело разрывало сердце и душу, только одно утешение оставалось, только одно сохраняло надежду, поддерживало веру, вновь и вновь рождало любовь — все то же Слово.

Великие славянские братья-просветители, «учителя словенские», как называют их древние памятники, Константин-Кирилл Философ и Мефодий принесли славянам свет великой Истины — Благою весть Христова Учения, единство Слова и Бога. И тем самым на тысячу лет определили судьбы всех славянских народов, в том числе и русского народа. Уже потом, много столетий спустя, появятся учение «Третьего Рима» и стремление Руси к идеалу «Нового Иерусалима», возникнет знаменитый идеал-образ «Святая Русь». Уже потом русский народ создаст великое Российское государство, ставшее со временем Российской империей, и просветит Истиной иные народы, вошедшие в состав единого Российского государства. И на протяжении нескольких столетий Российское государство будет удерживать мир от окончательного духовного падения в антихристову бездну.

Уже потом, начиная примерно с XVIII в., Слово начнет утрачивать свой Божественный смысл в человеческом сознании. Видимо, это был объективный процесс, когда человек вдруг почувствовал, что может жить, может строить мир без Бога. Так возникла наука — или отодвигающая Бога на второй план, или же вообще отрицающая Его. В последние три столетия Слово превратилось всего лишь в форму общения или в предмет изучения. Слово стали препарировать — так и сяк, этак и разэтак. Его разложили на части, внесли в сравнительные таблицы, разложили по ящичкам и каталогам. И вроде бы все о Слове познали, поняли механизм его образования, его структуру и морфологию. Только вот собрать расчлененное Слово обратно, вернуть Слову его единственный и великий духовный смысл не смогли.

Мы, люди, достигли великих высот в научном знании, мы расщепляем атом, делаем атомные бомбы, летаем в Космос, создаем искусственный разум, вот взялись уже и за клонирование себе подобных. . . Но интересно, что ни один ученый в мире, ни одно научное направление не может решить простую и в то же время единственно главную проблему — откуда взялось человеческое сознание и человеческое слово? А современные психологи, физиологи и философы все

чаще и чаще утверждают: происхождение сознания — это великая тайна, которая может быть объяснена только через понятие Творца.

И встает вопрос — а что, с развитием науки мы стали лучше? Добрее? Справедливее? Наука сделала нас счастливыми? Наука помогла обойтись XIX и XX столетиям без войн, без страданий, внесла в мир полную гармонию? Да, мы создали себе гораздо более комфортные условия жизни, нежели пятьсот лет назад. Мы напридумывали кучу бытовых приборов, мы сильно облегчили свою повседневную жизнь. Мы общаемся друг с другом через тысячи километров, а новости получаем в ту же секунду, когда произошло какое-то событие. Мы бесконечно и судорожно «делаем прогресс» (если вспомнить слова В. В. Розанова). Вот это и замечательно, скажут многие. И нас убеждают в том, что это замечательно. Ну, в самом деле, мы можем смотреть голливудский фильм раньше, чем он появится в прокате в самой Америке. Мы надеваем новые ботинки или штаны через день после того, как их сконструировали в Париже, Лондоне или Милане. Мы читаем книги по Интернету, не заходя, даже не показывая носа в библиотеку. Ух, какие мы прогрессивные и современные!

Ну а все-таки, стали мы от этого счастливее? Ведь нет. А «самые цивилизованные» народы, как ни странно, начинают потихоньку вымирать. К примеру, население Западной Европы (уж «цивилизованнее» некуда!) за 2001 г. сократилось на два миллиона человек.

Надежды на науку, на всесилье человеческого разума не оправдались. Больше того, именно с помощью науки человечество создало самые страшные в своей истории средства уничтожения — начиная с атомного оружия и заканчивая химическим. Понятно, что сама по себе наука в этом не виновата, ибо она является порождением разума человеческого и само использование науки в тех или иных целях — это дело человеческих рук. Но отчего зависит то или иное использование научных достижений? Прежде всего от нравственного состояния того или тех, кто принимает решения об использовании научных открытий, об их применении. И вот здесь никак, ну никак нам не обойтись без веры, без Бога, а значит, и без Слова. Того самого Слова, которое принесли нам на славянском языке Кирилл и Мефодий. Того самого Слова, которое спасает... Впрочем, и это очень древняя мудрость. Еще в VI в. до н. э. знаменитый Гераклит Эфесский, тот самый, которому приписывается афоризм «В одну реку нельзя войти дважды», высказал и не менее глубокую, хотя и менее известную мысль: «Многознание уму не научает. . . » А апостол Павел переосмыслил эту истину в христианском духе: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом...»

Сегодня нам всем очень важно поменять оценочную шкалу, изменить сложившуюся в последние триста — пятьсот лет систему ценностей и вернуться к Великим истинам православия. Именно вернуть и вдохнуть новую жизнь в систему традиционных православных рус-

*Святые равноапостольные Кирилл
и Мефодий — просветители славянские*

ско-славянских ценностей. Тех ценностей, на основе которых веками создавались общества и государства, росли и множились народы. Иначе говоря, вернуть в нашу жизнь Истину, привнесенную когда-то Словом. И если наука с помощью человека вернется на путь Истины, если поймет, что «в начале было Слово», то и сама наука и сам человек неожиданно, а вернее, закономерно открывает для себя безграничные просторы познания и понимания главного, что только и должен знать и понимать человек, — смысла жизни. Все остальное ведь — это наносное, вторичное...

Вообще, стоило бы выдвинуть парадоксальный лозунг — «Наука против прогресса!» Думается, что умудренные (не «многознающие», а именно «умудренные»!) мужи науки этот лозунг бы поддержали. Ибо нет сегодня ничего хуже, глупее и опаснее, нежели бездумное, радостно-щелящее превознесение «прогресса» — прогресса как такового, без нравственного совершенствования.

Но мы нынче живем в удивительное время! Сегодня, при всех существующих в России тяготах и разлившихся по нашим просторам страданиях, возник уникальный исторический момент, какового не было на Руси в последние триста лет, когда наука и вера, литература и вера только расходились, разрывая Святоносную силу Слова. Нынче мы можем вернуть Слову его истинный смысл, можем соединить веру и науку, веру и литературу, веру и... нашу жизнь. Эта настоятельная потребность уже понята обществом, пусть еще и не всеми, но многими. Подобная работа идет в науке, в образовании, в журналистике. Эти идеи нынче оказались близки и отдельным государственным деятелям как федерального, так и областного и районного масштабов.

Главное — не упустить время. Не в том отношении, что больше такого времени уже не будет, а мы такие, мол, «уникальные», что

кроме нас этого никто не сделает. Нет, дело в другом. Нам самим надо успеть принять посильное, душевное и честное участие в реализации этой общественной потребности по воссоединению веры и жизни. Иначе будет просто стыдно и больно оттого, что мы оказались в стороне, не помогли, не поддержали. Ведь выстраивая, по крупицам, по бревнышку собирая наш общий русский духовный дом, мы выстраиваем и собственные души. Возвращая Слову его Святоносный смысл — мы возвращаем этот смысл и в собственные души. И в этом есть великая радость, в этом есть великое счастье. Трудное, но счастье.

Русь Святая, храни Веру Православную!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Дом, в котором
жил и скончался
Ф.М. Достоев-
ский (ныне — Куз-
нецкий пер., 5/2)*

Высокие ТЕХНОЛОГИИ

Александр АЛЕКСЕЕВ

БОЕВОЙ АТОМ УГЛЕРОДА

Алексеев Александр Гаврилович — директор по науке ООО «Новые биоинформационные технологии», член Президиума Санкт-Петербургского отделения образования и развития науки РАЕН, академик РАЕН, доктор технических наук, профессор. Награжден почетным знаком РАЕН «За заслуги», премией им. В.И. Вернадского за разработку отечественной технологии «Стелс». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Ученые конца XX — начала XXI века, утверждавшие, что все прогрессивные занятия, связанные с накоплением знаний, идут к концу, что наука, как единая объективная целостность, закончилась, — не напоминают ли тех талантливых, но пугливых древних людей, которые очень долго, зная, что на небе одно Солнце и одна Луна, что у человека две руки и два глаза, удовлетворялись двумя числительными, а все, что выходило за пределы такого «множества», считали таинственным «ничто». Со временем, из этого «множества» стало выделяться еще одно — состоящее из трех предметов. Постепенно натуральный ряд чисел увеличивался. За кажущимся «ничто» появлялось «Нечто», так что позже великий математик древности Пифагор даже заявил, что «все есть Число», и математики во все времена стали претендовать на знание истинной истины, так как математика является единственной областью знаний, где истины открываются, а не выдумываются, причем, только эти истины являются абсолютными, в отличие от физических, которые устаревают и становятся частностями.

Можно в некотором смысле понять огорчение современных ученых, благоговеющих пред гениями прошлых веков, создавших теорию вероятности, квантовую физику, эволюционную биологию и такое оружие массового уничтожения, которое ставит под угрозу жизнь вообще, — ведь все «лучшее» уже придумано. Что же дальше? А, главное, зачем, если кажется, что невозможно создать в науке что-

либо более значительное, чем это уже сделали Ньютон и Эйнштейн, Ломоносов и Королев. Словно в подтверждение этих мнений происходит катастрофическое ускорение научного прогресса, о котором Гюнтер Стент, современный биолог из Калифорнийского университета в Беркли, говорит так: «На самом деле, сумасшедшая скорость, с которой сейчас идет прогресс, делает очень вероятным скорую остановку прогресса, возможно даже на нашем веку, может, через поколения два».

При таких устрашающих рассуждениях, научное направление, называемое устойчивым определением «высокие технологии» и привлекающее сегодня особое внимание ученых, кажется, напоминает тот древний арифметический ряд, которым когда-то открывалась «дверь» в бесконечность математических вычислений. Уже в самом названии «высокие технологии», очевидно, заложен метафизический смысл. О какой высоте можно говорить, если в большинстве случаев эти технологии связаны с микромиром, с элементарными частицами материи, с такими тончайшими процессами, в исследовании которых необходимо учитывать влияние личности исследователя. Осознанно, а скорее всего, интуитивно, по природе человеческой, издревле обожествляющей бесконечность, в названии этого научного направления появилось определение «высокие». В традиционном понимании высокими могут быть горы, небеса, звезды, чувства. Микромир может быть назван «высоким», если ученый видит его Божественное устройство, чувствует онтологически-иерархическую структуру Мироздания. В связи с его названием, кажется, что научное направление «высокие технологии» в нашем апостасийном мире имеет корни духовной традиции.

Подобное мнение, в частности, находит подтверждение в работе кандидата ф.м. наук священника о. Кирилла Копейкина «Христианские аспекты гуманитаризации науки», где он пишет: «именно христианское понимание тварного мира позволяет рассматривать его как своего рода «лестницу» в процессе богопознания и богообщения, а потому является стимулом к познанию самого тварного естества. Действительно, согласно библейскому повествованию мир сотворен Богом, т.е. не является ни иллюзией, ни злом, но «все, что Он создал хорошо весьма» (Быт 1,31). Кроме того, в силу своей тварности, т.е. не-самобытности, все творение сопричастно Божественному бытию и как бы несет в себе «отпечаток руки» Творца. Наконец, факт боговоплощения придает веществу мира возможность опосредовать связь с Творцом. Именно поэтому естественное созерцание — «рассматривание творений» — традиционно было одним из способов в о з в ы ш е н и я ума к Богу, «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1,20).

В связи с таким пониманием науки, термин «высокие технологии», может иметь применение не только в области физико-технической, но в сфере педагогики и психологии, культуры и права, т.е. гуманитарной сфере, где таковым «видимым творением» является человек.

Рубрика «Высокие технологии» предполагает знакомство с новейшими научными достижениями русских ученых в естественных и гуманитарных науках, способствующими овладению отечественной наукой передовых позиций на благо России.

Первая статья академика РАН Алексева А.Г. посвящена проблеме, о которой сегодня слышал, наверное, даже каждый школьник, а внимание к ее приоритету привлек президент России В.В. Путин, назвавший исследования в области нанотехнологий — первоочередным научным направлением. Так что же скрывается за этим таинственным словом — нанотехнологии?..

Редакция

Боевой атом углерода

На заседании Итальянского общества развития науки 21 сентября 1929 года учитель выдающегося физика Энрико Ферми академик Корбио сказал пророческие слова: «Итак, даже если в физике обнаружится тенденция к насыщению, работа над приложением физики в других дисциплинах, например, в биологии может привести к результатам величайшего научного и практического значения при условии, что такая работа будет вестись на высоком профессиональном уровне, с использованием ресурсов современной физики». Наилучшим подтверждением этой мысли явилось открытие фуллереновых наноструктур, удостоенное Нобелевской премии в 1996 году, которое состояло в установлении того факта, что углерод один, без посторонней помощи, образует молекулы в форме усеченного икосаэдра и более крупные геодезические клетки. Углерод изначально, с момента возникновения Вселенной, обладает этой способностью к самопроизвольной сборке молекул фуллеренов. В углероде запасена способность к созданию в трехмерном мире химически стабильных наноструктур — двумерных мембран толщиной в один атом.

По размеру наноструктуры занимают область между атомами и макроскопическими телами. Это масштаб порядка 10–100 атомных размеров.

1 нанометр (нм) = 10 Ангстрем = 10^{-9} метра

Атом водорода 0,05 нм

Микропроцессоры 130 нм

Видимый свет 600 нм

Поведение вещества на этих масштабах отличается замечательным многообразием свойств, так как свойства нанообъектов критически меняются от размера и/или числа атомов. Эти особенности наномира обуславливают разнообразные перспективы создания новых материалов и принципиально новых приборов.

Переход от микротехнологий к «нано» — это не количественный, а качественный переход в истории человечества. Это переход

от манипуляции веществом к манипуляции отдельными атомами, молекулами и кластерами, что и дает основание для цивилизационной роли нанотехнологий, изменяющей практически весь спектр технологического уклада — от медицины и военной безопасности до космической техники. Пример новой составляющей универсальной технологии: конец XX века принес человечеству «информационные технологии».

Информационные технологии и нанотехнологии тесно связаны: при теоретическом изучении наноструктур и их свойств, конструировании наноматериалов, разработок нанотехнологий значительную роль играют методы компьютерного моделирования. С другой стороны, именно с развитием нанотехнологий мы связываем будущий прогресс в материальной базе информационных технологий — электронике.

Авторитетные эксперты, предсказывают, что широкое использование нанотехнологий приведет к следующей промышленной революции, способной драматически увеличить разрыв между отдельными странами и группами стран в их экономической мощи и обороноспособности. Поэтому исследования и разработки в этой области в ряде промышленно развитых стран имеют приоритетную государственную поддержку. Первыми здесь были США, в которых финансирование национальной нанотехнологической программы началось в 2001 году.

В России с 2005 года нанотехнологии — точное название направления «Индустрия наносистем и материалы» — являются одним из национальных приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, и с 2006 года этому направлению придается перво-степенное значение.

В течение столетий наука знала только две формы химически чистого углерода: алмаз и графит. Сейчас мы знаем, что в сильно неравновесных условиях углерод способен самоорганизовываться в новую форму организации вещества — фуллереновые наноструктуры. Они представляют собой стабильные полые конструкции нанометрового размера, ограниченные поверхностями разной топологии: это топология сферы для фуллеренов и топология цилиндров для нанотрубок. Каждая из наноструктур конечна, что отличает их от классических форм углерода — графита и алмаза, идеальная структура которых заполняет все пространство.

Фуллерены были открыты в 1985 году в ходе экспериментов по изучению масс-спектров продуктов лазерной абляции углеродных мишеней в атмосфере гелия, которые выполнялись в связи с проблемой межзвездного вещества. Свое название фуллерены получили по имени американского архитектора В. Фуллера, который строил свои сооружения в виде геодезических куполов.

Фуллерены представляют собой полые кластеры, замкнутая поверхность которых образована правильными многоугольниками,

пятиугольниками и шестиугольниками, в вершинах которых расположены атомы. Самый яркий представитель класса фуллеренов — C₆₀ — состоит из 60 атомов углерода, его поверхность образована 12 пентагонами и 20 гексагонами. Он напоминает футбольный мяч, но с диаметром — 7,4 ангстрем. Обнаружены и более тяжелые фуллерены, состоящие из 70, 76 атомов углерода и так далее, до 900 атомов.

Настоящий бум в исследовании фуллеренов возник через пять лет после их открытия, когда в 1990 году немецкие физики предложили метод получения их макроскопического количества из графитовых электродов в электродуговом разряде в атмосфере инертного газа. С этого момента фуллерены стали гораздо более доступны для исследователей (Kraetschmer W, 1990).

На фуллеренах удивительные открытия новых углеродных наноконструкций не закончилось. В 1991 г. в Японии было обнаружено существование нанотрубок, представляющих собой полый цилиндрический кластер, позже в Швейцарии были открыты онионы — многослойные сфероидальные наночастицы, значительно превышающие фуллерены по размеру. В настоящее время предпринимаются значительные усилия по синтезу неуглеродных фуллеренов и нанотрубок, прежде всего из кремния.

В результате фундаментальных исследований фуллереновых наноструктур формируется новое содержательное представление о статусе углерода среди химических элементов и новый взгляд на фундаментальные процессы, происходящие с его участием в живой, не использующей фуллереновые наноконструкции, и неживой природе. Представляется перспективным путь формирования новых наносистем комбинированной архитектуры, подразумевающей подражание молекулярным нанотехнологиям живой природы, но использующей искусственно созданные фуллереновые наноконструкции. Такой подход является конкретной реализацией концепции нанобионики.

В настоящее время среди направлений, в которых ведутся прикладные разработки с использованием фуллереновых наноструктур, выделяются следующие:

- новые классы сверхпроводников, полупроводников, магнетиков, сегнетоэлектриков, нелинейных оптических материалов;
- новые классы полимеров с заданными механическими, оптическими, электрическими, магнитными свойствами;
- новые классы специальных полимерных ферромагнитных покрытий для электромагнитной безопасности и электромагнитной экологии;
- новые типы экологически чистых химических источников энергии;
- эмиттеры для нового поколения эмиссионной электроники и рентгеновских трубок;

- капсулы для безопасного захоронения радиоактивных отходов;
- принципиально новые классы лекарственных веществ, отличающихся как по химической структуре, так и по механизму воздействия.

Сейчас с фуллеренами, нанотрубками и другими подобными наноструктурами связывают прогресс в новых материалах, электронике, молекулярных роботах и супрамолекулярных машинах, механических наноустройствах и в других не менее важных и интересных приложениях. Например, развитие нанотехнологий с применением белковых, липидных молекул, нуклеиновых кислот или их синтетических аналогов дает возможность создавать новые высокочувствительные и дешевые системы для диагностики, а также системы для доставки лекарств к клеткам-мишеням, например раковым клеткам или целым органам. Основными приоритетами в России в области нанотехнологий для медицины являются [3,4]:

- разработка, создание и развитие новых нанотехнологических систем для диагностики;
- создание наночастиц как контейнеров для доставки, в том числе управляемой, лекарств;
- использование модифицированных фуллеренов как нового поколения лекарств.

Таким образом, результаты мировых исследований конца XX века превратили нанотехнологии в могучий междисциплинарный комплекс. По всему миру над его развитием работают коллективы ученых в области физики, химии, биологии, материаловедения, инженерных дисциплин. Уже получено огромное количество результатов, имеющих как фундаментальное значение для понимания свойств вещества на наноуровне, так и прикладное значение для создания новых способов манипулирования атомами и нанокластерами, получения наноструктур и наноструктурированных материалов. Наиболее значительные достижения были получены в областях наноэлектроники, нанофотоники и оптоэлектроники, полимерной электроники, биосенсорики, наноэлектромеханических систем, спинтроники и военной техники. В опубликованной в 2006 году издательством «Техносфера» книге Ю. Альтана «Военные нанотехнологии» приведен систематический обзор потенциальных военных приложений нанотехнологий в мире. В книге приведены программы по научным разработкам в области нанотехнологий, осуществляемых и планируемых в США и в ряде других развитых стран мира. В этих разработках одной из ведущих проблем является создание технологии, получившей общемировое название «Стелс», которая позволит сделать корабли, самолеты и другую военную технику малозаметными для систем обнаружения противника, а также разработать систему методов обороны против ее применения противником. В основу этих разработок положены новые типы маскировочных и защитных покрытий, которые могут

использоваться и для решения задач электромагнитной безопасности военного персонала и экологии.

Научный приоритет России в подобных разработках был подтвержден в 2004 году, когда президиум Российской Академии наук присудил доктору физико-математических наук Московского физико-технического института Виктору Веселаго специальную премию им. В.А. Фока за цикл работ, признав их важнейшую роль в создании теоретического базиса нового направления физических исследований в этой области.

Литература:

1. *Алексеев А.Г., Козырев С.В.* «Нанотехнологии в современном мире — от электроники к нанобионике». Вестник РАЕН, 2003, N7(1), с. 38–48
2. *Алексеев А.Г.* и др. «Медицинская магнитология и нанотехнологии», СПб, изд. «АССПИН», 2004.
3. *Пиотровский Л.Б., Киселев О.И.* «Фуллерены в биологии», СПб, ООО «Издательство «Росток», 2006.
4. «Нанотехнологии и наноматериалы», М, ГУП «ИЦП», 2005.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Мемориальная доска на доме, где в 1834-1836 гг. жил А.С. Пушкин (ныне — набережная Кутузова, 32)

Вид на последнюю квартиру А.С. Пушкина (ныне — набережная Мойки, 12)

ПРОЗА

**протоиерей
Николай АГАФОНОВ**

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

рассказы

Протоиерей АГАФОНОВ Николай — родился в 1955 году на Урале. Школу закончил в Тольятти, служил в армии. Закончил Московскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию, был назначен ректором Саратовской Духовной семинарии. С 1997 г. возглавлял в Волгоградской епархии миссионерский отдел и построил две плавучие церкви, за что был удостоен награждения орденом Святого Иннокентия. **Живет в Самаре.**

Безработный

Инженер Полетаев Евгений Николаевич стоял, облокотясь на каменный парапет набережной, и смотрел в воду. Вода уносила медленным течением вместе с падавшими в нее желтыми осенними листьями и каплями дождя. Этот дождь моросил однообразно, скучно, по-осеннему с утра и всю прошедшую ночь, и вчера, и третьего дня. Полетаеву стало казаться, что пасмурная погода будет длиться вечно. Везде сыро, серо, беспросветно, как, впрочем, и сама жизнь. Сегодня его супруга, всегда такая тихая и скромная, вдруг впала в неистовство, когда дочка подошла к ней и попросила денег на школьный завтрак. Что же тут началось, Боже мой: слезы, истерические выкрики. Чего только не услышал Полетаев в свой адрес. Что он никчемный человек, эгоист, которому нет никакого дела до семьи, и тому подобное. Он пытался оправдываться: где, мол, найдешь работу, везде на производствах сокращения. «Сделай что-нибудь, — плакала жена, — так дальше жить невозможно». «Действительно, невозможно», — подумал Полетаев и, хлопнув дверью, ушел. Его взяла такая досада, такое отчаяние на жену, на себя и на всю эту, как ему казалось, никчемную жизнь. Опять зашел в какую-то фирму насчет работы, но дальше вестибюля не прошел, охранник выгнал. Домой возвращаться не хотелось. Да и что он скажет Люсе, своей жене. Потому бесцельно

ходил по городу. На одном из импровизированных рынков увидел бывшего своего мастера цеха Уткина, торговавшего на лотке гайками, шурупами и прочей мелочью. Поболтали о том, о сем, Полетаев посетовал на жизнь, тот посоветовал ему заняться торговым делом.

— У меня такое впечатление, что вся страна чем-то торгует, — с досадой сказал Полетаев.

— Так оно и есть, — весело подтвердил Уткин.

— Но если все только торгуют, то кто же все это тогда покупает?

— Друг у друга и покупаем, — не задумываясь, ответил тот.

— Идиотизм какой-то, — пробормотал Полетаев. — Я инженер автоматизированных поточных линий, почему я должен торговать? Мое дело — производить товары, пусть торгуют те, другие, кто этому обучался.

Теперь, дойдя до набережной, он просто стоял и смотрел в воду. Почему-то вспомнилось изречение Гераклита, что в одну и ту же реку нельзя ступить дважды. «Не прав этот Гераклит, — подумал Полетаев, — я хоть сто раз могу ступить в одну и ту же реку. Река остается рекой, какие бы струи воды в ней ни протекали и в какие бы цвета в зависимости от погоды и времени дня эти струи ни окрашивались. Вода в ней меняется, но само понятие «река» неизменно. А вот утонуть в одной и той же реке дважды нельзя, — размышлял он, — утонул — «и все твои печали под темною водой», — вспомнил он слова песни Аллы Пугачевой. Вода вдруг стала чем-то манящим и притягивающим к себе, как бы указывая на выход из тупиковой ситуации. Все очень просто, надо приложить немного усилий, перевалиться через парапет и уйти из неприятного, холодного мира, где ты никому не нужен, где только одни нерешенные проблемы. Как он это только подумал, на него сразу как будто что-то навалилось, пригибая ниже и ниже к воде. Он подтянулся повыше, лег животом на гранитный парапет и стал клониться головой вниз. Ноги уже чуть-чуть оторвались от асфальта, когда рядом с собой он услышал бодрый старческий голос:

— Прескверная погода, молодой человек, неправда ли? Как Вы думаете, за что же Пушкин любил осень?

Ботинки Полетаева вновь обрели твердую почву под ногами. Он, выпрямившись, повернулся к говорившему с чувством раздражения. Перед ним стоял старичок в сером плаще, в ботинках, в старомодных калошах, в сером берете, под зонтом.

Старик улыбался. Добродушная улыбка вступала в явное противоречие со всем окружающим миром осеннего увядания, противоречила и побеждала его.

— «Унылая пора»... Ну что мог любить в унылой поре Александр Сергеевич?

Незнакомец нагнулся и поднял с асфальта красный кленовый лист, повертев его, продолжил:

— «Люблю я пышное природы увяданье. . . » Если бы просто увяданье, то это любить нельзя. Но Пушкин добавляет только одно прилагательное «пышное», и сразу все становится иным. Одним словом — гений. Извините, не представился — Геннадий Петрович Суваров, бывший преподаватель Ленинградского государственного университета, теперь пенсионер.

— Евгений Николаевич Полетаев, бывший инженер, теперь безработный, — в тон ему представился Полетаев и спросил:

— Вы, наверное, литературу преподавали?

— А вот и не угадали. Я, молодой человек, физик-математик, а супруга моя, Ксения Александровна, та, действительно, литературу преподавала. Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. За почти полвека совместной жизни и я стал немного филологом, чего не скажешь о Ксении Александровне: как не любила физику, так и сейчас не любит.

Удивительно, но раздражение у Полетаева куда-то улетучилось. Было видно, что старому физику хочется с кем-нибудь поговорить, да и самому Полетаеву некуда было торопиться. Старик, обрадовавшись благородному слушателю, продолжал:

— Супруга моя Ксения Александровна в церкви на службе, — он указал на храм через дорогу.

Странно, но Полетаев заметил храм только сейчас, хотя шел сюда именно по этой улице.

— А у меня не получается всю службу отстоять. С Богом-то примирился, а к храму привыкнуть пока еще не могу.

— Как, то есть, примирились? — не понял Полетаев.

— В том смысле, что я раньше в Него не верил, то есть атеистом был, сами понимаете — физико-математический факультет, а теперь поверил в Бога, значит, примирился.

— Что же Вас к этому подвигло, супруга, наверное, повлияла? — заинтересовался Полетаев.

— Может, в чем-то и супруга, но серьезно задуматься над этим вопросом меня заставил мой коллега. Было это еще в советские времена, у нас один молодой талантливый физик вдруг во всеуслышание объявил о своей вере в Бога и ушел в Церковь. Как-то мы с ним повстречались на улице, поздоровались и не знаем, о чем дальше говорить, аж неловко стало. Но он заговорил первым:

— Вас, наверное, Геннадий Петрович, удивил мой поступок?

Я говорю:

— Да, конечно, ведь не каждый день от нас физики уходят. Но почему, почему Вы верите в Бога?

— Почему? — переспросил он, глядя мне прямо в глаза. — А почему Вы в Него не верите?

Я растерялся, поняв, что не могу ему ответить ничего вразумительного. Вот тогда-то я серьезно и задумался над этим вопросом. Я ведь

математик и прекрасно знаю, что как положительные, так и отрицательные суждения в одинаковой мере нуждаются в доказательстве.

— Но почему Вы пришли к заключению, что Бог существует? Ведь Вы же физик, в конце концов, — недоумевал Полетаев, — а физика — это наука, формирующая у нас представление о мире и материи.

— Правильно мыслите молодой человек, но мы не учитывали, что:

*Физика — опасная наука,
Для материалистов не порука.
А еще нашла родного братика
Атомного века — математику,
И вдвоем они ведут дорогу
Прямо к Богу, —*

торжественно произнес Геннадий Петрович, подняв указательный палец вверх.

— Это Вы сами сочинили?

— Не я, конечно, — засмеялся старый профессор, — но поверьте мне, это стихотворение отражает подлинные проблемы современного естествознания.

— А нас в школе убеждали, что вера в Бога появилась у первобытных людей от незнания законов природы, — как-то неуверенно произнес Полетаев.

— Хе-хе-хе, — сотрясался от смеха профессор, — не знаю, что там было в головах у этих дикарей, но точно знаю одно, что если мы даже будем знать все законы Вселенной, и все в мире этими законами сможем объяснить и разъяснить, двух вещей с помощью науки мы объяснить никогда не сможем: первое — откуда появился этот самый мир, и второе — кто дал эти законы. Вот так-то, молодой человек. Вот и моя Ксения Александровна идет.

К ним направлялась очень милая, интеллигентная старушка в старомодной шляпе. Профессор представил их друг другу и, когда они поздоровались, она, пожимая Полетаеву руку, сказала, как будто обращалась к давнишнему знакомому:

— Милый Евгений Николаевич, Вас, наверное, мой супруг замучил стихами об опасной науке да рациональным доказательством бытия Божия? Поверьте, самые сильные доказательства не в области разума, а в сердце человека. Пойдите сами в храм и постарайтесь увидеть то, что невозможно увидеть глазами, и понять то, что невозможно понять разумом, и тогда Ваша жизнь изменится. Вы вдруг поймете, что до этого момента Вы не жили, а существовали.

Они попрощались с Полетаевым и пошли под одним зонтом вдоль набережной, о чем-то беседуя. Полетаев долго смотрел им вслед, затем решительно повернулся и пошел в храм.

Самара, октябрь 2002 г.

Чудо в степи

Один, второй, третий толчок, наш «Жигуленок» буквально сотрясало от неожиданных порывов ветра. Мы ехали по степной дороге от города Камышина в Саратов. Ветер дул со стороны Волги в правый бок автомобиля. Казалось, что как будто огромные ладони какого-то невидимого великана мягко, но сильно толкают нас в бок, забавляясь автомобилем, как игрушкой. За рулем сидел хозяин машины Сергей Булхов. Находясь с ним рядом, я чувствовал себя спокойно, так как знал: машина в надежных руках опытного профессионала. Сергей работал водителем такси в Волгограде. Старую двадцать четвертую «Волгу» с шашечками, на которой он трудился, можно было нередко видеть возле Казанского собора, куда он приезжал на службу. Там мы с ним и познакомились.

Часто беседа на богословские темы, я наблюдал, как он возрастал духовно от силы в силу и радовался за него. Парень он был на редкость сообразительный и умный. Правда, чувствовалось влияние на него индийской теософии с ее йогой, которой, по-видимому, он увлекался до прихода в Церковь, но через это прошли многие не-офиты. Я дал ему книгу по исихазму и умной Иисусовой молитве: она стала его настольной книгой. Решил свозить его в Саратов, чтобы представить архиепископу Пимену как возможного кандидата к рукоположению во священника. В Саратов поехали на машине. Если бы мы знали, что с нами может приключиться, то непременно бы сели на поезд. Теперь вот мчимся по заснеженным степям Поволжья, и чувство беспокойства невольно охватывает наши души.

До Камышина мы добрались благополучно, надеясь, что и дальнейший путь у нас протечет также гладко. Но в этом мы жестоко ошиблись. Вслед за порывами ветра посыпал снег. Сергей обеспокоенно произнес:

— Как бы нам, отец Николай, не пришлось в степи ночевать. Может, повернем назад?

— Обидно, — говорю я, — больше половины дороги проехали. Может, распогодится, и, даст Бог, доедем.

Сумерки спустились быстро. Дорога то ныряла вниз затяжным спуском, то поднималась вверх. Когда мы поднялись на очередной холм, перед нами открылась картина: множество огней вдаль вереницей уходили за горизонт. Подъехав поближе, увидели, что это были большегрузные «КамАЗы» с прицепами. Мы вышли из машины, спросили: почему все стоят? Водитель крайнего грузовика, матерясь через каждое слово, объяснил нам, что дальше дороги нет, все занесено, и они будут ждать до завтра прибытия тракторов.

Про нас он вообще сказал, что мы ненормальные, что когда вернемся домой, нам надо сходить к психиатру провериться. Мы повернули и поехали назад, в Камышин. Снег все усиливался. Ветер

лепил в нас такие хлопья, что стеклоочистители едва справлялись. Видимость ухудшилась до того, что ехали почти что на ощупь. В некоторых местах дорога была перенесена снежными заносами. Эти заносы все чаще стали встречаться нам на пути, и Сергей их таранил, пробивая на скорости. После одного из таких таранов автомобиль развернуло поперек дороги так, что носом он уперся в один сугроб, а сзади его подпер другой сугроб.

— Все, отец Николай, кажется, мы с Вами, как говорится, приплыли: ни взад, ни вперед, — сказал обреченно Сергей.

Мы вышли из машины. Сильный порыв ветра сорвал с меня меховую шапку и, зловеще свистя, унес ее в снежные дали.

На Сергее была лыжная шерстяная шапочка, которую он натянул до самых глаз. Я залез в машину, вытащил из портфеля скуфью и водрузил ее поглубже на свою голову. Рассчитывая от дома до Епархиального управления ехать в теплых «Жигулях», я не удосужился обуть зимние ботинки, вырядившись в демисезонные туфли.

— Через два часа нашу машину занесет снегом полностью, если мы не выберемся куда-нибудь на пригорок, где продуваемое открытое пространство и снегу не за что задерживаться. Уходить куда-то в степь, искать селение — тоже верная смерть, — подытожил Сергей, скептически глянув на мои ботиночки.

Мы стали ногами отгребать снег от машины и рывком, поднимая задок, старались закинуть его влево. Несмотря на невероятные усилия, за один раз нам удавалось продвинуть машину на один-два сантиметра. Окончательно выдохнувшись и задубев, мы садились в машину, включали двигатель и отогревались. Затем вновь продолжали свою работу. Ценой огромных усилий нам удалось развернуть машину так, что можно было ехать вперед. Проехав немного вперед, мы увидели чистую, ровную площадку дороги и остановились на ней. Здесь же стоял кем-то брошенный «газон» с будкой, закрытой на всякий замок.

— Тут будем стоять до утра, — сказал Сергей, — там видно будет. Но у нас, батюшка, другая проблема, и очень серьезная. Бензин на исходе, когда закончится, мы тут окочуемся с холоду. Помощи, по видимому, ждать неоткуда, трактора подойдут сюда только днем. Так что, можно писать завещание родным и близким.

При этих словах мне почему-то припомнилась песня про ямщика, который, замерзая в степи, отдает последний наказ товарищу. Мы очень любили с друзьями петь эту песню во время праздничных застолий. Распевая ее протяжно, не спеша, наслаждались гармоничным созвучием разных голосовых партий. Когда мы пели ее в теплом уютном доме, смерть ямщика казалась такой романтической, умирительно-грустной. Но теперь, когда сплошное белое море бушевало над нами и вокруг нас, заслоняя весь Божий мир, так что реальными казались только этот буран и снег, мне петь несколько не хотелось.

И умирать, когда тебе вскоре должно исполниться только тридцать три, тоже не хотелось.

— Ты знаешь, Сергей, нам с тобой надо молиться святому Николаю Угоднику, ибо спасти нас может чудо, а он — Великий Чудотворец.

И для убедительности я рассказал про чудо святителя Николая, которое он сотворил в 1978 году. Я тогда еще служил в Тольятти диаконом и один раз, отправляясь в Москву на экзаменационную сессию, безнадежно опаздывал на поезд. Когда я сел в такси, до отправления поезда оставалось пять минут, а ехать до вокзала, минимум, двадцать минут. Тогда я взмолился своему небесному покровителю, чтобы он сотворил чудо. Чудо произошло: когда мы приехали на вокзал, поезд стоял там двадцать минут из-за того, что у него заклинило тормозные колодки. За неявку на сессию мне грозило самое большое — отчисление из семинарии, а теперь на кону стояли наши жизни. После моего рассказа стали мы с Сергеем усердно молиться Николаю Чудотворцу. Из снежной пелены выплыла огромная машина — трехосный «Урал» и остановилась. Мы стали водителю объяснять нашу проблему. Он молча протянул нам двадцатилитровую канистру бензина. Когда я подавал ему пустую канистру назад, то спросил его:

— Скажи, добрый человек, как хоть твое имя, чтобы мы могли помянуть тебя в молитвах? Уже отъезжая, он крикнул в приоткрытую дверцу:

— Николаем зовут.

«Урал» растаял за снежной завесой, а я еще долго стоял, не в силах прийти в себя от случившегося.

Утром буран успокоился, Сергей надел на задние колеса цепи, и мы, пробившись до Камышина, благополучно возвратились в Волгоград.

ПОЭЗИЯ

Владимир МАРУХИН

СЛИЯНЬЕ РУССКИХ СИЛ ДАЕТ ПОБЕДУ...

(из поэмы ЗАТМЕНИЕ)

Марухин Владимир Степанович — член Союза писателей России, автор трех поэтических книг, председатель «Военно-художественной студии», награжден медалью Суворова. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Молюсь за упокой, стары слова,
Душа печалится, но утешает сладко
Сознание того, что Русь жива,
Что русский дух — до сей поры загадка,
Которой так боится ворог-бес,
Перед которой вновь бессильны тати:
Пошел на смерть за православный крест
Русоволосый худенький солдатик.
Ушел он в тот простор нездешних мест,
Где встречу ему выходит Богоматерь...*

В. Ефимовская,
«Памяти Евгения Родионова,
казненного чеченскими боевиками,
местночтимого святого»

1

День Победы — это значит,
Что за праздничным столом
Мой отец поет и плачет
О военном, о былом...
Вспомнит бой неравный,
Адский,
Но молчаньем обойдет
Личный подвиг свой солдатский,
Плавню песню заведет:
«Край алтайский весь заснежен,
Грузди в кадках солонь...
Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...»

О своем сиротском детстве
Что прошло в краю глухом,
О работе с малолетства
На деревне пастухом
Говорил он, словно повесть
Детям горькую читал:
«В жизни было все,
Но совесть
Никогда не продавал.

За Россию выпьем, братцы,
Чтоб жива всегда была.
За нее сегодня драться
Ваша очередь пришла!
Знайτε, наш народ в блокаде
От Крещения Руси...
Не убий и не укради,
Православный крест неси!

Русских воинов работа —
Быть на боевом посту,
Хоть приходится и туго...
Вот в Чечне шестая рота¹
Удержала высоту
И родной земли, и духа...
В вечной жертвенности вижу
Ключ народного пути:
Победить — не телом выжить, —
Духом надо превзойти!»

2

Бросил Бог в сырую землю
Горсть отборного зерна.
Всходы новые приемля,
Помолись о них, страна!
Ведь на русскую Голгофу
Вел Господь бойцов отряд.
О какой же катастрофе
Нам сегодня говорят?

Пьем за то, что дух не сломлен,
И его не сломит враг,
Пьем за то, чтоб каждый помнил:
Подвиг роты — Божий знак!

БЛОКАДА

*...И родину народ сам выволок
на гноище, как падаль.*

М. Волошин «Мир»

1

Как жить? Полрода —
в ближнем зарубежье.
Две родины, как две горы, близки.
Но был жестоко
предан в Беловежье

СОЮЗ

и там —
разрублен
на куски...
Народ не ждал печального итога.
Природа чует мрак людской тоски,
А мы — глухие,
Коль не слышим Бога...

Арал свернулся и ушел в пески;
Резня, погромы и землетрясения;
В Чечне война — в России наводнения
Безжалостно смывают города,
И вымирает наше население
От нищеты, позора и стыда...
Но не одна приходит в дом беда:
Нас миллионы русских за границей
В изгнании остались навсегда,
А все, за что отцам пришлось бороться,
Развеяли по ветру инородцы:
И отделились, и передрались...

Не потому ли нас,
Советских граждан,
В места, где наши предки родились,
Теперь с неутолимой тянет жаждой?
И даже там, на дне чеченских ям,
Стремленья не избыть к родным корням.
Мы в собственном отечестве — в плену
У тех, кто, подчиняясь иностранцам,
На торжище свое ведут страну —
Великое российское пространство,
Дарованное волею Творца...

Я плачу над могилою отца...
К ней припадая, словно к роднику,
Как в детстве
слышу «Слово о полку...»²:
«Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч! —
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!»

2

Так холоден и точен сей упрек,
Что у меня невольно сердце стынет:
В шедевре древнем вижу между строк
Предупреждение нам,
Живущим ныне...
Был город Грозный
сдан для пушей розни

¹ А.А. Шевелев. «Памяти Василия Шукшина».

² Перевод Н.А. Заболоцкого.

Народов, населяющих Россию,
Чтобы ее навеки обессилить...
Мне снятся сны об Иоанне Грозном!

Могилы прадедов зовут на Дон,
Где множество моих однофамильцев,
Где б жил и я, себе построив дом,
Да мать стара, и я ей — за кормильца.
Так сердце колет, как стрелой задело,
Там побывать — мое святое дело!

Быть может,
пращур мой здесь лег однажды
Под саблю татарскою кривой...
О, Господи, помилуй,
Как я стражду
И ныне слыша чужебесный вой
Врагов России. В их душонках узких —
К нам ненависть с кощевых времен,
И потому нам путь такой сужден:
Смирить орду воинственных племен
И научить их говорить по-русски,—
Всех, кто с настырным
жадным постоянством
Веками жаждет русского пространства!

СЛИЯНИЕ РУССКИХ СИЛ

*Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Н. Рубцов «Видения на холме»

1

Поднять бы тяжкий пласт
родной землицы, —
Просеять жизнь былую по крупице,
Дух вечный отделить от бранных тел,
Великие дела — от мелких дел.
Откуда мы и кто — я знать хотел...
Я — на Непрядве.
Тихие места.
О Куликовской битве лишь зарницы
Напоминают,
Сладко сердце рая,
Ведь перед Богом Русь моя чиста,
Ее избрал Он вечным полем брани
И дал Святого Духа причаститься...

Россия повторяет путь Христа!
Я — русский, значит, я — Его частица!
В сраженье за Россию беззаветно,
Как в фокус,
мы вошли к плечу плечом
Частичками рассеянного света,
А вышли — ослепительным лучом!
Я свято верю в то,
Что князь Донской
Прозрел духовно крестоносцев Рима,
Как рушится под ними лед Чудской,
Провидел Курской согнутых дугой
Иных врагов Руси необозримой.
И верил Дмитрий,
Собирая рати
В Великорусскую — от Бога — твердь,
Что за Христа всегда пойдет на смерть
И Пересвет, и худенький солдатик...

2

Что ж так тревожно нынче на Руси?
Любой беде открыты настежь двери:
Страна сто лет во власти темных сил,
Что привели к паденью двух империй!

У лжеучений и чужих «мессий»,
К которым Русь доверчива без меры,
Все та же цель: смещение оси
У планетарной православной веры.
От века вреден нам чужой кафтан,—
Наш век у нас своих иуд рождает:
В родной стране

мы терпим вражий стан,
Который ей распадом угрожает...
Но к нашим предкам — витязям Руси
По вере и победы возвращались...
Твоих людей, о Господи, спаси,—
Дай свет, которым битвы освящались!

Взойдет ли вновь победная заря?
Кому сегодня можно поклониться?
Упасть к ногам иного лжецаря?
От нас все дальше древние зарницы...

Мы — на распутье...
Каждый для себя
Творит свою, не общую молитву...
Мы были прежде ратью монолитной,
Друг друга слыша, чувствуя, любя
И даже друг за друга умирая!

О, Родина! Какою ты была!
Как слушал Бог твои колокола,
На твой народ с любовью взирая!

3

Тревожен тонкий посвист в ковылях
Донской степи и там,
В долине детства;
Дымит полынь в отеческих полях,
И я лишен покоя с малолетства,—

В места,
Где наши предки родились,
Всегда с невыносимой тянет жаждой!
Благословен тот будет час однажды,
Когда мы в путь далекий собрались.
И я иду по Игореву следу,
И вместе с ним я пью донскую синь...

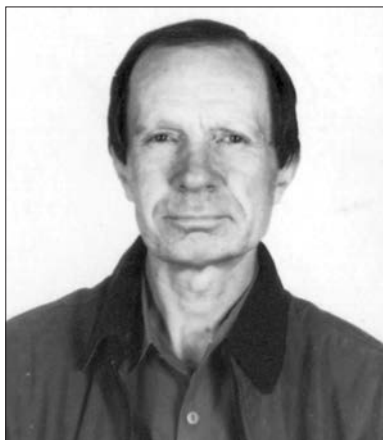
Слиянье русских сил дает Победу!
Так не оставь нас, Господи! Аминь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*Дом, в котором
жила сестра
Н.А. Клюева и
где встречались
Есенин и Клюев
(ныне — набережная
Фонтанки, 149)*

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Валентин СЕМЁНОВ

ПРОПАГАНДА ПОРОКА И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Семёнов Валентин Евгеньевич — доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

В процессе идейной перестройки, психологической трансформации, социальных конфликтов 90-х годов уже прошлого века на какое-то время само понятие воспитания почти исчезло из системы отечественного образования и молодежной политики, не говоря о деятельности СМИ, одной из главных функций которых во всем мире является социализирующая. Многие, в том числе на государственном уровне, вдруг забыли, что составляющими общего процесса воспитания являются трудовое, патриотическое и нравственное воспитание. Поворотным моментом в преодолении этого очередного заблуждения стало постановление Правительства РФ N 122 от 16 февраля 2001 года о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». В июле 2005 года появилось новое постановление Правительства об аналогичной программе на 2006-2010 годы и вышла сама программа¹.

Но что же происходит с нашей молодежью в конце XX — начале XXI веков? Какие жизненные ценности, социальные установки, особенности ментальности (образа мыслей и настроений) проявляются у молодых людей? В целом, результаты социологических и социально-психологических исследований молодежи,

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.». М., 2005.

проведенных сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ под руководством и при участии автора данной статьи в 1999-2006 гг. в Петербурге, Ленинградской области и других регионах, позволяют сделать вывод, что у большинства молодых людей выявляется мозаично-эклектический псевдоменталитет, то есть отсутствие какой-либо более или менее четкой логичной картины мира, системы ценностей, норм и установок, явные противоречия в сознании.

Поэтому настоящей необходимостью является формирование целостной системы воспитания и социализации молодежи.

Однако, главным препятствием в реализации общественного воспитания молодежи в настоящее время является противоречие между его просоциальным, нравственным характером и антисоциальными, аморальными, условиями отечественных не цивилизованных рынка (как в сфере труда, так и потребления), инфраструктуры досуга и СМИ, вопиющие противоречия между сверхбогатыми и крайне бедными слоями населения.

Современный молодой человек в России, с одной стороны, находится в более или менее нормальной нравственной обстановке семьи, школы, высшего учебного заведения, работы (прежде всего, на государственных предприятиях), а с другой стороны, покинув эти «оазисы», — на улице, в транспорте, в сфере развлечений и досуга он оказывается в совершенно иной атмосфере. Его окружает навязчивая двусмысленная реклама, иногда переходящая все нормы элементарной этики, ключевыми словами которой являются «наслаждение», «соблазн», «искушение». Активно рекламируются алкоголь, пиво, сигареты, сомнительные для здоровья напитки (всевозможные «колы», джин-тоники, «энергетические» напитки и т.п.) и продукты. Визуальный и вербальный (словесный) ряды этой рекламы порой просто поражают своей агрессивностью и вульгарностью, навязыванием антисоциального поведения по хамскому принципу «бери от жизни все» (слоган рекламы «Пепси-колы»).

Повсюду на улицах больших и малых городов подмигивают огоньки множества казино и залов игровых автоматов (в развитых странах убранных в специальные кварталы или «городки порока»), стимулирующих алчность к незаработанным несправедным деньгам, вечерами начинают действовать многочисленные дискотеки, ночные клубы и бары, развлечения в которых весьма мягко называются эротикой. Во всевозможных многотиражных изданиях можно обнаружить рекламу неких массажных салонов и салонов тату, завуалированную рекламу наркотиков и проституции и открытую рекламу аборт, в том числе, на самых поздних сроках (тем не менее, данные нашего исследования свидетельствуют, что 53% молодых петербуржцев считают аборт убийством человека). Индустрия и реклама современной моды

также отличается экстремизмом и садомазохизмом (пресловутый пирсинг).

Но все это меркнет перед «желтой» продукцией СМИ — телевидения, радио, прессы. Газетно-журнальные и аудио-видео-киоски на улицах, в метро, универсамах пестрят обнаженными телами, вызывающими позами, кричащими сенсационными заголовками — о преступлениях, извращениях и пороках, а также чудовищной видео-продукцией (фильмы, насыщенные жестокостью и садизмом, порнографией и извращенным сексом). Радиоэфир забит негативными, бесконечно повторяющимися новостями (как будто в стране не происходит ничего хорошего), наркотической и агрессивной музыкой и соответствующими текстами, в том числе криминальным жаргоном и ненормативной лексикой. Как показывает случайная представительная выборка из музыкальных произведений, передаваемых по радио «Россия» (Санкт-Петербург), в 55% случаев звучит зарубежная музыка, преимущественно американского происхождения. Невозможно даже представить нечто подобное во Франции, Китае или Турции, где постоянно поддерживается национальная культура и традиции.

Российское телевидение отличается особой аморальностью и бесчеловечностью. Пошлейшие реалити-шоу, пропагандирующие психологический эксгибиционизм, принцип «все на продажу», и опять же несправедливые, шальные деньги (пресловутый «Дом-2», с «учителем жизни» Ксенией Собчак). Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, нашествие сексуальной пропаганды, в том числе гомосексуальной, особенно поразительной в стране, где смертность в два раза превышает рождаемость. Возможны ли в цивилизованной стране на общественном телевидении передачи, подобные программе «Секс с Анфисой Чеховой» (обидно за фамилию великого русского классика, глубоко нравственного человека Антона Павловича Чехова)? Оказывается, возможны. Но цивилизованное ли это общество — возникает законный вопрос. И как грибы поганки на прочих каналах ТВ размножаются передачи типа «Азбука секса», «Сексуальная революция», «Техника секса» и др.

Среди художественных фильмов на телевидении и в кинопрокате опять же преобладают американские. При этом характерно, что основные жанры американских фильмов: триллер, боевик, ужасы, так называемая эротика — одарили нас такими «прекрасными» героями, как людоед доктор Лектор, кошмарный Фредди Крюгер, всевозможные вампиры и оборотни, роботы-убийцы, жуткие космические чудовища и земные мутанты, бесчисленные маньяки, лесбиянки и геи и прочие садистски и/или сексуально одержимые персонажи. А теперь по этим «образцам» на конвейер поставлена и собственная кино-телевизионная продукция.

Не менее аморальными являются якобы юмористические сериалы об армии вроде «Осторожно, Задов» (о некоем чудовищном дебильном прапорщике). Юмор на российском телевидении вообще приобрел какой-то извращенно-утробный характер.

Поневоле возникает совершенно обоснованное умозаключение, что **деятельность отечественных СМИ подчинена странной сверхзадаче (помимо бизнеса и прибыли), а именно — оболваниванию, зомбированию аудитории**, превращению людей, и прежде всего молодежи, в ту самую римскую чернь, жаждущую хлеба (ныне пива) и зрелищ, то есть в биомассу, которой можно легко манипулировать. Даже на самом интеллектуальном канале нашего телевидения — «Культуре» — идут передачи типа «Культурная революция», наполненные сомнительными и антикультурными внушениями (например, терпимого отношения к нецензурной речи).

В последнее время к развращению молодежи активно подключились и **средства мобильной связи**. Разные компании в программах типа ТВ-неделя, печатаемых миллионными тиражами, дружно рекламируют под лозунгом «Be free!» и «Больше эротики!» цветные картинки, клипы и игры с названиями вроде «Девочкам хорошо вдвоем», «Лесбийские игры», «Любовь геев», «Раздень училку» (в этой игре поясняется: «Впервые наградой за твой ум будет обнаженная учительница»), в другой игре внушается: «Тебя ждет не только моральное, но и аморальное удовлетворение» и т.д. и т.п. и так называемые «прикольные звонки»: «Смех обкуренной свиньи», «Алло, кореша звонят. Бухать пора», «Безумство женского оргазма», «Забористый мат», «Пусть всегда будет водка, пусть всегда будет пиво!» и т.п.

Вся эта **индустрия и инфраструктура порока и пошлости**, действительно, чудовищна и отвратительна. Ее негативное влияние очевидно и на уровне здравого смысла (по нашим данным, 80% населения в Санкт-Петербурге выступает за нравственный контроль над содержанием телевизионных программ) и на уровне психологических исследований². Однако многочисленные обращения педагогов, ученых, просто родителей в СМИ, в Министерства образования и культуры, в Гос. Думу, в правительство, Президенту — пока не имеют никакого эффекта. У нас, мол, демократия, свобода слова и распространения любой информации. В свою очередь, антимонопольная служба, ко-

² Положение молодежи в Санкт-Петербурге (рук. авторского коллектива В.Е. Семёнов). СПб., НИИКСИ, 2002; Петербургский старшеклассник юбилейного года / Под ред. М.А. Вуса и В.Е. Семёнова. СПб., Изд-во СПбГУ, 2003; Положение молодежи в Санкт-Петербурге / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., НИИКСИ, 2003; Семёнов В.Е., Юрков Е.Е. Русская речь в современной России: тенденции развития (по результатам социологического исследования). СПб., «Политехника», 2004; Социальные и ментальные тенденции современного российского общества (Человек и общество. Вып. XXXI) / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., Изд-во СПбГУ, 2005.

торая должна заниматься и этической стороной рекламы пока редко и робко реагирует на этот беспредел. Понятно, что в таких условиях программа патриотического воспитания граждан России со своими не столь многочисленными мероприятиями и скромным финансированием просто теряется в море «чернухи и порнухи».

Дмитрий Мережковский в начале XX века в своей книге «Большая Россия» писал о грядущем хае, который сокрушит культуру и повергнет общество в хаос насилия и порока. Дальнейшие события XX века во многом подтвердили это пророчество. Громадных жертв и усилий стоило России преодолеть этот духовно-нравственный кризис. В начале XXI века мы сталкиваемся с аналогичной, но еще дальше зашедшей ситуацией. Грядущий хам стал настоящим, существующим среди нас множеством. Ситуация требует неотлагательных действий. **Необходимо добиваться принятия Закона об информационно-психологической безопасности детей, подростков и молодежи от негативного воздействия СМИ и рекламы, Закона о нравственном контроле в сфере СМИ и рекламы (включая мобильную связь) в русле концепции «Доктрины информационной безопасности РФ».** Помимо юристов и педагогов, ведущую роль в этой самой настоящей духовной и политической борьбе за будущие поколения России должны занять представители Православной Церкви, а также других основных конфессий.

В научном системном подходе к работе с молодежью **системообразующим фактором** такой работы нам видится, прежде всего, **духовно-нравственное воспитание современного молодого человека.** Без основополагающих возвышающих ценностей развитие личности, группы, общества просто невозможно. Все великие мыслители и мудрецы человечества, по сути, говорили об этом. Отказаться от этого опыта тысячелетий было бы, по меньшей мере, легкомысленно. Величайший гуманист XX века Альберт Швейцер вывел четкую формулу: «как сейчас, так и во все последующие времена объяснить превратности нашей нынешней судьбы можно только тем, что мы пытались удовлетвориться культурой, оторванной от этики»³. Академик Д.С. Лихачев в интервью, данном им незадолго до своей смерти петербургской молодежной газете «Смена», говорил об ожесточении людей и падении культуры во всем мире и о том, что выход из положения, в котором оказалась наша страна, он видит в образовании, «в образовании с воспитательным уклоном. Надо сделать всё, чтобы спасти молодое поколение от бездуховности и морального падения» («Смена», 1999, 16 сентября). Наконец, Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II ставит вопрос предельно остро: «Перед нашим

³ Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., «Прометей», 1993.

народом стоит трудная задача самоопределения. Что мы выберем: самодовольную «жизнь для себя», нежелающую считаться с ценностями другого, провозглашающую единственной целью всё возрастающее потребление материальных благ, или же останемся верными нравственным традициям своего народа, ценностям соборности и любви к ближнему? Сохранимся ли мы как великий народ или уступим своё место под солнцем народам иным?..» (Известия, 18.04.2006).

Таким образом, в масштабе подобных проблем и в свете системного подхода и практики речь должна идти о **создании единого воспитательно-педагогического социокультурного пространства**. Понятно, что в реализации подобной деятельности не обойтись без значительного числа специалистов по работе с молодежью. Не так давно появилась **специализация 350523 — «Социальная работа с молодежью»**. В Петербурге, например, ее открыли в Санкт-Петербургском госуниверситете на факультете социологии, а также в некоторых других вузах. Думается, что и педагогические вузы и факультеты психологии должны заняться проблемой подготовки специалистов по работе с молодежью — тех молодых людей, которые будут работать, взаимодействовать, вступать в диалог со своими сверстниками (студентами, рабочими, служащими, представителями официальных и неофициальных организаций). Ибо системность подразумевает охват всех групп молодежи, а не только учащихся и студентов.

Очевидно, что должны стать постоянными конкурсы грантов для молодых и не только молодых журналистов, рекламистов и психологов по созданию просоциальных воспитывающих, социализирующих программ и рекламных клипов на телевидении и радио или, например, уличных рекламных стендов, где рекламировались бы и показывались достоинства, польза и красота здорового и честного образа жизни, добрых человеческих отношений, полноценного труда и творчества (первые шаги в этом направлении в стране и Санкт-Петербурге уже делаются). Частью такой воспитательной деятельности должна стать и работа с молодой семьей, утверждение ценностей и традиций дружной любящей семьи с двумя-тремя детьми. Это и воспитание на примерах реальных героев нашего времени, которых пока неспособно показать российское телевидение, превратившееся в машину вульгарного шоу-бизнеса. Правда, на Санкт-Петербургском телевидении появилась передача «Настоящий герой», которая, однако, не может заменить всех необходимых передач патриотической и гражданской направленности, да и качество ее оставляет пока желать лучшего. Это и возрождение значимости честного труда и его мастеров во всех видах человеческой деятельности, а не только на эстраде и в спорте.

Государство и гражданское общество должны осуществлять поддержку реальных молодых лидеров и движений позитивной направленности, как, например, это происходит сейчас с возрождением студенческих строительных отрядов и деятельностью организаций дополнительного образования для детей и подростков. Примером такой организации служит Компьютерный центр технического творчества (КЦТТ) Московского района в Санкт-Петербурге (директор А.Н. Новокщенов), где две тысячи подростков занимаются авиа- и судо-моделированием, радио-ориентированием на местности, автовождением, дельтапланиризмом, прикладными искусствами — и все это с компьютерным сопровождением и поддержкой. Весной 2006 г. по инициативе автора в этом Центре был проведен конкурс социальной рекламы по номинациям «Экология» и «Мы против наркотиков» среди школьников от 1 до 11 класса (реклама выполнялась посредством компьютерной и традиционной графики). Дети проявили гораздо большую творческую фантазию и нравственную убежденность, чем взрослые творцы аналогичной рекламы, чью без преувеличения убогую продукцию можно изредка увидеть на улицах наших городов. В феврале 2007 г. в КЦТТ прошел второй, еще более широкий конкурс социальной рекламы по номинациям: здоровый образ жизни; экология; я и семья; мы — патриоты. В социализации и воспитании детей, подростков и молодежи можно успешно применять новые, в том числе компьютерные, технологии, игры, помогающие им наглядно понять и усвоить этические нормы и правила просоциального поведения.

К сожалению, до сих пор остается весьма странной позиция Министерства образования и науки РФ. Так, на встрече с представителями государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в Петербурге директор Департамента государственной политики в образовании этого министерства И.И. Калина в ответ на критику в адрес министерства заявил: «Министерство не дает четких ориентиров, и это так и должно быть, профессиональное сообщество должно делать такие предложения, от которых министерство не может отказаться»⁴. То есть по Ильфу и Петрову, «дело спасения утопающих — дело рук самих утопающих». Поэтому, не получая поддержки в ответ на свои обращения в Министерство образования и во все прочие государственные инстанции по поводу обуздания деятельности аморальных СМИ, тоталитарных сект, инфраструктуры порока в стране, педагогическая общественность начинает создавать свои собственные просветительно-воспитательные организации.

Например, в Петербурге в 2002 году была создана межвузовская Ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров»

⁴ www.kctt.spb.ru

(ее Президентом является ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии Архиепископ Константин, вице-президентом — ректор Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Г.А. Бордовский), в которую вошли свыше двадцати ведущих вузов города (Университет технологии и дизайна, Университет экономики и финансов, СПбГУ, Университет культуры и искусств, Медицинская Академия им. И.И. Мечникова, Военно-космическая Академия им. А.Ф. Можайского, Российская военно-медицинская Академия и др.). Ассоциация проводит не только всевозможные конференции, чтения, встречи, паломнические поездки, но и межвузовский творческий конкурс, посвященный дню святой Татианы (номинации: благодатная педагогика, христианство и философия, сочинения и рассказы, видеофильмы, духовная и фольклорная музыка, изобразительное и прикладное искусство, Интернет-проекты и др.). Совместно с телерадиокомпанией «Петербург» Ассоциацией «Покров» создан творческий коллектив «Духовное наследие», который производит и выпускает десять еженедельных радиопередач. Ассоциацией совместно с Санкт-Петербургским Собором православной интеллигенции организован Общественно-экспертный совет по вопросам культуры и рекламы, благодаря деятельности которого удалось улучшить в нравственном отношении положение с уличной рекламой в городе.

Но, в принципе, необходимо переходить к более активным гражданским действиям, подобным митингу студентов и преподавателей петербургских вузов «За нравственность на российском телевидении», успешно прошедший 11 октября 2006 г. на Манежной площади рядом с Домом радио, где находится руководство ряда телерадиокомпаний. Инициатива митинга исходила от членов Общественно-экспертного совета по вопросам культуры и рекламы, была поддержана ректором СПбГУ Л.А. Вербицкой, неоднократно выступавшей с критикой безнравственности на российском ТВ, а также и другими ректорами петербургских вузов. Межвузовская ассоциация «Покров» выступила непосредственным организатором этой акции.

В целом, ясно, что в русле молодежной политики и воспитания подрастающего поколения предстоит неотложная большая духовно-нравственная и социально-психологическая работа по воспитанию и социализации, консолидации и сплочению молодежи, всех ее групп, всего общества на основе патриотизма и гражданственности, утверждения принципов социальной справедливости. Иначе «грядущий хам» станет настоящим воинствующим большинством в России, а последствия этого очевидны.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр КАЗИН

ВОСТОК, ЗАПАД И РОССИЯ

*Отрывок из новой книги
«Великая Россия»*

Казин Александр Леонидович — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, автор многих статей, книг, посвященных проблемам философии искусства в русской и европейской духовных традициях. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

История продолжается до тех пор, пока люди радуют Бога. В современном мире, однако, все больше признаков, что радость Его иссякает. «Малый» апокалипсис бывает и внутри истории. Не будем забывать при этом, что суд Божий есть не только поражение, но и *победа*. «Эсхатологическое чаяние оказывается чувством покаянным и светлым, означающим по сути меру любви ко Христу»¹. Да иначе, вероятно, и невозможна была бы жизнь на Руси — тут всегда виден день первый и день последний. Именно это придает нашей культуре особую трагическую красоту.

Часто приходится слышать, что Россия не любит свободы. Так говорят не только «западники», но и «славянофилы», только с разным знаком: первые сетуют, вторые одобряют. Отношения между Россией и свободой действительно непростые. Весь вопрос в том, что понимать под свободой. На Востоке, на Западе и в России эта категория трактуется по-разному.

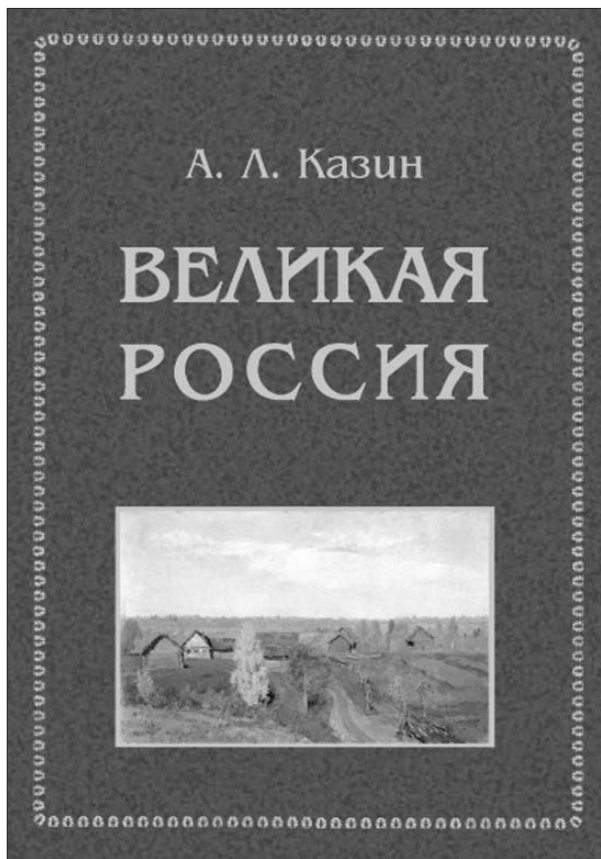
В предельном обобщении, Восток — родина мировых монотеистических религий. В первую очередь, это касается иудаизма и ислама, единый Бог которых — это Абсолют, творящий мир из ничего. Выражаясь в терминах теории культуры, это религиозная классика, где творчество совпадает с творением, слово — с

¹ Свящ. Геннадий Беловолов. Заметки о русском апокалиптизме // Русский Крест. Сб. статей. СПб., 1994. С. 114.

делом, онтологическая горизонталь — с мистической вертикалью. Согласно формуле Спинозы, Бог мыслит вещами. Дело человека в таком хронотопе — исполнение закона (613 заповедей Моисея, шариат и т.п.).

Появление христианства на пространстве восточной классики означало переход к своего рода религиозному «модерну», где Абсолют в лице Бога-Сына нисходит в мир с целью спасения твари. Нисходя с неба на самое дно падшего бытия, Христос нарушает тем самым все формальные границы между «верхом» и «низом» мироздания (жертвенный кенозис). Именно

это было «для иудеев соблазном, для эллинов — безумием». Приняв на себя природу человека, Спаситель восстановил утерянные божественные качества твари — и прежде всего ее творческую свободу. Восток в целом этой жертвы не понял и не принял (распятие Христа), Европа же приняла христианство в рационально-юридической форме римского католицизма. По целому ряду признаков — строгая правовая кодификация, папоцезаризм, схоластика и др. — католическая церковь фактически стала продолжением языческой римской империи. В определенном смысле это было сохранение Востока на Западе — классический абсолютистский тип религиозности продолжал свое действие внутри самого европейского христианства («тяжелый» романский стиль, жесткая вертикаль готики). Собственная история Запада как духовной и цивилизационной реальности начинается только с XV века, когда эпоха Ренессанса обозначила собой движение от теоцентризма к антропоцентризму. В отличие от Востока, Запад свел вечность ко времени, онтологические ценности — к инструментальным, соборность — к индивидуализму. Бесспорным достижением европейской цивилизации стал суверенный индивид как субъект права и культуры, однако утрата таким субъектом субстанционального (классического) духовного содержания привела его

к опасным экзистенциальным опытам со свободой, вплоть до союза с Мефистофелем (Фауст).

В отличие от древнего Востока, Запад — это энергичная самонадеянная цивилизация, все пятьсот лет своего развития занятая непрерывным прометеевско-фаустовским экспериментом над самой собой. Прав был Ницше: для Европы Бог умер. Набрав колоссальную идейную и производительную динамику, современный Запад переживает завершение проекта модерна — постмодерн. В содержательном плане его характеризует исчерпание абсолютизированной свободы, оказавшейся в религиозной пустоте. В культуре это ведет к ликвидации граней между действительным и возможным, то есть к господству чистой мнимости (знаки без предметов, спекулятивная экономика, «общество спектакля»). Нравственный предел западной культуры (неразличение добра и зла) сегодня близок так же, как и экологический предел природы. Дальнейшая прогрессивная динамика Запада возможна только за счет глобального информационного, а затем и структурного подчинения всего не-Запада стратегиям «открытого общества», что крайне опасно для всего мира.

Что касается России, то она никогда не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Ни тот, ни другой не признают ее подлинно своей. Ориентализация России («византийский» Киев, «татарская» Москва) оказалась столь же поверхностной, как и ее последующая вестернизация. В отличие от Востока, русская христианская классика изначально включала в себя творческую активность личной воли (православный храм и икона есть взаимораскрытие Бога и человека, а не подчинение одного другому). Вместе с тем, в отличие от Запада, религиозная свобода личности на Руси никогда не доходила до культа автономного индивида, оставаясь, так или иначе, в рамках соборного целого (царство, империя, коммуна). Строительство Санкт-Петербурга не отменило соборного начала национальной культуры — наоборот, оно утвердило светскую ипостась православия как дело персонального избрания (Пушкин, Достоевский, Соловьев и др.). Восточное рабство у Абсолюта или западное соперничество с ним — не русское занятие. Европейская свобода пережила ряд смертей — смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Восточная душа по существу не знала религиозной свободы. Противоречие между «тайной» свободой, восточной волей и западной формой — это движущая сила **нашей** истории. До сих пор Россия успешно проходила испытания Востоком и Западом: в конечном счете, они только укрепляли ее внутренний смысловой код. Привлекая к себе лучшее из Азии и Европы, Россия не переставала быть самой собой. Это во многом делает ее страной будущего, способной сохранить мир для человека и человека для Бога.

ВЕХИ

КРЕПИТЬ ЕДИНСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩЕСТВЕН- НОСТИ

19-21 апреля 2007 г. Собором православной интеллигенции в Санкт-Петербурге проведен Всероссийский форум православной общественности на тему «Православие и суверенитет России». В рамках форума проходили:

научно-практическая конференция «Православие и власть: традиция и современность»;

круглый стол «Православная общественность и ее влияние на социальную и политическую стабильность в современном обществе»;

молодежный диспут «Православная молодежь и политика»;

паломнические поездки участников форума по местам православных святынь Санкт-Петербурга и его пригородов.

В работе форума приняло участие более 500 человек, среди них 21 профессор и доктор наук, 40 доцентов и кандидатов наук, представители законодательной и исполнительной власти Санкт-Петербурга и других регионов России, представители общественных объединений и средств массовой информации, известные писатели, священнослужители, военнослужащие, представители МВД, студенты, православная молодежь.

Заявки на участие в работе форума поступили в оргкомитет из 32 регионов России и трех иностранных государств.

Главной целью форума ставилась консолидация православных сил российского общества на основе традиционных смыслообразующих ценностей жизни и усиления их влияния на проис-

Молебен перед открытием Форума. Фото Е. Лозновской

Президиум Форума. Фото Е. Лозновской

ходящие в обществе духовно-нравственные, социальные и политические процессы.

Дискуссии и обмен опытом практической работы, проведенные в ходе конференции, круглого стола и молодежного диспута показали своевременность и актуальность поставленных Форумом целей и задач. В ходе дискуссии выступающие высказали свое мнение по многим проблемам как теоретического, так и практического плана, сосредоточив внимание на тех из них, которые консолидируют и стабилизируют современное российское общество.

В то же время в выступлениях участников прозвучала озабоченность отсутствием необходимого единства православных общественных сил, их решительной разобщенности и неуправляемости. Участники Форума посчитали необходимым провести работу по подготовке и созданию единого всероссийского православного общественного движения с единым центром управления этим движением. Участники Форума убеждены, что наличие такого движения благотворно повлияет на создание в российском обществе социальной стабильности, приведет к соработничеству церкви, народа и власти, активно повлияет на развитие творческой активности народа во всех слоях общества, укрепит и поднимет на новую высоту авторитет Православия.

В заключение своей работы Форум принял два документа:

1. Обращение всероссийского форума православной общественности «Православие и суверенитет России» ко всем православным общественным объединениям, всем православным гражданам России.
2. Обращение ко всем гражданам России в связи со 100-летием завершения земного пути святого праведного Иоанна Кронштадтского.

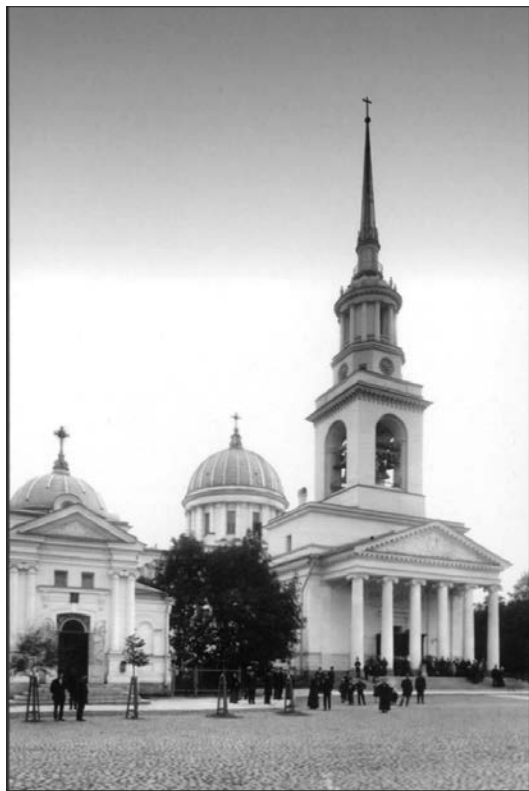
По нашему мнению Форум стал важным событием Всероссийского масштаба и послужит активным стимулятором к развертыванию и раскрытию созидательных сил православного общественного движения.

Оргкомитет Форума

О 100-летию памяти Святого праведного Иоанна Кронштадтского

2 января 2009 года исполняется 100 лет со дня завершения земного пути Всероссийского батюшки — Святого праведного Иоанна Кронштадтского.

По его молитвам и по молитвам к нему исцелялись болящие, воздвигались храмы, устанавливался мир. Несть числа этим большим и малым чудесам, но особенно важно вспомнить сейчас, что именно благодаря Иоанну Кронштадтскому было спасено наше Отечество в смуте 1905 года.

*Андреевский собор в Кронштадте.
Фотограф К. Булла. Кон. 1890-х гг.*

Разжечь революционный пожар тогда не удалось.

Доморощенных врагов России и заграничных любителей красивой революционной жизни смело тогда мощное движение русского народа, которое благословил всероссийский батюшка Иоанн Кронштадтский.

И разве не чудо, что столетней годовщиной своего небесного предстояния с молитвой о России Престолу Божию Иоанн Кронштадтский снова является к нам в такое непростое для нашей страны время!

Конгресс собора Православной интеллигенции подчеркивает свою тревогу по поводу разобщенности наших патриотических сил и движений выражает надежду, что, может быть, не умея объединиться политическими дви-

жениями и партиями, мы сможем, как в 1905 году, объединиться вокруг нашего небесного заступника?

Конгресс собора Православной интеллигенции выражает надежду, что празднование 100-летия памяти Иоанна Кронштадтского объединит нашу страну крепче, чем любые пиаровские и политтехнологические мероприятия.

Если мы организуем крестный ход от кронштадтской площади, на которой стоял Андреевский собор, в котором святой праведный Иоанн Кронштадтский совершил 19 345 литургий, до Сурского монастыря, его Родины, мы соединим весь северо-запад.

Если мы сумеем поднять всероссийское движение мемориализации мест, связанных с памятью святого, мы объединим всю нашу страну, ибо сотнями исчисляются города и поселки, в которых служил и проповедовал Всероссийский батюшка.

Если мы проведем съезд настоятелей всех храмов, посвященных памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского, мы объединим весь православный мир — во многих странах имеются такие храмы.

В юбилеях есть магическая сила. Во всенародном переживании происходит не только воспоминание о событии, но и укрупнение события, и подлинное осуществление его.

Венцом юбилейных мероприятий могло бы стать, если не восстановление собора Святого Андрея Первозванного, в котором 53 года своей жизни служил отец Иоанн, то хотя бы закладка его.

И главное же, что мы можем сделать в ходе празднования столетия памяти Иоанна Кронштадтского, это достичь единства в самих себе, понять, наконец, что судьба православия и России важнее для нас любых наших привязанностей и обольщений.

В этом единстве залог спасения нашего Отечества и его возрождения в православной красоте и силе.

Совет Собора Православной интеллигенции Санкт-Петербурга

Святой праведный Иоанн Кронштадский

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактный телефон редакции
8(911) 225-69-93

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

*Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.*

Цена свободная

Корректор Г.А. Ильина
Компьютерная верстка Т.Б. Макаровой

Подписано в печать 21.05.2007 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 14,0.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.